ISSN 2542-2197

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

10
выпуск (878)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

10 Issue (878)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 10 (878)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК — **доктор филологических наук, профессор**

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко — **кандидат филологических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 10(878)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
GALINA G. BONDARCHUK — **Doctor of Philology, Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO — **PhD in Philology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны
АНИЩЕНКО А. В. 9

Об изменениях в лексической системе немецкого языка (возможности данных корпусов)
ВОРОНИНА Г. Б. 16

Вербализация мимики и жестов на материале корпусных данных
ГОЛУБЕВА А. С. 24

Вербализация ценностного компонента концепта HASS IM NETZ в виртуальной коммуникации
ИВАНОВА М. А. 32

Стереотипные представления о русских в современном немецком романе
КЛИНОВСКАЯ А. А. 38

Эталонные характеристики антропонимов домена *Религия* в лингвокогнитивных сравнительных моделях
КУЛИКОВА В. А. 44

Анализ комплексного воздействия коммуникативных сигналов поликодового медиатекста
КУНИЦЫНА О. М. 51

Социальный конструктивизм и анализ сценария светской беседы в англоязычном дискурсе
ЛЮБИМОВА О. Ю. 58

Сравнительный анализ правовых установок представителей юридических специальностей (на материале эксперимента)
МОИСЕЕНКО Л. В., ВИКУЛИНА М. А. 65

Метонимические модели эвфемизации в разноструктурных языках
ПОРОХНИЦКАЯ Л. В., ЧИРВОНАЯ М. О. 72

Особенности немецкоязычной цифровой меметики (на англ. яз.)
ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В. 77

Особенности концептуальной структуры немецкого детективного романа для детей и подростков
ПРИВАЛОВА Е. П. 86

Институализация дискурса о французском языке в СМИ Франции (на примере национальной газеты *Le Figaro*)
СЕМИНА И. А. 93

Конструкции с глаголом «andare» в итальянском языке. Перифраз, псевдокоординация или сериализация?
СКАЛИЯ ДАВИДЕ 100

Реализация норм политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе
СТРЕЛЬЦОВА В. В. 107

Фейк как некритическое восприятие информации
ТРОФИМОВ Р. В. 113

СОДЕРЖАНИЕ

Типы вопросов в арсенале медиатора (на примере англоязычных текстов)
УСКОВА Т. В. 119

Функционирование межъязыковой интерференции в переводе
ФЕДУЛОВА М. Н., ЧЕРНЫХ Е. В. 126

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Автор, событие и читатель в креативной деятельности
БОНДАРЕВ А. П. 132

Мистическое в йенском романтизме: постановка проблемы
в отечественном и зарубежном литературоведении
ЧЕРНЯВСКИЙ И. Б., СОМОВА Е. В. 143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Репрезентация повседневной культуры российских мусульман в социальных сетях
КУПЦОВА И. А., ЗИННЯТУЛЛИНА Г. Ф. 150

Символическое «страдание» артефактов. Статья 2
СМИРНОВА А. А., ЛЕОНОВ И. В., КИРИЛЛОВ И. В. 156

CONTENTS

LINGUISTICS

Russia Through the Eyes of a Foreigner: Emotive Means of Creating the Image of a Country
ANISHCHENKO A. V. 9

On the changes of the lexical system of the German language (corpus data capabilities)
VORONINA G. B. 16

Verbalization of Mimic and Gestures on the Material of Corpus Data
GOLUBEVA A. S. 24

Verbalisation of the Value Component of the Concept HASS IM NETZ in Virtual Communication
IVANOVA M. A. 32

Stereotypes about Russians in Modern German Novel
KLINOVSKAYA A. A. 38

Paragon Qualities of the Anthroponyms of the Domain *Religion* in Linguocomparative Models
KULIKOVA V. A. 46

Analysis of the Complex Impact of the Communicative Signals of the Multimodal Media Text
KUNITSYNA O. M. 51

Social Constructivism and Analysis of the Scenario of Small Talk in English Discourse
LYUBIMOVA O. YU. 58

Comparative Analysis of Legal Mindsets of Legal Profession Representatives
(based on the Experiment)
MOISEENKO L. V., VIKULINA M. A. 65

Metonymic Models of Euphemization in the Differently Structured Languages
POROKHNITSKAYA L. V., CHYRVONAYA M. O. 72

Features of German digital memetics
POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V. 82

Features of the Conceptual Structure of the German Detective Novel for Children and Adolescents
PRIVALOVA E. P. 86

Institutionalization of the Discourse on the French Language in French Media
(based on the National Daily *Le Figaro*)
SEMINA I. A. 93

Constructions with the Verb “andare” in Italian. Paraphrase, Pseudo-Coordination or Serializations?
SCALIA DAVIDE 100

Implementation of the Norms of Political Correctness in the German-Language Media Discourse
STRELTSOVA V. V. 107

Fake as Uncritical Perception of Information
TROFIMOV R. V. 113

Types of Questions in The Mediator’s Arsenal (on the Example of English Texts)
USKOVA T. V. 119

CONTENTS

Functioning of Crosslanguage Interference in Translation
FEDULOVA M. N., CHERNYKH E. V. 126

LITERARY STUDIES

Author, Event and Reader in Creative Activity
BONDAREV A. P. 132

Mysticism of Jena Romanticism: the Problem Statement in Russian and Foreign Literary Studies
CHERNYAVSKIY I. B., SOMOVA E. V. 143

CULTUROLOGY

Representation of Everyday Culture of Russian Muslims in Social Networks
KUPTSOVA I. A., ZINNYATULLINA G. F. 150

Symbolic “Suffering” of Artifacts. Article 2
SMIRNOVA A. A., LEONOV I. V., KIRILLOV I. V. 156

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_9

Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны

А. В. Анищенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
allan031@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале репортажей немецкоязычных авторов анализируются эмотивные средства, объективирующие оценочные и эмоциональные реакции на факты российской действительности, а также на происходящие в России события. Выявлены единицы, репрезентирующие наиболее частотные эмоциональные реакции (удивление и опасение); определены сферы их актуализации (природа страны, уровень жизненного комфорта, образ жизни россиян, их поведение в быту). Выдвигается тезис о том, что образ страны структурно может быть представлен в виде поля.

Ключевые слова: образ страны, эмотив, репрезентация эмоций, стереотип, поле

Для цитирования: Анищенко А. В. Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_9

Original article

Russia Through the Eyes of a Foreigner: Emotive Means of Creating the Image of a Country

Alla V. Anishchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
allan031@yandex.ru

Abstact. The paper based on the notes of German-speaking travelers is dedicated to the emotive means of the language, objectifying the emotional reactions of the authors of publications to the events and facts of Russian reality. The analysis revealed language means representing the most frequent emotional reactions (surprise and apprehension); the spheres of their actualization (nature, welfare, lifestyle and behavior of Russians in everyday life). It has been established that the image of a country has a field structure.

Keywords: image of a country, emotive, representation of emotions, stereotype, field

For citation: Anishchenko, A. V. (2023). Russia through the eyes of a foreigner: emotive means of creating the image of a country. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_9

ВВЕДЕНИЕ

Образ России, формирующийся и формируемый в современном противоречивом мире информационных войн и идеологических манипуляций, представляет научный интерес для гуманитарного и общественного знания. И хотя исследования образов и имиджей национальных государств в рамках политологии, культурологии, истории, философии, журналистики, социологии, лингвистики ведутся достаточно интенсивно, актуальность дальнейшей работы в этом направлении не вызывает сомнения. Она обусловлена необходимостью установления закономерностей способов конструирования национальных образов с учетом динамики геополитической ситуации.

Традиционно образ характеризуется как схематизированное знание о предмете, которое формируется при накоплении данных – информации об объекте, получаемой от сенсорных источников (органов чувств человека). Далее образ принимает окончательную форму, когда накопленные данные систематизируются и схематизируются, принимая вид, наиболее удобный для последующего хранения в памяти [Беляевская, 2011].

Образ *чужой* страны строится на базе стереотипов; как правило, он формируется опосредованно под влиянием комплекса различных нематериальных и материальных факторов, находящихся в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и актуальной политической ситуации.

В качестве универсальной системы, при помощи которой формируется национальная картина мира, рассматриваются средства массовой информации как посредник между государством и гражданским обществом и как инструмент влияния на общественное и индивидуальное сознание.

Данная статья рассматривает формирование образа чужой страны не в свете манипулятивного воздействия СМИ, а как результат влияния личных обстоятельств. Проследим, как и под воздействием *каких* факторов трансформируется упрощенная модель стандартизированного и устойчивого образа -стереотипа, усвоенного в готовом виде, в новый самостоятельно сформированный под влиянием реальных межкультурных контактов образ. Целью исследование является установление ядерной, инвариантной зоны образа страны и периферийной зоны, которая отличается меньшей стабильностью, и, как мы предполагаем, может видоизменяться под воздействием различных обстоятельств.

Мы исходим из того, что использование эмотивно-экспрессивной лексики в текстах, объективирующих образ страны, может способствовать его дестабилизации и последующей трансформации.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили документально зафиксированные впечатления двух немецких женщин, рассказывающих о своем знакомстве с Россией и о своей личной истории любви, преодолевшей не только расстояние в несколько тысяч километров, но и языковые и культурные барьеры. Одна из них – Бритта Вульф (Britta Wulf), тележурналист и режиссер, работая над телевизионным проектом и снимая фильмы о национальных меньшинствах, оказалась в России в служебной командировке. Закончив проект, очарованная страной и людьми, она поняла, что обязательно вернется. Свой образ России она запечатлела в книге «Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe», адресуя ее тем, кто интересуется этой страной и мечтает о приключениях и любви [Wulf, 2017].

Образ, созданный в книге «Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien» другой героиней – Карин Хас (Karin Haß), изменившей свою привычную жизнь в Германии, чтобы несколько месяцев в году проводить со своим мужем, эвенком Славой в далекой от цивилизации деревне, несет отпечаток более тесного знакомства с российской действительностью [Haß, 2016].

Личные истории, рассказанные от первого лица и документирующие в мельчайших деталях все происходящее, не оставляют равнодушным читателя; они сродни репортажу с места событий, при помощи которого он попадает туда, куда в реальной жизни, как правило, доступ закрыт, – в частную жизнь. На фоне личных отношений по-иному видятся страна и люди, происходит контакт с иной культурой, который способен скорректировать индивидуальные информационные системы коммуникантов и трансформировать устойчивое представление об иной культуре, ее стереотипный образ.

На первом этапе исследования были выделены контексты, содержащие стереотипные представления о России: описания быта и природы, характеристик людей, национальных традиций. Наряду с названными ситуациями исследовательский корпус включал описание реакций протагонистов на актуальные, но не личностно значимые события, а также контексты, где имеет место сравнение двух культур – русской и немецкой.

Дальнейшая систематизация выделенных контекстов проводилась на основе критериев «наличие эмоциональной составляющей» и «модальность эмоциональной реакции». Это позволило выявить языковые средства, репрезентирующие наиболее частотные эмоциональные реакции носителей немецкой культуры на российскую

действительность, и определить сферы актуализации данных эмоциональных реакций.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИИ

Стереотип как устойчивый, стандартизированный образ, дающий представление о целой категории, обнаруживается в следующих тематических зонах представлений о России:

- Отношение русских ко времени

(1) Die Russen sind **keine großen Planer**, die Evenken erst recht nicht (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*);

(2) Apropos, **gibt es hier überhaupt so etwas wie einen Plan**? Manchmal denke ich, ich hätte verstanden, was für heute geplant ist – dann kommt alles anders. Habe ich es falsch verstanden? Oder **wurde der Plan plötzlich geändert**? Ich denke, es ist von beidem etwas *(там же)*.

- Милитаризация различных сфер жизни в России

(3) Alles wird in Russland **bewacht**. Sogar **mit der Waffe verteidigt** (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*);

(4) […] die meisten Russen nutzen **die Kleidung der Soldaten** als Arbeitskleidung (*там же*).

- Бюрократия в России

(5) Ich scherze, dass bei uns nur die Täter so etwas machen müssen und nicht die Opfer. Ja, **das sei hier anders. Ich muss viele Papiere unterschreiben.** Beim vierten Dokument frage ich, was denn das alles sei […] (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*).

- Гостеприимство русских

(6) Egal wann und wo man hinkommt, **wird Tee und etwas zu Essen angeboten** (*там же*).

- Отношение русских к представителям других культур

(7) Ich bin es schon gewohnt, dass **die einfachen, eher ungebildeten Russen**, <…> **auf schlitzäugige oder dunkelhäutige Völkerschaften mit Verachtung herabschauen** <…> (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

О стереотипном характере этих представлений можно судить по использованию авторами в своих суждениях обобщающих единиц *die Russen* или *Russland*, а также неопределенно-личного местоимения *man*, наречия места *hier* в значении «здесь, в России»:

(8) Sie (Galina) veranstaltet **hier** kleine Wettkämpfe und verteilt danach Urkunden. Das ist in Russland ganz wichtig (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*);

(9) **Wie es hier üblich ist**, bedankt er sich nicht für das Geschenk, sondern nickt nur beiläufig (там же).

Рассматривая стереотипы в аспекте межкультурной коммуникации как фундаментальные категории схем поведения и схем интерпретации (презентации) опытных данных, А. Киклевич указывает на их моделирующую функцию, т. е. на их способность программировать поведение субъекта, его семантическую интерпретацию передаваемой и получаемой информации [Киклевич, 2009]. Стереотипный образ страны, сформировавшийся у авторов репортажа еще до непосредственного контакта с российской действительностью под влиянием немецкой социокультурной среды, детерминирует процессы их восприятия иной культуры и реагирования на нее. С другой стороны, этот стандартизированный образ является частью общей когнитивной базы носителей немецкой культуры, определяет тематический репертуар репортажей и обусловливает отбор ситуаций для повествования, который базируется на общем для представителей одной культуры образе *чужой* страны.

ОБЪЕКТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОЦЕНИВАНИЯ

В письменно зафиксированном нехудожественном тексте выражение эмоций автора, ведущего повествование от первого лица, всегда интенционально и контролируемо, так как подбор языковых средств осуществляется им осознанно, в соответствии с коммуникативным намерением. Эмоция возникает в результате восприятия некоего объекта или события и их оценки. Оценка влияния объекта или события на воспринимающего придает представленному в сознании образу эмоциональную окраску, т. е. эмоция, хоть и не является оценкой, несет ее в себе как необходимую

составляющую. Это важно для предлагаемого исследования, поскольку мы исходим из того, что отбор ситуаций для своих репортажей осуществлялся авторами сознательно и представлял собой эмоционально-оценочную процедуру индивидуального характера; с другой стороны, отбор ситуаций для подобного рода текстов характеризуется национально-культурной обусловленностью, поскольку должен представлять интерес для реципиента как представителя немецкой культуры.

Главным триггером эмоций, испытываемых авторами, соприкасающимися с иной культурой, выступает конкретное событие-инцидент, например: ночная поездка в купе поезда с соседом-наркоманом; «торг» с таксистом, который требует от иностранца непомерно завышенную плату за проезд; общение с полицейскими, расследующими кражу личных вещей и т. д. Именно такое эмоциогенное событие получает фиксацию в репортаже, поскольку оно воспринимается автором как контакт с иной культурой, как нечто, выходящее за рамки привычного мировосприятия: то, что спровоцировало эмоциональную реакцию у автора, может вызвать эмоциональную реакцию у читателя. Селективность в описании событий выступает как способ коммуникативного воздействия, привлечения и удержания внимания реципиента, что активирует когнитивную обработку информации, создает позитивный имидж источника информации, служит продлению коммуникативного контакта.

Все события описываются исключительно подробно, с немецкой щепетильностью и вниманием к деталям, например, читатель узнает, *что* именно и с *какой целью* Карин и Слава везут с собой в деревню Среднюю Олекму:

(10) 25 Liter Speiseöl, 30 kg Zucker, 20 kg Salz, 20 kg ungelöschter Kalk, zwei große Aluminiumwassertöpfe stellen nur einen Teil unserer Einkäufe dar… Den Kalk brauchen wir, weil jedes Jahr die Innenräume der Häuser frisch gekalkt werden und wir mit dem Gästehaus zwei Häuser zu versorgen haben. Die 25 Liter Speiseöl reichen etwa ein Jahr. Es stellt in Srednjaja Oljokma meist das einzige verfügbare Speisefett dar. Auch Kuchen wird mit Öl gebacken. Butter und Margarine gibt es nur selten zu kaufen. Viel Salz wird zum Haltbarmachen von Lebensmitteln benötigt. Wir schleppen außerdem noch eine bleischwere Handnähmaschine mit uns; die Slawa von seinem Bruder in Irkutsk erhalten hat und die wir sehr gut berauchen können, weil damit Leder genäht werden kann (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

Systematisierung отобранных для анализа эмотивных контекстов по тематическому основанию выявила следующие области, выступающие как объекты эмоционально-оценочного отношения:

- Природа и географические характеристики России

(11) Wir fahren ungefähr noch zwanzig Minuten weiter, legen dann an einem wunderschönen Platz an. Hier ist niemand außer uns. Es ist traumhaft […] Die Erde duftet nach Kräutern und Blumen. Ein leichter Wind weht über die Hügel. Der Blick auf den unendlich großen und tiefblauen See ist atemberaubend (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*).

- Качество российских товаров

(12) Manchmal bin deprimiert und des Lebens in Russland überdrüssig. Die Mängel, über die ich ständig stolpere und die ich in den ersten Jahren meines Hierseins mit einem Achselzucken abtat, nerven mich zunehmend. Ich frage mich zum Beispiel, warum, zum Teufel, es den russischen Herstellern egal ist, dass von 100 Handwaschgeräten höchstens fünf dicht sind und nicht ständig tröpfeln, warum die Hälfte aller Formen, in denen man Pelmeni fabriziert, ungeeignet ist <…>, warum ein hoher Prozentsatz neu gekaufter Ersatzteile für Schneemobil oder Bootsmotor fehlerhaft ist <…> (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

- Уровень комфорта в стране

(13) Wie gewöhnlich sind die Abteile völlig überheizt, aber kalt wäre noch schlimmer und normal temperiert eine unrealistische Wunschvorstellung. (*там же*).

- Транспортное сообщение

(14) Draußen warten wir auf ein Großraumtaxi. Aber es kommt keins. Einen richtigen Fahrplan gibt es nicht (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*).

- Государственные органы

(15) …Obwohl die russischen Polizeibeamten viel netter sind, als ich gedacht habe. Wir haben sogar schon gemeinsam gelacht (*там же*).

СПОСОБЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ

При систематизации эмотивных контекстов, определении знака эмоции и ее модальности мы

исходили из того, что отражение эмоций в языке происходит на трех уровнях: номинаций, дескрипций и экспликаций [Шаховский, 2008]. Отметим, что эксплицированная трансляция эмоциональных состояний, т. е. непосредственное выражение эмоции при помощи аффективов, например, междометных единиц или эмоционально-оценочной лексики в эмотивной функции, встречается достаточно редко и, как правило, связано с выражением лично значимых смыслов, не имеющих непосредственного отношения к созданию образа России, скорее, как элемент автокоммуникации, как маркер, сигнализирующий о переходе из мира российской реальности в эмоциональный мир автора: ***Ach**, wenn ich das doch alles auch so einfach sehen könnte. Aber ich spüre schon jetzt, wie sich mein Gedankenkarussell in Gang setzt* (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*). При этом, зачастую амбивалентный характер междометий маркирует эмоциональное состояние как таковое, не указывая ни на знак, ни на модальность эмоциональной реакции, о которых читатель может судить только на основе контекста: ***Oh Gott**, was will ich denn noch alles? Diese Reise scheint all meine verschütteten Wünsche ans Tagelicht zu bringen* (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*).

Обращает на себя внимание отсутствие в исследуемом корпусе контекстов, содержащих описание невербального выражения эмоциональной реакции на событие или объекты, составляющие образ России. Поэтому систематизация контекстов по модальности эмоциональной реакции проводилась на основе номинаций, среди которых преобладают косвенные номинации, к которым в данной работе мы относим номинацию эмоций при помощи прилагательных, глаголов и наречий (*Es war so **spannend**, **aufregend***; *ich bin **erstaunt***, *sie haben mich **begeistert*** и др.).

Значительная часть исследований объективации эмоций в языке основана на тезисе о наличии группы базовых эмоций, возникших в результате эволюционно-биологических процессов и имеющих отчетливые и специфические переживания, сопровождающиеся выразительной конфигурацией невербальных проявлений [Ильин, 2001]. Этим параметрам соответствуют следующие эмоции: *интерес*, *радость*, *удивление*, *печаль*, *гнев*, *отвращение*, *презрение* и *страх*. Интересно отметить, что негативные эмоции высокой интенсивности *гнев* и *страх* представлены достаточно редко, а контексты, содержащие прямые или косвенные номинанты эмоций *отвращение* и *презрение*, отсутствуют. Однако нельзя утверждать, что наши героини не испытывали подобные эмоции при столкновении с российской действительностью, в данном случае можно говорить об имплицитном характере трансляции эмоций. Реципиент, воспринимая и оценивая ситуацию, руководствуясь своим эмоциональным опытом, правильно интерпретирует и самостоятельно квалифицирует негативную эмоцию отвращения, например, при описании грязи в общественном уличном туалете возле провинциальной гостиницы или в подъезде жилого дома. Лексемы Dreck (грязь) и Abfall (отходы) не вызывают сомнения в том, что реципиент однозначно идентифицирует транслируемую эмоцию как *отвращение*:

> (16) Das Steh-Plumpsklo hinter dem Haus ist so **verschmutzt**, dass ich meine Hosenbeine bis zu den Knien aufkremple und die Füße breitbeinig ganz außen aufsetze, bevor ich mich darüber hocke. Der Weg dorthin ist **mit Hundekot übersät**, und neben dem Klo liegt **ein Haufen Abfall** aus Plastikflaschen, leeren Konservendosen, Kartonagen und Ähnlichem (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

> (17) …das Treppenhaus aber völlig verwahrlost. Der Putz ist großflächig abgefallen, ein ehemaliger Anstrich höchstens zu erahnen, die Stufen sind ausgetreten, überall liegen Unmengen vom Abfall und Dreck (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

Состояние российских туалетов тематизируется, вероятно, во всех репортажах путешествующих по российской провинции, однако нельзя не отметить, что восприятие и эмоциональная оценка часто индивидуально и ситуативно обусловлены. Так, другая героиня, Бритта Вульф, более сдержана в выражении эмоции относительно этого факта российской действительности, она описывает его как бы между прочим, не акцентируя на нем внимания читателя: *Das Luftkissenboot ist großzügig, was das Platzangebot betrifft. Die zwei Toiletten sind eine Katastrophe. Wer zum Luftholen oder Rauchen raus will, hat nur die Chance auf einen kleinen Austritt* (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*). Можно было бы предположить, что дело не в ее индивидуальном восприятии, а в более комфортных условиях пользования объектом. Однако, как показывает материал исследования, именно в ее репортаже чаще наблюдается нивелирование негативной реакции. Много раз в повествовании Бритты Вульф мы слышим «я не боюсь», она как бы отвечает на вопрос, заданный ей встреченными в пути немецкими туристами и волнующий любого представителя иной культуры, находящегося под влиянием стереотипа об опасности России: *Sie wundern sich, dass ich so ganz*

allein unterwegs bin. Fragen, ob ich denn keine Angst hätte. Hab ich nicht, ehrlich nicht (*B. Wulf. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe*). Такой реакцией она сигнализирует: дикая и опасная Россия – это предрассудок. Нельзя не учитывать и тот факт, что Бритта Вульф во время своей поездки очарована первой поездкой и влюблена: ее нежелание испытывать и тем более описывать негативные эмоции обусловлены ее индивидуальным психологическим состоянием – состоянием влюбленности.

Страхи другой героини вполне реальны и обоснованы, они вызваны ситуациями, связанными с опасностью для жизни, как, например, тяжелая опасная зимняя дорога по начавшему таять снегу и льду реки с конвоем из нескольких грузовиков на случай необходимости оказания помощи друг другу: *Ich schaue* ***ängstlich*** *und* ***am ganzen Körper verkrampft*** *auf die zerfahrene Trasse, klammere mich zuweilen an Slawa fest oder* ***schließe die Augen****. Wenn die Seitenlage allzu* ***bedrohlich*** *wirkt,* ***befürchte*** *ich, dass wir umkippen* (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

Наиболее частотной положительной эмоциональной реакцией является реакция восхищения, источник которой – природа России: магическая, невероятная, захватывающая дух красота страны покорила обеих героинь. Красота природы и необычные впечатления – это то, что помогло воспринимать неприятные стороны образа жизни в России как приключение (*amüsiert und am Rande*).

Радость испытывают обе героини от общения с русскими знакомыми, говоря об их гостеприимстве, сердечности, умении противостоять невзгодам. Карин Хас в предисловии к своей книге пишет:

> (18) Ein anderer Teil erschließt sich, wenn man kein Vorüberreisender ist, sondern das Glück hat, sich fern der Zivilisation in den Weiten der Taiga und auf den klaren Wassern der Flüsse bewegen zu können, vor allem jedoch, wenn man die Menschen näher kennenlernt: Wie die Sibirjaken ohne jedes Gejammere mit den wichtigsten Bedingungen umgehen. Wie unverstellt, hilfsbereit, herzlich und gastfreundschaftlich sie sind und wie liebenswert trotz mancher nicht übersehbareren Mängel (*K. Haß. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*).

Отметим, что материал исследования позволяет проследить зависимость между длительностью пребывания в стране и модальностью эксплицируемой эмоциональной реакции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наибольшая эмотивная плотность текстов, отражающих реалии межкультурной коммуникации, зафиксирована при описании ситуаций, связанных с поддержанием или опровержением стереотипных представлений о России. Это подтверждает связь образа как интегрального отражения действительности с чувственно-эмоциональной сферой. Такие тексты, содержащие элементы эмоциональной экспрессии, оказывают воздействие на процессы формирования и на функционирование образа чужой страны, в основе которого изначально лежат стереотипные представления об этой стране.

Образ страны может быть представлен в виде поля, имеющего стабильное ядро и периферийную зону, которая характеризуется меньшей устойчивостью и может модифицироваться под влиянием различных обстоятельств. В то время как ядро наполнено смыслами, закрепленными в коллективном сознании, периферийная зона отражает индивидуально актуальные представления. Как положительный, так и отрицательный эмоциональный фон личных межкультурных контактов выступает как фактор, способный изменить конфигурацию стереотипного образа в целом. Использование эмотивно-экспрессивной лексики при объективации образа «чужой» страны в текстах и ситуациях межкультурной коммуникации может маркировать его дестабилизацию.

Межличностная межкультурная коммуникация может рассматриваться как один из потенциальных способов трансформации негативного образа России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляевская Е. Г. К проблеме конструирования языковых образов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 21 (627). С. 24–32.
2. Wulf B. Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe, 2017
3. Haß K. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien, 2016.
4. Киклевич А. Культурные стереотипы в современном мире // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: сборник статей. 2009. С. 100–115.
5. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
6. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001.

REFERENCES

1. Belyayevskaya, E. G. (2011). Language images as divisible mental structure. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 21(627), 24–32. (In Russ.)
2. Wulf, B. (2017). Das Rentier in der Küche: Eine deutsch-sibirische Liebe.
3. Haß, K. (2016). Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien.
4. Kiklevich, A. (2009). Kul'turnyye stereotipy v sovremennom mire = Cultural stereotypes in the modern world. Stereotipy i natsional'nyye sistemytsennostey v mezhkul'turnoykommunikatsii (pp. 100–115): The digest of articles. (In Russ.)
5. Shakhovsky, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emotsiy = Linguistic Theory of Emotions. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
6. Ilin, E. P. (2001). Emotsii i chuvstva = Emotions and feelings. St.Petersburg: Piter. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анищенко Алла Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anishchenko Alla Valeryevna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the department of German Lexicology and Stylistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	06.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’271:004.946
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_16

Об изменениях в лексической системе немецкого языка (возможности данных корпусов)

Г. Б. Воронина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
galinavoronina@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные изменения в немецкой лексической системе на основе анализа лексикографических источников и корпусов немецкого языка, выявляются причины этих изменений. Материалом исследования являются лексические единицы медийного дискурса из книги «Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall?» юриста Людвига Дёринга, рассматриваемые автором издания как нарушение норм современного немецкого языка, но не подтвержденные в лексикографических источниках в каждом из случаев.

Ключевые слова: лексическая система, лексикографический источник, корпус немецкого языка, медийный дискурс, нарушение нормы

Для цитирования: Воронина Г. Б. Об изменениях в лексической системе немецкого языка (возможности данных корпусов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 16–23. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_16

Original article

On the Changes of the Lexical System of the German Language (Corpus Data Capabilities)

Galina B. Voronina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
galinavoronina@yahoo.com

Abstract. The article discusses the current changes in the German lexical system on the basis of the analysis of German lexicographic and corpus sources; it also reveals the reasons for these changes. The material of the research is composed of the media discourse lexical units taken from the book *Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall?* by the lawyer Ludwig During. The author of the edition views these lexical units as a violation of the German language norm, though a limited number of cases was confirmed in the lexicographic sources.

Keywords: lexical system, lexicographic source, the German language corpus, media discourse, norm violation

For citation: Voronina, G. B. (2023). On the changes of the lexical system of the German language (corpus data capabilities). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 16–23. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_16

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы изменения лексического состава языка постоянно находятся в фокусе внимания лингвистов, поскольку лексический уровень является наиболее динамично изменяющимся. Основные изменения в лексике современного немецкого языка обусловлены научными открытиями и техническими изобретениями, что находит свое отражение в заимствованиях. Необходимо отметить также роль языковых контактов по причине значительного потока эмигрантов в Германию в конце прошлого века и в начале XXI века, что раскрывает в своем труде «MULTI KULTI DEUTSCH. Wie Migration die deutsche Sprache verändert» немецкий исследователь Хинрихс [Hinrichs, 2013], не считающий влияние языков эмигрантов пагубным для развития современного немецкого языка. Исследователь отмечает, что изменяется прежде всего разговорный язык, устная форма существования немецкого языка, в отличие от письменной формы печатных изданий, литературы и образования («Es ändert sich vor allem die gesprochene Sprache, die mündliche Existenzform des Deutschen […]. Es ändert sich *nicht* die geschriebene Form der Standardsprache» [Hinrichs, 2013, с. 21]).

Значительные лексические изменения происходят в медийном дискурсе современного немецкого языка, о чем пишут, как правило, не-лингвисты, например, юрист Людвиг Дёринг в своей книге «Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall?» [Döring, 2018].

Цель настоящей статьи – представить результаты анализа лексических единиц из книги Людвига Дёринга, проведенного на основе лексикографических источников и корпусов немецкого языка, и выявить причины, обусловливающие изменения в лексической системе современного немецкого языка.

Актуальность исследования вытекает из востребованности изучения взаимодействия языка и социума, из необходимости анализа тенденций развития лексической системы немецкого языка и происходящих в ней сегодня изменений, а также их причин.

Материалом исследования послужили примеры из книги Людвига Дёринга, собранные автором прежде всего на основе передач государственной радиостанции «Deutschlandfunk» («DLF»), из немецких газет «Badische Zeitung», «Die Tagespost», «FAZ» и журнала «Der Spiegel»; однако есть случаи, в которых источник не указан. Все зафиксированные примеры в книге объемом 358 страниц Людвиг Дёринг считает нарушением правил немецкого языка, ограничивая свой комментарий словами «Sinnlos» / «Was soll das?» и т. п.

Наше исследование проведено на основе электронного словаря немецкого языка «Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS)[1], представляющего собой проект Берлин-Бранденбургской академии наук, целью которого является создание электронного словаря на основе больших электронных текстовых корпусов и входящих в него корпусов:

– базового корпуса DWDS XX века («Das DWDS-Kernkorpus des 20. Jahrhunderts»), представляющего собой лексикографический корпус «Лексикон немецкого языка XX века»;

– регионального корпуса («Das ZDL-Regionalkorpus»), представляющего собой корпус статей из 26 местных и региональных ежедневных газет, с помощью которого изучаются региональные варианты немецкого языка.

В статье представлены результаты анализа части примеров из книги Дёринга с перспективой публикации дальнейших результатов исследования.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА

Представленные в книге примеры за декабрь 2015 года и с января по декабрь 2016 и 2017 годов. Людвиг Дёринг называет *Sprachlisten* (языковыми списками). Помесячные списки распределены по частям (например, *Sprachliste Februar 2017 – Teil 1, Teil 2* и т. д.), каждая из которых включает в среднем от семи до десяти примеров. Всего в книге представлен 171 список с 1345 примерами. В 601 случае излагается критическое отношение автора к проводимой в указанные годы политике правительства ФРГ, в особенности по отношению к его руководителю – канцлеру Ангеле Меркель, а также к деятельности Европейского союза. Эти примеры автор сопровождает довольно подробным критическим комментарием, они не безынтересны специалистам в области политологии и международных отношений. Для лингвистов представляют интерес рассуждения автора о ключевых, выделенных им, словах в выступлениях современных политиков ФРГ: *Asyl*, *Integration*, *Mensch*, *Toleranz*, *Werte*. От бесконечного повторения этих слов в политическом и медийном дискурсах происходит их обесценивание, особенно это касается слова *Werte*, когда никто из политических деятелей, по мнению Людвига Дёринга, не уточняет, о каких ценностях идет речь. Заслуживают внимания рассуждения автора издания о речи современных политиков в целом, отличающейся нечеткостью

[1] URL: https://www.dwds.de/

формулировок, нагромождением слов, затрудняющих понимание смысла высказывания. В этой связи хотелось бы привести мнение главы правительства земли Саар Анке Релингер, посоветовавшей политическим деятелям:

> Sprecht in einfachen, klaren, deutschen Hauptsätzen (*Tagesschau, апрель 2022*) – Используйте в речи простые, ясные предложения немецкого языка без придаточных[1].

В первую очередь ее высказывание относилось к выступлениям федерального канцлера ФРГ Олафа Шольца, смысл речей которого в начале его деятельности граждане страны понимали с трудом. В октябре 2022 г. в своем выступлении об оказании помощи гражданам в связи с повышением цен на газ он использовал в качестве стилистического средства ономатопеическое слово *Doppel-Wumms*. В прессе сообщалось, что до этого, будучи министром финансов, объясняя предпринимаемые меры в период эпидемии коронавируса, он употребил слово *Wumms*, типичное для языка комиксов. В Германии проводится ежегодная специальная акция (*Sprachkritische Aktion*) по сбору самых неудачных слов года, называемых *Unwörter des Jahres*. Жюри этой акции получило в 2022 году более 1400 предложений по включению (*Doppel*)-*Wumms* в указанный список (*Tagesschau. 10.01.2023*).

Ключевым словом в политическом дискурсе 2022 года, также после выступления канцлера Шольца в связи с событиями на Украине, стало *Zeitenwende*, хотя это слово, означающее коренной исторический перелом – *Wende, Umschwung im historischen Geschehen*[2] – зафиксировано в лексиконе немецкого языка с 1920 года**.** Клаус-Рюдигер Май, например, повествуя о техническом изобретении Гутенберга (печатном станке), свидетельствовавшем о коренном изменении эпохи, пишет:

> Gutenbergs Erfindung entfachtete einen wahren Kulturkampf seiner Befürworter und Kritiker. Denn seine Zeitgenossen begriffen eher noch als wir Nachgeborenen, dass sie an einer **Zeitenwende** standen [Mai, 2016. с. 9].

Вторым компонентом в композитуме является Wende. Слово, имеющее также значение *Übergang zwischen zwei größeren Zeiteneinheiten* и определяющее значение *Zeitenwende*, зафиксировано уже в древневерхненемецком, в узком значении слово стало обозначать эпохальное событие в истории ФРГ и ГДР – их воссоединение. В своем основном значении – *einschneidende Veränderung gegenüber dem bisherigen Verlauf* (*besonders eines gesellschaftlichen Entwicklungsprozesses*) лексема обладает большим словообразовательным потенциалом. Достаточно привести высказывание министра экономики ФРГ в связи с новым «Законом об энергетике зданий» (*Gebäudeenergiegesetz*):

> Bundeswirtschaftsminister Robert Habeck hat im Bericht aus Berlin bekräftigt, dass die geplanten Regeln zur „Heizenwende“ niemanden überfordern werden (*Tagesschau, 02.04.2023*).

В данном случае композитум с *Wende* взят в кавычки по причине образного обозначения упомянутого закона. Лексема *Heizwende*, например, *Gesprächsbedarf bei der Heizwende* (*Tagesschau. 22.04.2023*) уже представлена в медийном дискурсе, как и ее синонимы *Wärmewende / Energiewende*, например, *eine Pressekonferenz <…> zur Wärmewende*.

Политический дискурс является предметом особого изучения лингвистов, к теме настоящей статьи имеет опосредованное отношение. Для германиста представляют интерес 744 примера нарушения правил немецкого языка, представленных в книге Людвига Дёринга. В статье будет дан анализ некоторых примеров в качестве иллюстрации актуальных изменений в лексической системе немецкого языка.

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Лингвистический анализ языковых единиц в отобранных Дёрингом медийных текстах выявил нарушения грамматических правил, произношения заимствованных слов, неточного использования терминов, семантической неточности, лексической сочетаемости. Наиболее частотными являются случаи нарушения лексической сочетаемости. Далее предлагается анализ произвольно выбранного 31 примера по лексической сочетаемости.

Нарушение сочетаемости подтверждается данными трех корпусов в девяти случаях из 14 приведенных в таблице 1 и однозначно говорит о нарушении языковой нормы: ***tragendes*** *Grundkonzept*; *atomarer* ***Bereich*** *eines KKW*; *die Börsenkurse sind* ***wieder*** *abgestürzt*; ***in die Verlängerung gehen***; *Waldbrände* ***stoppen***; *soziale* ***Zwecke***; *bezahlte* ***Gehälter***; *qualifiziertes* ***Fach****personal*; ***Platzen*** *der Verhandlungen* (содержащие ошибку примеры выделены полужирным).

[1] Перевод наш. – *Г. В.*

[2] URL: https://www.dwds.de/wb/Wende

Таблица 1

Примеры, не зафиксированные ни в одном из трех лексикографических источников

Словосочетания	DWDS	DWDS-Kernkorpus	ZDL-Regionalkorpus
ein aktuelles Thema unserer Zeit	0 Belege	0	0 Belege
soziale Zwecke	0 Belege	0 Belege	0 Belege
absolute Priorität	0 Belege	0 Belege	0 Belege
bezahlte Gehälter	0 Belege	0 Belege	0 Belege
qualifiziertes Fachpersonal	0 Belege	0 Belege	0 Belege
tragendes Grundkonzept	0 Belege	0 Belege	0 Belege
Platzen der Verhandlungen	0 Belege	0 Belege	0 Belege
Atomarer Bereich eines KKW	0 Belege	0 Belege	0 Belege
die Börsenkurse sind wieder abgestürzt	0 Belege	0 Belege	0 Belege
eine Krise lösen	0 Belege	0 Belege	0 Belege
einen Gegensatz lösen	0 Belege	0 Belege	0 Belege
Streitfragen konstruktiv lösen	0 Belege	0 Belege	0 Belege
in die Verlängerung gehen	0 Belege	0 Belege	0 Belege
Waldbrände stoppen	0 Belege	0 Belege	0 Belege

Словосочетания с глаголом *lösen* (*eine Krise*, *einen Gegensatz*, *eine Frage*, *Streitfragen* (*konstruktiv*), *einen Konflikt*, *ein Problem lösen*), несмотря на отсутствие в указанных источниках, требуют отдельного рассмотрения. *Einen Gegensatz*, *eine Krise lösen* не представлены ни в одном лексикографическом источнике; *eine Frage* (в значении *Angelegenheit / Problem*), *einen Konflikt*, *ein Problem lösen* не зафиксированы в DWDS, представлены в двух корпусах (табл. 2).

Примечательно, что в DWDS в разделе «typische Verbindungen» отмечены словосочетания с отглагольным *Lösung* (*die Lösung einer Krise*, *des Problems*, *des Konflikts*, *die Lösung einer schwierigen Frage*). *Lösung der Flüchtlingsfrage* не представлено в DWDS, в DWDS-Kernkorpus даны четыре примера, в ZDL-Regionalkorpus – 54. Наибольшее количество примеров лексикографические источники приводят с композитумом *Friedenslösung*:

> Nicht einmal die Illusion einer Friedenslösung habe die israelische Regierung ihnen zu verkaufen (*Die Zeit, 04.10.1996*).
>
> Dabei bekräftigten sie ihren Willen, innerhalb eines Jahres eine Friedenslösung zu erreichen (*Die Zeit, 06.09.2010*).

Словосочетание *ein Problem lösen* не приводится в DWDS, где *lösen* в значении *etw. meistern, bewältigen* представлено примерами:

> Eine (taktische) Aufgabe einfach, verblüffend schnell, in glänzender Weise lösen. Damit ist noch nichts gelöst. Die Schwierigkeiten sind gelöst.
> Die Angelegenheit mußte rasch und für beide Parteien befriedigend gelöst werden (*H. Kant. Aula*).

В зафиксированных примерах DWDS существительные *Angelegenheit* и *Schwierigkeiten* имеют такой же смысл, что и существительное *Problem*. Нами отмечен пример из художественной литературы, подтверждающий правомерность словосочетания *ein Problem lösen*:

> Gutenberg sah sich <…> einem komplexen Problem gegenüber, das man nur lösen konnte… [Mai, 2016, с. 164].

Таблица 2

Количественные данные в DWDS-Kernkorpus и в ZDL-Regionalkorpus

Словосочетания	DWDS-Kernkorpus	ZDL-Regionalkorpus
mit brutaler Härte	0	28 Belege
fundamentale Prinzipien	27 Belege	36 Belege
fundamentale Menschenrechte	8 Belege	57 Belege
eine zentrale Frage	79 Belege	9681 Belege
tragendes Grundprinzip	1Beleg	2 Belege
akute Lebensgefahr	5 Belege	2398 Belege
tragisches Unglück	3 Belege	2884 Belege
zwingende Gründe	149 Belege	1566 Belege
repräsentative Umfrage	4 Belege	5144 Belege
humaner Umgang mit Tieren	0 Belege	4 Belege
einen Konflikt lösen	0 Belege	11 Belege
ein Problem lösen	2 Belege	131 Belege
eine Frage lösen	0 Belege	8 Belege
Stromversorgung gekappt	0 Belege	48 Belege
vorausschauend planen	0 Belege	738 Belege
es macht Sinn	0 Belege	1426 Belege
Verhandlungen ergebnisoffen führen	0 Belege	3 Belege
islamistisch motivierte Terroranschläge	0 Belege	42 Belege

Словосочетание *absolute Priorität* не представлено в трех источниках, однако в DWDS в разделе «typische Verbindungen» с *Priorität* указано прилагательное *absolut* в значении «völlig» с пометой «umgangssprachlich». Этот пример и ряд других показывают, что слова или словосочетания из разговорной речи пополняют медийный дискурс. *Absolute Priorität* свидетельствует также о такой характерной черте этого вида дискурса, как преувеличение при освещении каких-то событий, что будет отмечено далее при анализе примеров из табл. 2.

Изложенные случаи сочетаемости различных существительных с глаголом *lösen*. а также словосочетания *absolute Priorität* и *aktuelles Thema unserer Zeit* подтверждают точку зрения Д. О. Добровольского о том, что некоторые словосочетания воспринимаются носителями как нормативные, другие как неправильные или более-менее допустимые [Добровольский, 2013].

Девять из 18 словосочетаний в таблице 2 зафиксированы в обоих корпусах: ***fundamentale*** *Prinzipien*, ***fundamentale*** *Menschenrechte*, *eine* ***zentrale*** *Frage*, ***tragendes*** *Grundprinzip*, ***akute*** *Lebensgefahr,* ***tragisches*** *Unglück*, ***zwingende*** *Gründe*, ***repräsentative*** *Umfrage*, *ein Problem* ***lösen***.

Словосочетание ***tragendes*** *Grundprinzip* отмечено самой незначительной частотностью (одно и два словоупотребления соответственно) и может рассматриваться как ошибочное, что подтверждается аналогичным ошибочным словосочетанием *tragendes Grundkonzept,* приведенным в табл. 1.

Частотными в медийном дискурсе являются словосочетания *fundamentale Prinzipien, fundamentale Menschenrechte* в соответствии со значением лексемы *fundamental* (= *grundlegend, wesentlich*) и многочисленными примерами в DWDS:

> fundamentale Arbeiten, fundamentale Bedeutung, der fundamentale Gegensatz / Unterschied, ein fundamentaler Fehler, Irrtum. „Für mich ist das aber ein fundamentales Element des Dritten Weges“ (*Die Zeit, 13.04.2000*).

Для медийных текстов, особенно для речи политических деятелей, с целью привлечения внимания реципиентов характерно преувеличение

каких-то явлений, прежде всего опасностей, по этой причине для усиления воздействия типично использование различных эпитетов, зафиксированных в большом количестве в ZDL-Regionalkorpus (*akute Lebensgefahr*, *tragisches Unglück*, *repräsentative Umfrage*, *mit brutaler Härte*). Примеры из ZDL-Regionalkorpus:

> Gelangt Arsen <…> über das Grundwasser in die Trinkwasserversorgung, so Lebensgefahr für die Menschen dieses Versorgungsgebiets gegeben. Tragisches Unglück wäre dann der Holocaust zu nennen (*Die Zeit, 26.02.1998*).

Словосочетание *zwingende Gründe* является юридическим термином, что подтверждается следующим примером из юридического дискурса в DWDS-Kernkorpus:

> ienem ausgewiesenen oder abgeschobenen Ausländer kann ausnahmsweise vor Ablauf der nach § 8 Abs. 2 Satz 2 bestimmten Frist erlaubt werden, das Bundesgebiet kurzfristig zu betreten, wenn zwingende Gründe seine Anwesenheit erfor-dern (*Ausländergesetz –Aus1G*).

Отличаются высокой частотностью словосочетания с прилагательным *zentral* (9681 пример только в ZDF-Regionalkorpus). В обоих корпусах зафиксированы следующие словосочетания: *zentrale Worte seiner Rede*, *zentraler Grund*, *zentrales Wahlversprechen*, *zentrale Bedeutung*, *zentrale Wurzeln*, *zentrale Frage*, *zentrale Forschungseinrichtungen*. Нами также отмечено значительное количество примеров с лексемой zentral в медийных текстах:

> Zentraler Bestandteil des Pakets ist der gemeinsame Einkauf von Erdgas. Künftig soll zentral erfasst werden, welcher Bedarf an Gas in den Mitgliedstaaten besteht (*Tagesschau, 18.10.2022*).

Еще девять примеров из 18 представлены только в ZDL-Regionalkorpus (*mit brutaler Härte*, *humaner Umgang mit Tieren*, *einen Konflikt lösen*, *eine Frage lösen*, *Stromversorgung gekappt*, *vorausschauend planen*, *es macht Sinn*, *Verhandlungen ergebnisoffen führen*, *islamistisch motivierte Terroranschläge*).

Словосочетание *humaner Umgang mit Tieren* является однозначно ошибочным, поскольку прилагательное имеет значение *menschlich* и должно быть заменено на другое прилагательное. Людвиг Дёринг предлагает *artgerechter Umgang*, с чем нельзя не согласиться.

Следует разделить мнение автора книги в отношении словосочетаний *Stromversorgung gekappt, vorausschauend planen* (в первом словосочетании – ошибочное употребление глагола *kappen*), во втором примере причастие не добавляет выражению смысла и является избыточным.

В выражении *es macht Sinn* нормативным является глагол *haben*. Тем не менее в ZDL-Regionalkorpus ошибочное использование глагола *machen* зарегистрировано 1426 раз (!) однозначно под влиянием английского выражения *it makes sense*.

Словосочетание *Verhandlungen ergebnisoffen führen* следует рассматривать как не нарушающее лексической нормы немецкого языка. В DWDS зафиксировано прилагательное ergebnisoffen, приведены следующие контексты: *ergebnisoffen beraten*, *diskutieren*, *verhandeln*; *ergebnisoffen prüfen*; *eine ergebnisoffene Beratung*, *Diskussion*, *Debatte*; *ein ergebnisoffenes Gespräch*; *ein ergebnisoffener Dialog*; *eine ergebnisoffene Prüfung*.

Наконец высказывание *islamistisch motivierte Terroranschläge*, встречающееся в медийном дискурсе, объясняется стремлением авторов к политкорректности.

Значительные изменения в лексической системе немецкого языка обусловлены произошедшими в обществе изменениями по отношению к соблюдению требований гендерного равноправия, несмотря на отличительную особенность немецкого языка – использование суффикса *in* при обозначении лиц женского пола (прежде всего профессий).

Проиллюстрируем это на примере лексемы *Flüchtling*, не допускающей образования феминитива. В этом случае в языке используется гендерно нейтральное субстантивированное причастие II *Geflüchtete*, в последние два года также *Flüchtende*, по аналогии с другими субстантивированными причастиями I, вошедшими в лексикон немецкого языка, поскольку субстантивация является одним из продуктивных словообразовательных способов в немецком языке (*Regierende*, *Studierende*, *Dozierende*, *Lernende*, *Lehrende* и т. п.) и свидетельствует также о языковой экономии.

В медийном дискурсе отмечено большое разнообразие синонимических средств существительного *Flüchtling*: *die geflüchteten Menschen*; *geflüchtete Kinder*; *geflohene Kinder*; *geflüchtete Schülerinnen und Schüler*; *fast zwei Drittel sind geflohen / geflüchtet*. Ключевым словом является *Flüchtling*, имеющее большой словообразовательный потенциал (*Flüchtligspolitik*, *Flüchtlingspreis*, *Flüchtlinsgipfel*, *Kriegsflüchtlinge*, *Flüchtlingshilfswerk*, *Flüchtlingsunterbringung* и многие другие).

Flüchtende и *Geflüchtete* используются без гендерных предпочтений. Приведем пример, где три

лексемы используются в одном контексте, обеспечивая тем самым многообразие лексических средств как одного из правил стилистики при порождении текста [Riesel, Schendels, 1975, с. 52]:

> Der Nansen-Flüchtlingspreis gilt als höchste Auszeichnung des UNHCR, das sich seit mehr als 70 Jahren um die Nöte von Flüchtenden kümmert. <…> vier regionale Preisträger, <…> die gleichzeitig ausgezeichnet wurden, darunter eine Ärztin im Irak und eine Frau, die Geflüchtete in Costa Rica <…> unterstützt (*Tagesschau, 10.10.2022*).

Для иллюстрации влияния профессиональных языков на разговорный язык, пополняющий, в свою очередь, медийный дискурс, остановимся на употребительном словосочетании *vor Ort*, также многажды критикуемом Людвигом Дёрингом. В DWDS-Kernkorpus словосочетание зарегистрировано 203 раза, в ZDL-Regionalkorpus – 901 661.

В DWDS приведены два значения:

> [1] an einer bestimmten, vorher genannten Stelle
> [2] Bergbau: an der Spitze, am Ende des Grubengangs, an der Abbaustelle.

Дается пояснение по происхождению второго значения (из профессионального языка горного дела слово попало в разговорный язык в значении *Stelle*):

> Die Fügung vor Ort „an der Spitze des Grubengangs" gelangte in jüngerer Zeit aus der Bergbausprache in die allgemeine Umgangssprache, indem das bergmännische Wort Ort „Spitze" zum alltagssprachlichen Wort Ort in der Bedeutung „Stelle" umgedeutet wurde.

Приведем несколько актуальных примеров из медийного дискурса:

> …Amtsberg hat ihre Teilnahme an einer Katar-Reise abgesagt. Offene und kritische Gespräche vor Ort seien derzeit schwierig (*Tagesschau, 31.10.2022*).

> Und einen Erfolg konnte Scholz direkt vor Ort vermelden (*Tagesschau, 5.11.2022*).

Необходимо отметить, что в художественной литературе предпочтение отдается кодифицированным словосочетаниям *am Ort / an Ort und Stelle / im Ort*:

> Zudem unterhielten Orden wie Franziskaner, Dominikaner und Augustiner Generalstudien am Ort [Mai, 2016, c. 163].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ лексических единиц подтвердил динамический характер происходящих в лексической системе современного немецкого языка изменений, что доказывает неправомерность критических суждений автора книги «Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall?» Людвига Дёринга о нарушениях норм немецкого языка. Отмечены отдельные лексические словосочетания, не зарегистрированные ни в одном из представленных в статье источников и рассматриваемые поэтому как ошибочные. На вопрос Людвига Дёринга в броском заглавии книги, выбранном автором с целью привлечения внимания читателей, можно дать отрицательный ответ. Тем не менее критическое мнение автора книги о нарушении фонетических, грамматических, лексических, стилистических норм немецкого языка, отмеченных им прежде всего в медийных текстах, заставляет задуматься германистов, а также обучающихся, как о современном состоянии немецкого языка, так и важности выбора слова, соответствующего целям и задачам порождаемых высказываний.

Расхождения в количественных показателях зафиксированных лексических единиц в DWDS и двух указанных в статье корпусах значительны. Наибольшей частотностью отмечены проанализированные лексические единицы в ZDL-Regionalkorpus.

Изменения в медийном дискурсе свидетельствуют о подвижной границе между нормой и узусом в лексической системе немецкого языка, объясняемые влиянием профессиональных языков, разговорного языка, английского языка, диалектов, а также экстралингвистических факторов – изменением отношения социума к соблюдению требований политкорректности, гендерному равноправию, находящих свое отражение в языке. Представленные в ZDL-Regionalkorpus данные указывают на тенденции в развитии лексической системы современного немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2013.

2. Döring L. Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall? Frankfurt / Main: R.G. Fischer Verlag, 2018.
3. Mai K.-R. Gutenberg. Der Mann, der die Welt veränderte. Berlin: Propyläen Ullstein Buchverlage, 2016.
4. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове = Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013.
5. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975.

REFERENCES

1. Hinrichs, U. (2013). Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: Verlag C.H. Beck oHG.
2. Döring, L. (2018). Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall? Frankfurt / Main: R.G. Fischer Verlag.
3. Mai, K.-R. (2016). Gutenberg. Der Mann, der die Welt veränderte. Berlin: Propyläen Ullstein Buchverlage.
4. Dobrovol'skij, D. O. (2013). Studien zur deutschen Lexik. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
5. Riesel, E., Schendels, E. (1975) Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Галина Борисовна
кандидат филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voronina Galina Borisovna
PhD (Philology), Professor
Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	06.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24

Вербализация мимики и жестов на материале корпусных данных

А. С. Голубева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alinagolubeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы языковой репрезентации соматизмов *head*, *eyes*, *eyebrows*. На примерах из корпуса современного американского английского (COCA) анализируются самые частотные кинесические единицы, выявляются коммуникативные ситуации и эмоциональные состояния, в которых они реализуются. Предполагается, что выделенные соматизмы в той или иной мере отражают невербальное поведение представителей данной этнокультуры. В работе обозначена актуальность данной темы и возможность ее дальнейшего изучения с использованием сопоставительного метода.

Ключевые слова: соматизм, мимика, жесты, кинема, кинесическая единица, коммуникативная ситуация, эмоция

Для цитирования: Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов на материале корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 24–31. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24

Original article

Verbalization of Mimic and Gestures on the Material of Corpus Data

Alina S. Golubeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alinagolubeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the ways of linguistic representation of somatisms *head, eyes, eyebrows*. Using examples from the Corpus of Contemporary American English (COCA), the most frequent kinesic utterances are analyzed and the main communicative situations and emotional states in which they are realized are identified. It is assumed that the selected somatisms to a certain extent reflect the non-verbal behavior of representatives of the given ethnic culture. The paper indicates the relevance of this topic and its further in-depth study using a comparative method.

Keywords: somatism, facial expressions, gestures, kinema, kinesic unit, communicative situation, emotion

For citation: Golubeva, A. S. (2023). Verbalization of Mimic and Gestures on the Material of Corpus Data. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 24–31. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация давно заняла лидирующие позиции в достижении эффективного взаимодействия. Для достижения главной цели коммуникации – понимания между людьми – используются разнообразные средства, в том числе и невербальные. В последние десятилетия изучение невербальных средств общения стало актуальным направлением в теории коммуникации, и особое внимание уделяется соматизмам (от др.-греч. «части тела»), которые являются одним из важнейших каналов невербального общения. Для осуществления эффективного общения крайне важно уметь «считывать» телесный код передачи информации. Анализ соматического материала помогает понять наивное представление народа о мире и некоторые особенности его национального характера, позволяя реципиенту судить об интенции субъекта по определенному набору телесных движений [Червоный, Поленова, 2018].

Нами уже была предпринята попытка выявить некоторые паттерны русского и испанского национального поведенческого портрета [Голубева, 2022] на примерах с соматизмами *голова*, *глаза*, *брови*. Целью данной статьи является выявление таковых на материале английского языка с использованием тех же соматизмов с возможностью дальнейшего сравнительно-сопоставительного анализа.

Обоснованием выбора данных соматизмов служит тот факт, что выражение лица считается основным компонентом невербальной коммуникации, ведь именно изменения мимики человека говорят о его эмоциональном отклике на высказывания собеседника и позволяют регулировать процесс общения [Лушникова, Якищенко, 2013].

Для получения объективных результатов были использованы данные корпуса Corpus of Contemporary American English (*далее* COCA).

Примерами для анализа стали текстовые фрагменты из художественной литературы, так как именно в данном функциональном стиле, на наш взгляд, воспроизводятся коммуникативные сценарии, максимально приближенные к жизни, сопровождаемые реальными эмоциями участников ситуации общения с применением невербального кода.

Нашей задачей было выявить способы вербализации выбранных соматизмов и определить виды эмоциональных состояний, которые при помощи данных соматизмов выражаются.

СОМАТИЗМЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сначала мы фиксируем общее число употреблений соматизмов в корпусе.

Количество случаев употребления соматизма *глаза* в русском (НКРЯ) и испанском (CREA) корпусах превышает число употреблений соматизма *голова*, однако в английском соматизм *голова* превосходит соматизм *глаза*. Соматизм *бровь / брови* одинаково мало представлен во всех трех корпусах.

Следующим шагом было определение процента случаев, когда соматизм выступает в роли кинемы, которая представляет собой коммуникативно значимые элемент мимики или жест [Крейдлин, 2002]. Приведем примеры из текстового корпуса:

> (1) She *slowly shook her head* before *lowering her eyes*. «I didn't know…», she said finally, quietly…
> – Она медленно покачала головой и опустила глаза. «Я не знала...», в конце концов тихо промолвила она…[1]

[1] Зд. и далее перевод наш. – *А. Г.*

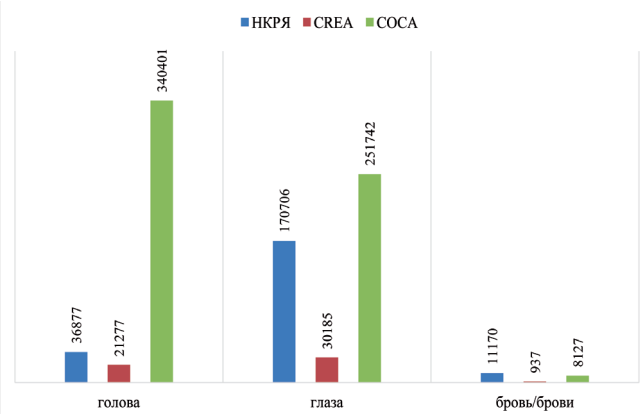

Диаграмма 1. Частотность употребления соматизмов в национальных корпусах

(2) Gold *raised a pointed eyebrow*. "You sound as if this place is yours. You are not my partner. You are my employee."
– Голд поднял заостренную бровь. «Ты говоришь так, как будто это место твое. Ты не мой партнер. Ты мой сотрудник».

В приведенных примерах соматизмы *head*, *eyes*, *eyebrow* являются кинемами, так как они передают собеседнику сигнал об эмоциональном состоянии говорящего. В примере (1) – это стыдливость, в примере (2) – недовольство.

Глаголы *shook*, *raised* и герундий *lowering* в сочетании с кинемами образуют кинесическую единицу. Кинесической единицей, или по-другому кинесическим речением, называется вербальное выражение кинемы [Верещагин, Костомаров, 1981]. Именно кинесические речения являются *объектом* нашего исследования. В большинстве случаев кинесическая единица представлена конструкциями предикат + соматизм, а также соматизм + предикат. Например:

Jerry's *head bobbed* in a nod. "Yes", – he said.
– Джерри кивнул. «Да», – сказал он.

В данном примере соматизм выступает в роли актора, т. е. объекта, обладающего свойством ролевой выделенности, чья роль в событии воспринимается говорящим как центральная [Шахтер, 1982].

Замечено, что конструкция соматизм + предикат характерна в большей степени для английского языка, в меньшей степени – для русского и совсем несвойственна для испанского. Ср.:

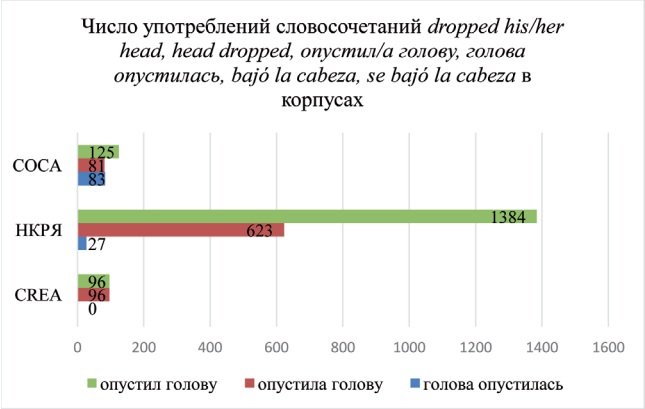

Диаграмма 2. Сравнительная диаграмма репрезентативности конструкций предикат + *голова* и *голова* + предикат

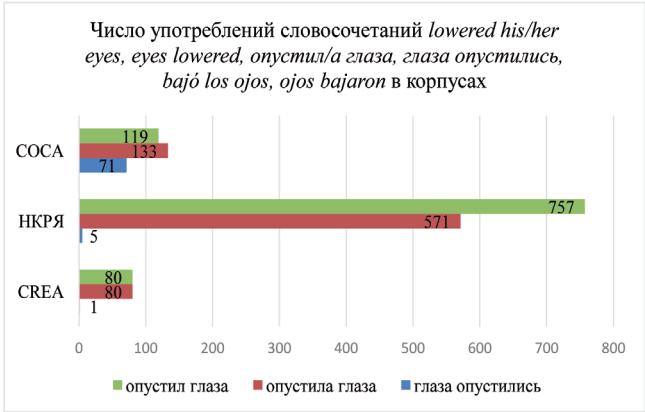

Диаграмма 3. Сравнительная диаграмма репрезентативности конструкций предикат + *глаза* и *глаза* + предикат

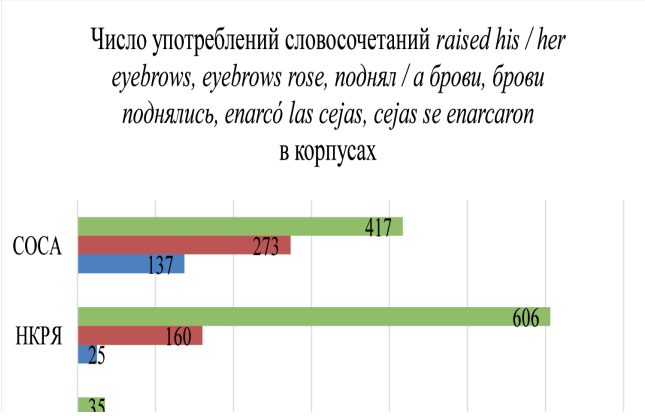

Диаграмма 4. Сравнительная диаграмма репрезентативности конструкций предикат + *брови* и *брови* + предикат

СОМАТИЗМ *HEAD* (ГОЛОВА)

Именно на голову прежде всего обращают внимание в процессе межличностного общения. Релевантность данной части тела в речемыслительной деятельности человека подчеркивается ее широкой номинацией в языке [Червоный, Поленова, 2018]. Предикат в кинесических речениях с соматизмом *head* представлен такими глаголами, как *lift*, *raise* – *поднять*, *hang*, *hang down*, *hang low*, *droop*, *drop*, *lower* – *понурить*, *повесить*, *опустить*, *throw back* – *запрокинуть*, *toss* – *вскинуть*, *nod* – *одобрительно качать*, *shake* – *отрицательно качать* и др.

Помимо словосочетаний предикат + соматизм (verb + head) также присутствуют конструкции соматизм + предикат: Her *head tilted* to one side as she considered the question. – *Ее голова склонилась набок*, пока она обдумывала вопрос (эмоциональное отношение – задумчивость).

Выражение *shook his / her head* оказалось самым многочисленным из вышеперечисленных: в корпусе оно встречается 11 353 и 7076 раз соответственно (остальные же не превышают и одной тысячи) и на 90 % является кинесическим, т. е. почти во всех случаях передает интенцию говорящего.

Таблица 1

Передача эмоций при помощи соматизма *head*

Примеры из COCA	Коммуникативная ситуация / эмоциональное состояние
He *hung his head in shame*. – *Он стыдливо повесил голову.*	стыд
He *scratched his head*.'I don't understand,' he said. – Он *почесал голову*. «Я не понимаю», – сказал он.	озадаченность
Sinm *bowed his head*."Whatever you say. You're the crown prince" – *Синм склонил голову*. «Как скажете. Вы наследный принц».	уважение, покорность

Таблица 2

Передача эмоций при помощи кинесической единицы *shook his / her head*

Примеры из COCA	Коммуникативная ситуация / эмоциональное состояние
He *shook his head* in wonder. – Он удивленно покачал головой.	удивление
Timothy *shook his head* in sympathy. – *Тимоти с сочувствием покачал головой.*	сочувствие
"Why are the cops here?" Bosch *shook his head* helplessly. – «Почему здесь копы?» *Бош беспомощно покачал головой.*	растерянность

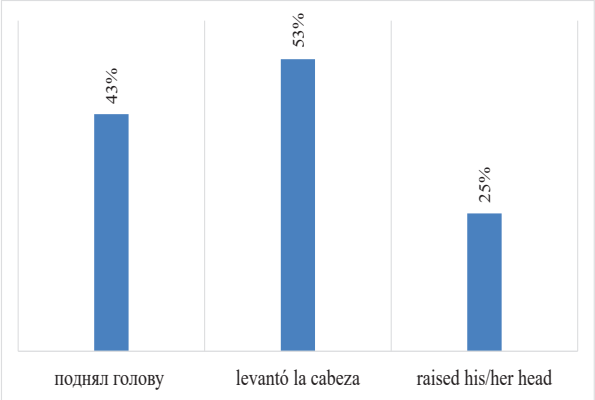

Диаграмма 5. Сравнительная диаграмма репрезентативности кинесической единицы *поднять голову* по трем корпусам

Словосочетание *raised his / her head* встречается в корпусе 466 и 295 раз соответственно. Однако только в 25 % случаев оно передает коммуникативные интенции.

СОМАТИЗМ *EYES* (*ГЛАЗА*)

Глаза являются одним из активных средств передачи эмоций. По глазам можно определить внутренние переживания, настроение, чувства человека, оттенки его эмоциональных состояний [Хасеинова, Цупкина, 2017]. Неудивительно, что данную кинему сопровождает широкий глагольный ряд: *open – открыть*, *close – закрыть*, *lift*, *raise – поднять*, *lower*, *drop*, *droop – опустить*, *потупить*, *narrow*, *shut*, *screw up – зажмурить*, *прищурить*, *cast – окинуть* и др., например:

Jake *rolled his eyes* and shook his head. – *Джейк закатил глаза и покачал головой* (эмоциональное состояние – недовольство / раздражение).

Rosa *averted her eyes* and laughed in embarrassment. – *Роза отвела взгляд и смущенно засмеялась* (эмоциональное состояние – стеснение).

Кинесические речения с соматизмом *eyes* часто вербализуются посредством конструкции существительное + предикат. В подобных конструкциях соматизм сопровождается внушительным количеством глагольных семантических групп,

Таблица 3

Передача эмоций при помощи кинесической единицы *raised his / her head*

Примеры из COCA	Коммуникативная ситуация / эмоциональное состояние
He *raised his head* and said amen. – *Он поднял голову* и сказал аминь.	мольба
Bubba *raised his head.* "Everybody? – *Бубба поднял голову*. «Все?»	удивление, недоумение
She had just *raised her head* to tell Emily to call him. – *Она подняла голову*, чтобы попросить Эмили позвонить ему.	сигнал к действию, инструкция

Таблица 4

Передача эмоций при помощи кинесического речения *eyes + предикат*

Примеры из COCA	Коммуникативная ситуация / эмоциональное состояние
Wendy's *eyes blazed* with open fury. – *Глаза* Венди *полыхали* яростью.	гнев
His *eyes smiled.* "I'm proud of you." – Его *глаза улыбались*. «Я горжусь тобой».	одобрение
Her *eyes spoke*: I'm sorry, I'm so sorry… – Ее *глаза говорили*: мне жаль, прости меня…	сожаление

представленных в большинстве случаев широким синонимичным рядом:

– *blaze*, *flare*, *flash*, *gleam*, *glint*, *glisten*, *glitter*, *glow*, *light up*, *shine*, *smoulder*, *spark*, *sparkle*, *twinkle* – *сверкать*, *блестеть*, *гореть*, *излучать*;

– *dilate*, *fly open*, *grow wide*, *open*, *round*, *widen* – *расширяться*, *выкатить*;

– *dart*, *flick*, *flicker*, *flit*, *glance*, *go*, *leap*, *move*, *run*, *shift* – *бегать*;

– *appraise*, *examine*, *scrutinize*, *study*, *survey* – *оглядывать*, *внимательно изучать* и др.

Анализ кинесического речения *eyes blazed* показал, что оно используется в основном для описания негативных эмоций (гнева, злобы и т. д.), так как сопровождается такими лексемами, как *anger* – *гнев*, *hatred* – *ненависть*, *fury* – *ярость*, *fire* – *огонь*, *menace* – *угроза*: His *eyes blazed with menace*. – *Его глаза сверкали, и в них читалась угроза*. Но есть и малочисленные примеры, где данная единица выражает положительные эмоции: His *eyes blazed with love*. – *Его глаза сияли любовью*. Castillo's *eyes blazed with tenderness* and *awe*. – *Глаза Кастильо светились нежностью и трепетом*.

Стоит отметить, что многие глаголы, следующие за лексемой *eyes*, означают действия, присущие деятельности человека (*smile*, *dance*, *wander*, *run*, *speak*, *ask* и др.). Очевидно, что в основе языковой репрезентации данных кинесических речений лежит когнитивная метафора «глаз = человек». Возможно, именно этим и объясняется предпочтение языка конструкциям типа *eyes* + предикат, где соматизм берет на себя роль агенса, не уступая человеку в значимости (см. диаграмму 6).

Также встречаются такие метафорические переносы, как: «глаз = божество» (1), «глаз = вместилище эмоций» (2), «глаз = внутреннее зрение, интуиция» (3), «глаз = инструмент "смотрения"» (4):

(1) His *eyes darted flashes* of anger / his *eyes flashed fire*. – Его глаза метали молнии.

(2) His *eyes held* a sceptical gleam. – В его глазах таился некий скептицизм.

(3) His *eyes reflected* his anguish. – В его глазах отражалась тоска.

(4) His *eyes bulged* in fury. – От ярости его глаза вылезли из орбит.

При переводе на русский мы видим, что в некоторых примерах реализуются те же метафорические модели.

Замечено, что английский и русский языки при вербализации эмоциональных состояний отдают предпочтение соматизму *глаза*, в то время как испанский язык активно задействует лексемы *vista* и *mirada* (взгляд), которые не уступают соматизму в частотности употребления, а иногда даже и превышают.

СОМАТИЗМ *BROW / BROWS*, *EYEBROW / EYEBROWS* (*БРОВЬ / БРОВИ*)

Для вербализации самых тонких оттенков эмоциональной палитры субъекта язык предусматривает разнообразный языковой материал. Так, соматизм *brow / brows*, *eyebrow / eyebrows* сочетается с богатым глагольным рядом: *raise*, *lift*, *unfurl* – *поднять*, *вскинуть*; *cock*, *quirk*, *tug upward* – *вздернуть*; *arch*, *crease*, *crinkle* – *выгнуть*, *изогнуть*; *bob* – *игриво приподнять*. Кинема сближения бровей, выражающая озабоченность, тревогу, гнев, объективируется как *furrow*, *lower*, *wrinkle*, *scrunch*, *draw together*, *knit together* – *хмурить*, *сдвинуть*, *насупить*.

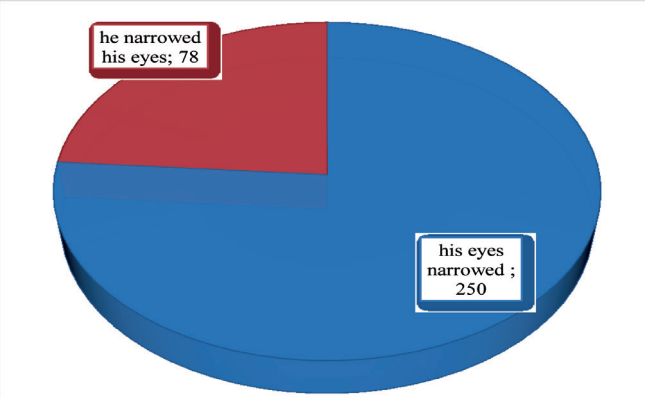

Диаграмма 6. Сравнительная диаграмма репрезентативности кинесических единиц *his eyes narrowed* и *he narrowed his eyes*

Таблица 5

Передача эмоций при помощи соматизма
brow / brows, eyebrow / eyebrows

Примеры из COCA	Коммуникативная ситуация / эмоциональное состояние
He looked at me without comment, his eyebrows raised a little in inquiry. – Он без комментариев посмотрел на меня, вопросительно приподняв брови.	озадаченность
His eyebrows arched. "I beg your pardon?" – Его брови изогнулись дугой. «Прошу прощения?»	раздражение
He furrowed his brows, looking confusedly at me. «What are you talking about?» – Насупившись, он в недоумении посмотрел на меня: – О чем ты говоришь?	недоумение

В английском и русском языках предикативный ряд, сочетающийся с соматизмом *бровь / брови*, представляется широким и разнообразным.

Снова находит распространение конструкция соматизм + предикат (1), а также эллиптическая конструкция соматизм + причастие настоящее (2a) и прошедшее (2b):

(1) "Dead?" Mama's *eyebrows drew together*…
– "Умер?" *брови мамы нахмурились*…
(Эмоция – тревога).

(2) a) "God?" Malk said, *eyebrows going up* in perplexity.
– "Бог?" сказал Мок, *недоуменно приподняв брови*. (Эмоция – недоумение).
b) "They're made by hand", Emelina said, *eyebrows arched*…
– "Они ручной работы", сказала Эмелина, *изогнув брови*… (Эмоциональное состояние – заносчивость).

Для более точной передачи эмоционального состояния героев авторы часто подкрепляют лексему *бровь* прилагательными *sardonic – саркастичный*, *dubious – сомневающийся*, *cynical – циничный*, *skeptical – скептический*, *mocking – глумливый*, *enquiring – вопрошающий*, *raised – приподнятый*, *surprised – удивленный* и др. Например: "Really?" *she said, raising a sardonic eyebrow*. – «*Неужели?*» – сказала она, саркастично приподняв бровь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье нами были рассмотрены соматизмы *head*, *eyes*, *brow / brows*, *eyebrow / eyebrows* с точки зрения эмоциональных состояний, для невербальной кодировки которых они используются коммуникантом, а также способов их языковой репрезентации на материале корпуса современного американского английского.

Так, анализ примеров показал, что кинесическая единица *shook his / her head* не является однополярной, т. е. выражает не только отказ, отрицание или несогласие, но и множество других эмоциональных состояний и намерений субъекта: незнание, недоверие, сомнение, сожаление, стыдливость, печаль, раздражение, сочувствие, озадаченность, удивление, растерянность и др.

Также многозначным и разноплановым оказался жест поднятия головы, репрезентируемый в английском корпусе как *raised his / her head*: данная кинесическая единица используется для передачи мольбы, просьбы, для установки зрительного контакта, для выражения таких коммуникативных намерений и эмоциональных состояний, как гордость, удовлетворенность, удивление, возмущение, высокомерие, утешение и др. В примерах с соматизмом *eyes* зафиксирована передача таких эмоций, как печаль, радость, стыд, страх, волнение, недовольство и др.

Несмотря на свою низкую представленность в корпусе соматизм *brow / brows, eyebrow / eyebrows* является кинемой в 80 % случаев. Более того обнаруживается широкий диапазон эмоциональных состояний, в которых соматизм активно используется говорящим для более точной трансляции своего настроения собеседнику: озадаченность, раздражение, недоумение, задумчивость, тревожность, заносчивость, надменность и др.

Таким образом, для английского языка характерна высокая степень вовлеченности соматизмов в ситуацию общения: выделенные соматизмы активно участвуют в вербализации самых различных эмоциональных состояний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Червоный А. М., Поленова Г. Т. Голова как элемент невербальной коммуникации во фразеологическом выражении (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 393–398.
2. Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 39–49.
3. Лушникова Г. И., Якищенко Е. А. Невербальные средства выражения возмущения в английском языке (на материале художественных текстов) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. Вып. 23. С. 23–29.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. Вып. 1. С. 36–47.
6. Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XI. С. 317–355.
7. Хасеинова Г. С., Цупкина Ю. А. Фразеологические единицы с компонентом «глаза» для выражения эмоций в немецком и казахском языках // Национальная ассоциация ученых. 2017. № 3 (30). С. 15–18.

REFERENCES

1. Chervonyi, A. M., Polenova, G. T. (2018) “Head” as an element of non-verbal communication in phraseological expression (by the material of the French language). Philology. Theory & Practice, 1(79), 2, 393–398. (In Russ.)
2. Golubeva, A. S. (2022). Verbalization of mimic and gestures in Russian and Spanish on the material of corpus data. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 39–49. (In Russ.)
3. Lushnikova, G. I., Yakishchenko, E. A. (2013). Nonverbal means expressing indignation in English (on the basis of texts of fiction). Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts, 23, 23–29. (In Russ.)
4. Kreidlin, G. E. (2002). Neverbal’naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk = Non-verbal semiotics: Body language and natural language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1981). O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal’nymi sredstvami (na materiale russkogo yazyka) = To the originality of the reflection of facial expressions and gestures by verbal means (on the material of the Russian language). Questions of linguistics, 1, 36–47. (In Russ.)
6. Schachter, P. (1982). Rolevye i referentsial’nye svoistva podlezhashchikh = Role and referential properties of subjects. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, XI, 317–355. (In Russ.)
7. Khaseinova, G. S., Tsupkina, Yu. A. (2017). Phraseological units with “eye” component for expression of emotions in the German and Kazakh languages. National association of scientists, 3(30), 15–18. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубева Алина Сергеевна

старший преподаватель
кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubeva Alina Sergeevna

Senior Lecturer
at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	05.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’271:004.946
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_32

Вербализация ценностного компонента концепта *HASS IM NETZ* в виртуальной коммуникации

М. А. Иванова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mashaliva@rambler.ru

Аннотация. Широкое распространение виртуальных средств коммуникации способствует трансформации способов концептуализации и реализации межличностных взаимоотношений. В статье анализируются языковые средства, объективирующие ценностную сторону возникшего в результате этого явления концепта HASS IM NETZ (НЕНАВИСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ). Показано, что рассматриваемый концепт находит отражение в современной немецкоязычной лингвокультуре и предстает в ярко негативной окраске.

Ключевые слова: концепт, виртуальная коммуникация, социальные сети, межличностные взаимоотношения, ненависть

Для цитирования: Иванова М. А. Вербализация ценностного компонента концепта HASS IM NETZ в виртуальной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 32–37. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_32

Original article

Verbalisation of the Value Component of the Concept *Hass im Netz* in Virtual Communication

Maria A. Ivanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mashaliva@rambler.ru

Abstract. Wide spreading of virtual means of communication contributes to transformation of the ways of conceptualization and realization of various interpersonal relations. The paper analyzes linguistic means objectifying value side of the HASS IM NETZ (HATE IN SOCIAL NETWORKS) concept emerged as a result of this phenomenon. The paper shows that the concept in question is reflected in modern German-speaking culture and is presented in a strongly negative coloring.

Keywords: concept, virtual communication, social networks, interpersonal relationships, hate

For citation: Ivanova, M. A. (2023). Verbalisation of the value component of the concept *HASS IM NETZ* in virtual communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 32–37. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_32

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение, развитие и массовое распространение электронных средств обмена информацией повлекло за собой глобальные изменения всей системы коммуникации. В результате цифровизации средств связи появилась принципиально новая возможность непосредственного и не зависящего от физической удаленности коммуникантов межличностного контакта – коммуникации в виртуальном пространстве (виртуальной коммуникации). Общение в мессенджерах, социальных сетях и чатах способствует изменению социального и речевого поведения участников коммуникации, в том числе трансформации способов концептуализации и реализации различных межличностных взаимоотношений. Так, например, повышенная эмоциогенность коммуникации в сети, обусловленная физической непредставленностью коммуникантов, анонимностью и дистантностью, определяет особенности манифестации эмотивной информации [Анищенко, 2019].

Для изучения трансформации базовых неприязненных межличностных отношений в виртуальном пространстве используется метод концептуального анализа, так как концепты являются важным средством структурирования реалий повседневной жизни, в том числе и межличностных взаимоотношений. Теоретической базой исследования послужили работы В. И. Карасика, описавшего структуру (лингво-) культурного концепта; Е. П. Ильина, Б. Б. Бушмана и Дж. Холт-Лунстэда, выделивших характерные особенности межличностных отношений и их видов; П. Шлобински, описавшего особенности чат-коммуникации [Карасик, 2002; Ильин, 2009; Bushman, Holt-Lunstad, 2009; Schlobinski, 2005].

С целью проследить особенности вербализации неприязненных межличностных взаимоотношений в виртуальном пространстве в статье анализируются языковые средства, объективирующие ценностную сторону концепта HASS IM NETZ (НЕНАВИСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ).

Материалом для исследования послужили контексты из немецкоязычных СМИ и немецкоязычной детской и подростковой литературы, посвященные проблемам вражды в виртуальном пространстве. Детально было проанализировано более 100 таких контекстов.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном мире межличностные взаимоотношения могут реализовываться не только в реальном, но и в виртуальном пространстве, что ведет к изменению их видов, к трансформации зарождения и поддерживания разных видов социальных связей, так как ранее личные, касающиеся узкого круга лиц отношения становятся всё более публичными.

Межличностные взаимоотношения (*нем.* «zwischenmenschliche Beziehungen» или «soziale Beziehungen») являются одним из центральных объектов психологии и социологии, поэтому существует целый ряд определений этого термина. В данной работе межличностные взаимоотношения трактуются как отношения, которые складываются между двумя и более людьми, находящимися в регулярном взаимодействии друг с другом и оказывающими влияние друг на друга [Vonneilich, 2019; Argyle, Henderson, 1985]. При этом межличностные взаимоотношения различаются по таким аспектам, как количество различных социальных контактов, их длительность, содержание (например, борьба, вражда, дружба, любовь), способы начала и поддержания отношений, дистанция между участниками и т. д.

Сегодня основная часть межличностного взаимодействия в виртуальном пространстве происходит в рамках чат-коммуникаций, которые являются интерактивной средой с синхронной или квазисинхронной диалоговой формой коммуникации «один на один» или «один с несколькими» [Schlobinski, 2005]. К основным особенностям чат-коммуникации относятся ее опосредованность, дистантность, физическая непредставленность, возможная анонимность и интермедиальность.

Из-за особенностей чат-коммуникации наибольший интерес для данного исследования представляют неофициальные личные взаимоотношения, складывающиеся вне совместной деловой деятельности коммуникантов и основывающиеся на испытываемых по отношению друг к другу чувствах, таких как симпатия, приятельские отношения, дружба, любовь или антипатия, вражда, ненависть и т. д. При этом взаимоотношения могут отличаться как рациональностью, так и эмоциональностью и характеризуются паритетностью, т. е. основываются на равноправии между людьми (по типологии Е. П. Ильина) [Ильин, 2009].

Американские психологи Дж. Холт-Лунстэд и Б. Б. Бушман описывают четыре типа межличностных отношений в зависимости от степени положительных и отрицательных аспектов (positivity / negativity): поддерживающие (supportive network tie), неприязненные (aversive network tie), безразличные (indifferent network tie) и противоречивые социальные отношения (ambivalent network tie) [Bushman, Holt-Lunstad, 2009].

Ввиду особенностей чат-коммуникации в виртуальном пространстве в большей степени реализуются поддерживающие и неприязненные социальные отношения, так как, с одной стороны, виртуальное пространство дает пользователям возможность легко заводить новые знакомства и сохранять уже имеющиеся; с другой стороны, анонимность и дистантность позволяют безнаказанно вызывать у других отрицательные эмоции и провоцировать ответную негативную реакцию. При этом в виртуальной коммуникации все виды поддерживающих отношений, отличающихся высокой степенью положительных аспектов, сводятся к дружеским взаимоотношениям, а все виды неприязненных отношений, отличающихся высокой степенью негативных аспектов, – к враждебным.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРАЖДЕБНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отправной точкой для изучения особенностей вербализации враждебных межличностных взаимоотношений в виртуальном пространстве является выделение концепта HASS IM NETZ (НЕНАВИСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ). Мы используем лексему *Hass* (ненависть) как наиболее часто встречающуюся в немецкоязычной культуре для обозначения этого типа межличностного взаимодействия (включая вражду, моббинг и т. д.).

В статье термин «лингвокультурный концепт» понимается как многомерная сеть значений, представленная в языковом сознании и выражающаяся «лексическими, фразеологическими… единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими… повторяющиеся фрагменты социальной жизни» [Карасик, 2002, с. 172]. Выделяются три составляющие лингвокультурного концепта: понятийная, предметно-образная и ценностная стороны.

Анализ языковой объективации понятийной стороны концепта HASS IM NETZ демонстрирует изменения в представлениях людей о вражде и ненависти в виртуальной коммуникации. Появляются связанные с особенностями виртуальной коммуникации уточнения в дефиниции понятия Hass. На портале vhs-Ehrenamtsportal можно встретить определение: *in Internetplattformen, Foren, Blogs oder in sozialen Netzwerken auftretende unterschiedliche Formen verletzenden Online-Verhaltens und verbaler Gewalt, die in einer direkten Kommunikationssituation eher nicht geäußert worden wären*[1].

Подчеркивается, что ненависть в виртуальном пространстве обычно выражена в форме комментариев или постов на форумах или в блогах и социальных сетях, обращается внимание на отличие содержания таких негативных комментариев от неприязненного взаимодействия в реальном мире. Кроме того, можно отметить появление новых лексем и заимствований из английского языка для обозначения видов вражды и пользователей, распространяющих негативные комментарии (*Hassposting*, *Hate*, *Hater*, *Troll*).

Анализ предметно-образной стороны концепта HASS IM NETZ выявил новые метафорические модели: HASS ALS ANGRIFF, HASS ALS STROM, HASS ALS FEUER, KOMMENTIRENDER INTENETNUTZER ALS MONSTER. Ненависть в виртуальном пространстве сопоставляется с такими грозными природными явлениями, как наводнение, шторм или пожар (*Hass**strom***; *die **Flut** der Hasspostings, dieses **Feuer*** (*des Hasses*) ***löschen***), которые не только быстро распространяются, но и имеют тяжелые последствия для окружающих (*eine Hass**welle rollt** über mich*, *mit Hass- und Spottkommentaren **überschwemmt***, *einzelne Posts können sich… **wie ein Lauffeuer verbreiten***; ***Betroffene** von Hassbotschaften*).

Анонимность и дистантность виртуальной коммуникации находят свое отражение в метафорических моделях, объективирующих вражду как нападение (***organisierte** Hass**kampanien** im Internet*; *gegen die Hass**attacken** wehren*; *die **Angreifer** bleiben unerkannt*). Комментирующие пользователи из-за своего агрессивного поведения представляются в образе монстра (*online **Raubtiere***; *hartnäckige **Trolle***; *Trolls **beißen** jeden, der nicht schnell genug wegschaut*) [Иванова, 2022].

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА *HASS IM NETZ*

Основное внимание в статье уделяется особенностям языковой вербализации ценностного компонента концепта HASS IM NETZ. Ценностная сторона концепта представляет важность этого феномена как для индивидуума, так и для коллектива и является определяющей [Карасик, 2002]. О важности этого концепта для немецкоязычной лингвокультуры свидетельствует активная дискуссия о феномене виртуальной вражды в СМИ и видеопубликациях на платформе YouTube, а также в детской и подростковой художественной литературе.

[1]URL: https://vhs-ehrenamtsportal.de/themenwelten/umgang-mit-rassismus-und-diskriminierung/der-umgang-mit-hatespeech-wie-erkenne-ich-es-wie-kann-ich-darauf-reagieren (дата обращения: 3.09.2022).

В источниках СМИ обсуждаются последствия, к которым может привести вражда в виртуальном пространстве, рассматриваются пути решения проблемы и т. д. Причиной массового распространения враждебно настроенных пользователей многие называют анонимность и дистантность (отсутствие непосредственного контакта), которые снимают границы между пользователями и предоставляют больше возможностей для грубого высказывания открытых негативных мнений:

> Gründe der Enthemmung im Netz – **nonverbale Signale** wie der **Augenkontakt fehlen**; Empathie ist auch eine körperliche Reaktion; Die **Anonymität** im Netz wirkt möglicherweise als Brandbeschleuniger für den Hass, der sich gegen eine bestimmte Merkmalsgruppe richtet. – Причины раскованности в сети – отсутствие невербальных сигналов, таких как зрительный контакт; эмпатия также является физической реакцией; анонимность в сети может действовать как катализатор ненависти, направленной против определенной группы[1].

Негативные комментарии могут включать в себя оскорбления, угрозы или даже угрозы расправы (*Morddrohungen / Mordaufrufe*, *Beleidigungen*, *Drohungen*) и т.д. Вражда в виртуальном пространстве напоминает пользователям безумно быстро вращающуюся спираль или накатывающую волну (*Spirale, die wahnsinnig schnell dreht*; *Hasswelle, die rollt über einen*), ставится в один ряд с Троянской войной (*Trojanischer Krieg, der unerbittlich geführt wird*), а комментарии сравниваются с ядом, который отравляет дискуссию (*Hassredner und Verschwörungstheoretiker unterwegs vergiften die Diskussion und schaden dem Diskurs*), или с навозными мухами, которые беспокоят жужжанием и нервируют (*wie die Schmeißfliegen, die man nicht aus dem Fenster bekommt! Sie summen und summen, stören eigentlich nicht besonders, manchmal nerven sie halt*).

В видеороликах на платформе YouTube блогеры также активно обсуждают феномен кибермоббинга в негативных комментариях, с которыми они сталкиваются в Интернете, и его последствия. Важный аспект, освещаемый в этих видео – это противопоставление вражды (моббинга) в реальном мире и виртуальном. Пользователи высказывают полярные мнения. С одной стороны, в Интернете моббинг принимает ужасающие масштабы (*sehr erschreckend welche Ausmaße Mobbing durch die Social Medias nehmen kann*), и пользователи (в том числе дети) подвергаются атакам 24 часа в сутки (*täglich im Netz beleidigt und runter gemacht*; *die Kinder 24 Stunden lang attackiert werden können*). С другой стороны, моббинг остается моббингом – ужасным явлением – вне зависимости от пространства, где он происходит (*Mobbing bleibt für mich Mobbing. Ganz egal ob im Internet oder real*). Также отмечается, что оскорбления в негативных комментариях нельзя сравнивать с высказыванием мнений или критикой (*Hass und Intoleranz... haben nichts mit Meinungsäußerung zu tun*; *Kritik und Beleidigungen werden leider gleichgesetzt*).

Явление ненависти в социальных сетях находит свое отражение в современной немецкоязычной детской и подростковой литературе. Существует ряд подростковых романов, посвященных сложностям и проблемам коммуникации в виртуальном пространстве, в том числе появившейся возможности для нерегулируемого высказывания мнений, что часто приводит к кибермоббингу.

Например, в романе для подростков «Ich blogg dich weg» А. Хаммера[2] рассказывается история девушки-музыканта Юлии, которая сталкивается с виртуальной враждой и ненавистью и учится справляться с ними. Она начинает получать анонимные сообщения от пользователя с ником «Stüpp7», в которых он оскорбляет ее. В результате к оскорблениям и негативным комментариям присоединяются ее знакомые и одноклассники или совсем незнакомые люди, которые называют ее обидными именами, используя обсценную лексику, или негативно оценивают ее внешний вид или характер. При этом автором романа описывается, какое действие негативные комментарии оказывают на девушку:

> Die, die diese Dinge über mich schrieben, **mich wegen meiner Arroganz verhöhnten** (´**Halt´s Maul,** du **eingebildete Kuh!**`, ´Keiner will was von dir wissen´) oder meinen Körper im Bikini beurteilten, als sei ich ein Stück Vieh oder so etwas (´Bisschen **kleine Titten**, aber sonst ganz okay´ und **Schlimmeres**), sahen ja nicht, wie ich meine Hände kaum unter Kontrolle hatte und meine Augen nass wurden. … Ich schämte mich (*A. Hammer, Ich blogg dich weg, c. 63*).
>
> – Те, кто писал обо мне такие вещи, высмеивал меня за мое высокомерие («Заткнись, тщеславная корова!», «Никто не хочет ничего о тебе знать») или оценивал мое тело в бикини, как будто я была куском скота или чем-то вроде того («Сиськи маловаты, но в остальном нормально» и т. д.), не видели, как я едва могу контролировать свои руки, а мои глаза становятся влажными… Мне было стыдно.

Также следует отметить, что А. Хаммер сравнивает пишущих негативные комментарии пользователей с чудовищем или монстром, используя

[1] Зд. и далее перевод наш. – *М. И.*

[2] Hammer A. Ich blogg dich weg. Bindlach: Loewe Verlag GmbH, 2013.

для этого ник «Stüpp7». Слово *Stüpp* – обозначает своего рода оборотня из сказаний и легенд Рейна (*eine Art Werwolf... jedenfalls in Sagen und Legenden westlich des Rheins*), который не нападает лицом к лицу, а вцепляется когтями в спину человека (*greift nicht von Angesicht zu Angesicht an, sondern er krallt sich am Rücken eines Menschen fest*). Он заставляет испытывающую смертельный страх жертву (*hat Todesangst*) тащить его (*schleppt ihn und schleppt ihn*) до полного изнурения (*bis er völlig erschöpft zusammenbricht*), пока та не потеряет рассудок и не умрет (*Er verliert den Verstand und stirbt bald drauf*). В разных эпизодах романа Юлия представляет своего врага в снах как монстра, который наблюдает или нападает на нее, например:

> Nachts träumte ich davon, wie ich auf der Probe sang, uns statt der Kamera war dort plötzlich **ein behaartes Tier**, **das sich langsam an mich heranschlich**, und ich wusste, wenn ich aufhörte zu singen, würde es **mich anfallen** und **mir die Stimme aus dem Hals reißen** (*A. Hammer, Ich blogg dich weg, c. 88*).
> – Ночью мне приснилось, что я пою на репетиции, а вместо камеры ко мне вдруг медленно подкрадывается волосатое животное, и я знаю, что если перестану петь, оно нападет на меня и вырвет мой голос из горла.

В романе отражаются типичные для виртуального пространства черты вражды – анонимность и неприкрытая грубость в высказывании негативных мнений и оскорблений. Автор описывает, какое влияние оказывает виртуальная вражда на человека и как ему приходится справляться и бороться с негативными комментариями.

Приведем также примеры из короткого рассказа «Ich diss dich» А. Штробеля[1], в котором описывается история девочки Ванессы, пытающейся понять причины самоубийства своей лучшей подруги. Ванесса обвиняет ее бывшего молодого человека Филиппа, потому что он опубликовал компрометирующие ее подругу фотографии в социальной сети, из-за которых на нее обрушилась волна негативных комментариев.

В рассказе подчеркивается, как социальные сети предоставляют платформу для быстрого распространения информации, в том числе непроверенной, так как посты могут с легкостью копироваться и набирать популярность за счет комментариев (*da waren sie schon **hundertfach** kopiert und auf anderen Seiten gepostet*; *Nach etwa zwanzig Minuten war der Eintrag **schon 214-mal geteilt und hatte 612 Kommentare***). При этом негативные комментарии содержат не только оскорбления, выраженные грубой, обсценной лексикой, но и угрозы (*Wüste **Beschimpfungen** wechselten sich ab **mit offenen Drohungen**; **las die Beleidigungen**, **Drohungen** und auch die wenigen verständnislosen Kommentare*; ***Aufrufe** gegeben, ihn zu **verprügeln***). Кроме того, подчеркивается, что комментаторы могут быть и совершенно посторонними людьми, которые прячутся за «слабоумными» никами:

> Ihre Chronik war **übersät** mit Posts von **irgendwelchen Fremden**, die meisten davon unter **Schwachsinns-Namen** wie Pina Colada, Pausen Los oder Axel Schweiß (*A. Strobel, Ich diss dich, c. 15*).
> – Ее хроника была замусорена сообщениями от случайных незнакомцев, большинство из которых были под такими слабоумными никами, как Pina Colada, Pausen Los или Axel Schweiß.

А. Штробель сравнивает происходящее в социальных сетях с бомбардировками (*Philipp **wird mit Beleidigungen und Drohungen bombardiert***) или с адом (*Auf Facebook [2]war **die Hölle los***), а пользователи, пишущие комментарии, предстают как разбушевавшаяся толпа (*ein Hater-**Mob austobte***).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании показано, что, несмотря на то, что феномен вражды в виртуальном пространстве возник сравнительно недавно, можно говорить о формировании концепта HASS IM NETZ. В работе, на основе анализа языковой объективации ценностной стороны концепта HASS IM NETZ в немецкоязычной культуре, а именно – в художественной подростковой литературе, а также в СМИ и на платформе YouTube продемонстрирована трансформация вражды под влиянием виртуальной коммуникации.

В проанализированных контекстах отражаются основные характеристики, отличающие феномен вражды в виртуальном пространстве от вражды в реальном мире (быстрота распространения, утрирование грубости). Также показано, что данный социально важный феномен нашел отражение в художественной литературе, где реализуются упомянутые ранее метафорические модели: сопоставление вражды и нападения, пишущего негативные комментарии пользователя и монстра, вражды и природной стихии.

Таким образом, можно утверждать, что в социальных сетях вражда становится качественно новым способом межличностного взаимодействия.

[1]Strobel A. Ich diss dich. Bindlach: Loewe Verlag GmbH, 2015.

[2]Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.
4. Bushman B. B., Holt-Lunstad J. Understanding social relationship maintenance among friends: Why we don't end those frustrating friendships // Journal of Social and Clinical Psychology. 2009. Vol. 28(6). Pp. 749–778.
5. Schlobinski P. Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven // Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet / T. Siever, P. Schlobinski, J. Runkehl (eds.). Berlin ; New York: Walter de Gruyter, 2005. Band 10. Linguistik – Impulse & Tendenzen, S. 1–15.
6. Vonneilich N. Soziale Beziehungen, soziales Kapital und soziale Netzwerke – eine begriffliche Einordnung // Soziale Netzwerke und gesundheitliche Ungleichheiten / A. Klärner, M. Gamper, S. Keim - Klärner, I. Moor, H. Lippe, N. Vonneilich (eds.). Wiesbaden: Springer VS, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-658-21659-7_2
7. Argyle M., Henderson M. The Anatomy of Relationships: And the Rules and Skills Needed to Handle Them Successfully. Harmondsworth, Middx: Pelican / Penguin Books, 1985.
8. Иванова М. А. Языковое выражения концепта HASS (ненависть) в немецкоязычном виртуальном пространстве // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 1. С. 93–101.

REFERENCES

1. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(827), 9–19. (In Russ.)
2. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language Circle: Person, Concepts, Discorse. Volgograd : Peremena Publ. (In Russ.)
3. Il'in, E. P. (2009). Psihologiya obshcheniya i mezhlichnostnyh otnoshenij = Psychology of communication and interpersonal relations. St Petersburg: Piter. (In Russ.)
4. Bushman, B. B., Holt-Lunstad, J. (2009). Understanding social relationship maintenance among friends: Why we don't end those frustrating friendships. Journal of Social and Clinical Psychology, 28(6), 749–778.
5. Schlobinski, P. (2005). Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven. In T. Siever, P. Schlobinski, J. Runkehl (eds.), Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet (B. 10, S. 1–15). Berlin ; New York: Walter de Gruyter.
6. Vonneilich, N. (2020). Soziale Beziehungen, soziales Kapital und soziale Netzwerke – eine begriffliche Einordnung. In Klärner, A., Gamper, M., Keim - Klärner, S., Moor, I., von der Lippe, H., Vonneilich, N. (eds), Soziale Netzwerke und gesundheitliche Ungleichheiten. Wiesbaden: Springer VS. https://doi.org/10.1007/978-3-658-21659-7_2
7. Argyle, M., Henderson, M. (1985). The Anatomy of Relationships: And the Rules and Skills Needed to Handle Them Successfully. Harmondsworth ; Middx: Pelican : Penguin Books.
8. Иванова, М. А. (2022). Linguistic expression of the concept HASS (HATE) in the German-speaking virtual space. Vestnik of the Mari State University, 16(1), 93–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Мария Александровна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Maria Alexandrovna

Lecturer of Department of Lexicology and Stylistics
of Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	08.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	09.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

Стереотипные представления о русских в современном немецком романе

А. А. Клиновская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anna-klinov2@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиций когнитивной лингвистики рассматриваются проблемы этнической стереотипизации. Анализируются средства вербализации социальных стереотипов, в частности, стереотипных представлений о русских в современном немецком литературном тексте, на материале произведения «Черно-белый роман» М. Пошман. Делается вывод о преобладании негативных гетеростереотипов в анализируемом романе.

Ключевые слова: стереотипизация, социальный стереотип, национальный стереотип, русские, Пошман

Для цитирования: Клиновская А. А. Стереотипные представления о русских в современном немецком романе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 38–43. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

Original article

Stereotypes about Russians in Modern German Novel

Anna A. Klinovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anna-klinov2@yandex.ru

Abstract. The paper deals with ethnical stereotyping from the point of view of the cognitive linguistics. It analyzes the means of verbalization of social stereotypes about Russians in modern German literary text on the material of "Black and White Novel" by Marion Poschmann. The conclusion about the prevailing negative heterostereotypes in the novel is made.

Keywords: stereotyping, social stereotype, national stereotype, Russians, Poschmann

For citation: Klinovskaya, A. A. (2023). Stereotypes about Russians in Modern German Novel. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 38–43. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_38

ВВЕДЕНИЕ

Человек не в состоянии охватить все разнообразие мира и вынужден руководствоваться устойчивыми культурно обусловленными структурами знаний часто оценочного характера, чтобы найти свое место в обществе. Такие оценочные структуры знаний, относящиеся к общественным группам, принято называть социальными стереотипами.

Особенности актуализации социальных стереотипов и их функционирование в различных видах дискурса – институционального, рекламного, политического – неоднократно становились предметом изучения лингвистов (см., например: [Ирисханова, 2012; Nielsen, 2016; Клиновская, 2007]). В данной статье с позиций когнитивной лингвистики и социальной семиотики будет рассмотрена вербализация национальных стереотипов, в частности, стереотипных представлений о русских в художественном тексте на материале произведения «Черно-белый роман» современной немецкой писательницы Марион Пошман[1]. При этом ставится цель выделить и рассмотреть отдельные структурные компоненты национального стереотипа, определить средства его вербализации и охарактеризовать его оценочный компонент.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Термин «стереотип» получил распространение в сфере гуманитарных наук после публикации книги «Общественное мнение» американского журналиста У. Липпмана в 1922 году. Автор определил в ней стереотип как упрощенное, принятое заранее представление, которое не вытекает из непосредственного личного опыта и помогает человеку ориентироваться в окружающем мире: «В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры» [Липпман, 2004, с. 97]. Стереотип диктуется культурой, в которой он сформировался, и «…последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение» [там же, с. 107].

Среди функций стереотипов У. Липпман называет генерализирующую и защитную: «Помимо экономии усилий существует еще одна причина, по которой мы пользуемся стереотипами, в то время как могли бы придерживаться и более объективного взгляда на вещи. Системы стереотипов могут служить… способом защиты нашего положения в обществе» [там же, с. 108]. Таким образом, стереотип способствует мыслительной экономии и помогает сохранить ценности общества. «Стереотипы… – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности» [там же, с. 109]. У. Липпман указывал на эксплицитно-оценочный характер стереотипа и подчеркивал его связь с языком: «Внешние стимулы, особенно произнесенные или сказанные слова, активизируют некоторую часть системы стереотипов, так что непосредственное впечатление и ранее сложившееся мнение появляются в сознании одновременно» [там же, с. 111].

Если первоначально стереотип считался распространенным мнением о любом значимом предмете или явлении (например, У. Липпман говорил о стереотипе прогресса или свежего росистого утра), то в 70-е годы XX века возник термин «социальный стереотип», относящийся исключительно к социальным объектам (общественным группам). В лингвистике этот термин утвердился благодаря опубликованной в 1973 году работе немецкой исследовательницы У. Квастхоф «Социальный предрассудок и коммуникация. Лингвистический анализ стереотипа» («Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps»). Первоначально она предлагает следующее определение термина: «Стереотип – вербальное выражение убеждения, направленного на социальные группы или на человека как члена этих социальных групп» [Quasthoff, 1989, с. 182][2]. Позднее У. Квастхоф рассматривает социальные стереотипы уже не как языковые единицы (предложения), а как элементы общественного сознания, находящие отражение в языке.

Теоритические положения У. Квастхоф продолжила развивать Я. Дябровска, которая понимает под стереотипом «элемент родового культурно-специфического ориентирующего знания, т. е. суждение о социальной или этнической группе, которое содержит отрицательную, положительную или нейтральную оценку» [Dąbrowska, 1999, с. 86].

В рамках когнитивной лингвистики социальный стереотип рассматривается как ментальная единица, которая актуализируется в дискурсе при помощи языковых средств. При этом имя социального стереотипа, называющее социальную группу, не эксплицирует его, а лишь указывает на него, вызывая в сознании людей соответствующие ассоциации. «Достаточно назвать кого-то в определенном окружении евреем, американцем, греком, турком, поляком, чтобы вызвать соответствующие

[1] Marion Poschmann. Schwarzweißroman. Frankfurt am Main: Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, 2005

[2] Зд. и далее перевод наш. – *А. К.*

фобии или в некоторых случаях положительные реакции, даже если этот человек никогда не встречался с представителями соответствующей группы» [Schaff, 1980, с. 31]. Стереотип может быть выражен эксплицитно лишь в предложении или в тексте.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКИХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ЧЕРНО-БЕЛЫЙ РОМАН» М. ПОШМАН

Выбранный в качестве практического материала роман, повествование в котором ведется от лица главной героини, рассказывает о поездке молодой немки в Россию, на Урал, где работает ее отец-инженер. Текст романа нацелен на воссоздание национальных гетеростереотипов о русских, сложившихся в немецком обществе.

Далее будут рассмотрены наиболее типичные черты, приписываемые русским.

Анализируя взаимодействие социокультурных моделей в некоторых типах институционального дискурса, О. К. Ирисханова выделяет следующие структурные компоненты стереотипа: «типичные социальные роли (муж, жена, хозяйка дома, гость); социальные события, в которых участвуют субъекты (бал, скачки, встреча гостей, презентация); типичные социальные действия, осуществляемые той или иной группой людей (танцевать, развлекать гостей, беседовать, работать, вышивать, жестикулировать); социальные институты (семья, церковь, школа, социальный класс, офис); система оценок (скромность, опрятность, благородство манер, целеустремленность)» [Ирисханова, 2012, с. 180]. Этот перечень можно дополнить такими структурными компонентами стереотипа, получившими отражение в романе, как типичная внешность, манера одеваться, отношение к работе, мировоззрение.

При рассмотрении стереотипной внешности русских в исследуемом художественном тексте необходимо отметить наложение национальных стереотипов на гендерные. Русские мужчины предстают в романе длинноволосыми и бородатыми. Немецкий сотрудник фирмы Альбрехт, который стремится ассимилироваться в России, отрастил себе бороду и перестал стричься, в результате чего стал выглядеть даже «более русским, чем русские».

Русские женщины уделяют много внимания своей внешности, стремясь привлечь внимание мужчин, для чего предпочитают неестественные высокие прически и яркий макияж. Например, администратор гостиницы Людмила превращает при помощи расчески и лака свои редкие волосы во «вьющуюся гриву» и «маскирует свое лицо под толстыми слоями краски»:

> In der Garderobe arbeitete sich Ludmilla mit Lockenstab und Kamm durch ihr dünnes Haar, sie bauschte es zu einer wallenden Mähne, sprühte dicke Wolken Festiger auf, sobald die Frisur saß, ließ sie ihr Gesicht in Windeseile hinter dicken Farbschichten verschwinden.

Описывая цвет помады Людмилы, автор использует градацию и определяет этот яркий цвет среди прочего как «русский красный», видимо, вызывая ассоциацию с цветом флага Советского Союза:

> Karmesinrot. Kardinalsrot. Krapplack. Rubinrot. Äußerstrot. Russisch Rot. Hingezauberter Blütenmund, Mund als entblätternde Tulpe, Kamelienmund.

Приглашенные на день рождения немецкого сотрудника русские женщины предстают в романе с размалеванными лицами, слишком тяжелыми украшениями, оттягивающими мочки ушей и, скорее всего, причиняющими боль, в слишком откровенных нарядах, из-под которых выглядывают напоминающие пудинг пышные формы:

> Begeisterte Frauengesichter, die vor Farbe krachten… Ein locker gehäkeltes Oberteil mit schwarzem Büstenhalter darunter. Ein Kleid, dem die Brust aus dem Ausschnitt quoll. Ein schwerer klirrender Ohrring, der das Ohrläppchen nach unten zog. Ein Clip, der sich fest ums Fleisch klemmte und dem man den Schmerz, den er verursachte, nicht ansah. Das alles gehörte dazu. Es gehörte zu einer Orgie zweifellos dazu. Nacktheit, die sich vorpreschte, sich herauswölbte, wackelte. Körper wie Puddinge, zugänglich, weich, mit einer Oberfläche, die sich leicht durchstoßen ließ.

Описываемые в приведенном фрагменте семейные женщины, приглашенные на праздник, – учительница, администратор и др. – мало чем внешне отличаются от девушки легкого поведения, которая ждет отца главной героини перед его номером. Это блондинка с высоко зачесанными волосами в мини-юбке и блузке с глубоким вырезом:

> Auf dem Treppenabsatz stand eine Blondine mit hochtoupiertem Haar. Sie trug einen winzigen Rock, eine schwarze Netzstrumpfhose, ein tief ausgeschnittenes Oberteil.

Таким образом, на основании анализируемого художественного текста можно реконструировать стереотип русской женщины, предпочитающей яркий макияж, броские украшения и подчеркнуто женственный стиль в одежде. С другой стороны, по первым наблюдениям главной героини романа, люди в России одеваются старомодно и «серо», их одежда как бы покрыта слоем плесени.

Если рассматривать такой структурный компонент стереотипа, как типичные социальные роли, то в романе воспроизводится стереотип о русской женщине как заботливой жене и гостеприимной хозяйке. На женщин ложится главный груз по материальному обеспечению семьи, потому что мужья либо пьяницы, либо безвольные и никчемные люди. При этом женщина должна радоваться, что заполучила хотя бы такого мужа, как, например, учительница Вера, муж которой все пропил:

> Sie hat es so schwer gehabt im Leben, einen Trinker geheiratet, der alles versoffen hat, nicht ungewöhnlich in Rußland… eine weitere Heirat – aussichtslos, hier will niemand eine Frau mit Kind. Der Frauenüberschuß ist so erheblich, daß jede Frau froh sein kann, einen abzukriegen…

Стереотип русского пьянства проходит лейтмотивом сквозь весь роман. Национальный напиток водку пьют стаканами практически везде – дома, в гостях, в бане и на работе:

> Feier, Feier, Feier. Wodka in Wassergläsern.
> Sie (Ludmilla) wickelte Wurstbrote aus Zeitungspapier, sie öffnete eine Tüte Bonbons, füllte Tee und Wodka in bereitstehende Gläser. Sie förderte ein Gurkenglas zutage und bearbeitete eine Obstkonserve mit dem Taschenmesser, sie ließ sich nicht unterkriegen, sie wußte zu leben.
> …ich weiß nicht, wie die das hinkriegen, ob sie ständig so betrunken sind, dass sie rot und blau nicht unterscheiden können.

Поддерживается в романе и стереотипное представление о том, что русские любят поесть. В тексте упоминаются традиционные русские блюда, такие как борщ, пироги с капустой, соленые огурцы и грибы, другие домашние заготовки.

Русский колорит создается в романе благодаря описанию ряда типичных социальных ситуаций (поход в баню, рыбалка, поездка на поезде). Автор использует при этом русские реалии, такие как избушка Бабы-Яги, березовый веник, медные подстаканники и самовар:

> Hütte der Baba Jaga auf wankenden Beinen, man rutschte über den seifigen Boden, man ging schamhaft gebeugt, warf seitlich verstohlene Blicke auf Bäuche und Brüste, horchte dem Klatschen der Birkenruten nach.

> Wie saßen uns gegenüber und tranken Tee. Gläser in ziseliertem Blech, heißer Henkel. Kochendes Wasser aus dem Samowar im Gang.

Еще один важный компонент национального стереотипа – отношение русских к работе. Русские сотрудники представлены в анализируемом романе безответственными, непрофессиональными, вороватыми пьяницами. Отец главной героини жалуется ей, что его русские подчиненные не следуют указаниям начальства, не придерживаются чертежей и делают, что хотят:

> Das ist gar nicht so einfach, die Leute, die dafür eingesetzt werden, machen, was sie wollen. Sie müßten sich nur nach der Zeichnung richten, aber nein, sie wursteln sich hier und da was zurecht.

Работы на стройке не могут сдвинуться с мертвой точки, потому что часть материалов не была поставлена, те материалы, которые все же были поставлены, пришли в негодность из-за неправильного хранения. Часть материалов по документам есть в наличии, но найти их нет никакой возможности.

То же безответственное отношение русских к своим обязанностям имплицитно присутствует при описании проржавевших газовых труб, обмотанных тряпками, и гостиничного номера с продавленными матрасами, сломанными розетками и разбитой люстрой. Узнав о том, что в номере разбился плафон, администратор гостиницы лишь пожимает плечами:

> Mein Vater reparierte die Decklampe… Die Glasscheibe zerbrach in zwei Stücke. Wir meldeten den Vorfall an der Rezeption. Achselzucken. Mein Vater klebte die Teile mit Tesafilm notdürftig zusammen und montierte die Scheibe wieder ein.

Что касается стереотипных качеств русского человека, то на основании анализируемого романа можно сделать вывод об апатичности русских и отсутствии гражданского самосознания. Например, никто не возражает и не жалуется на несправедливое обращение, не протестует при виде явно противоправных действий и «не хочет вмешиваться в чужие дела»:

> Wer wollte sich einmischen. Man erledigte seine Angelegenheiten.

Русские, наряду с жителями других социалистических стран, описываются автором как лишенные души, причем это обстоятельство иронично расценивается как преимущество:

> Angehörige sozialistischer Systeme haben den Vorteil, daß es bei ihnen die Psyche nicht gibt.

Что касается такого структурного компонента национального стереотипа, как мировоззрение, в романе оно неразрывно связано с советским прошлым. Например, в квартире своего русского знакомого главная героиня видит многочисленные изображения Ленина. Его бабушка предстает убежденной коммунисткой, которая по-настоящему счастлива только когда работает в коллективе, размахивает флагом или поет гимн:

> Sie ist dem Kommunismus vollständig verfallen. Unkritisch, begeistert. Ersetzt ihr die Familie… Sie wollte ackern, Fahnen schwenken, Hymnen schmettern, sie war selig, wenn sie in der Masse durch das Werkstor ging, fühlte sich geborgen, gebraucht, erhoben.

Главная героиня романа постоянно вспоминает о том, что она находится в стране, где долгое время господствовал социализм, и употребляет ключевые слова, отсылающие к той эпохе: восточный блок, опасная восточная зона, пятилетка, принудительная коллективизация сельского хозяйства, трудящиеся (*der Ostblock*, *die gefährliche Ostzone*, *der Fünfjahresplan*, *die Zwangskollektivierung der Landwirtschaft*, *die werktätige Bevölkerung*).

С социалистическим прошлым страны связывается и считающееся типичным для русских неуважение к правам личности и личному пространству. Например, тот факт, что незнакомый русский мужчина, сидящий рядом с героиней романа в самолете, слишком тесно к ней прижимается, она объясняет его социалистическим мировоззрением и отказом от индивидуального в пользу общественного:

> Man wußte nicht, was hie üblich war, ein anderer Körperabstand, eine andere Auffassung vom Recht der Persönlichkeit. Ich erinnerte mich an die Betonung der Gemeinschaft in den sozialistischen Ländern, an die Abkehr vom Individuellen. Der Mann schreckte kurz auf, rückte sich zurecht, schmiegte sich, gepolstert vom Pelzmantel, enger an mich an.

В другом эпизоде такое назойливое поведение со стороны мужчины эксплицитно называется «русскими нравами» (die russischen Sitten).

Национальный стереотип включает представление о том, что русские непредсказуемы и от них всего можно ожидать. Они «шли и возводили многоэтажные дома в сибирской вечной мерзлоте, прокладывали железные дороги через непроходимые болота, запускали собак в космос» и бесцельно сидели в мороз на замерзшей реке с удочками:

> Andererseits, man konnte sich nicht sicher sein, man war nicht zu Hause, den Russen traute ich vieles zu. Sie gingen hin und setzten Hochhäuser auf Stelzen in den Permafrost Sibiriens, sie bauten Eisenbahntrassen durch unpassierbare Sümpfe, schossen Hunde in den Kosmos – hier hockten sie nun…

Отмечая непроизвольный и неосознанный характер социальных стереотипов, О. К. Ирисханова указывает на то, что они «могут навязываться обществом и целенаправленно воспроизводиться во многих типах дискурса» [Ирисханова, 2012, с. 178]. Не исключение и дискурс художественной литературы, где, на наш взгляд, намеренно воспроизводятся и утрируются национальные гетеростереотипы. Следует отметить, что социальные стереотипы, будучи культурно обусловленными, содержат не столько объективную информацию о социальной группе, к которой они относятся, сколько о субъекте стереотипизации – том обществе, в котором они сформировались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в статье были проанализированы такие структурные компоненты национального стереотипа, как типичная внешность и манера одеваться, типичные социальные роли, типичные социальные действия, социальная оценка, отношение к работе, типичное мировоззрение. Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что стереотипные представления о русских, актуализируемые в произведении «Черно-белый роман» М. Пошман, отличаются преимущественно отрицательной окраской. Русские предстают перед читателем отталкивающими, чуждыми и непредсказуемыми, даже опасными. Национальные стереотипы вербализируются как эксплицитно, так и имплицитно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирисханова О. К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 5 (638). С. 173–184.
2. Nielsen M. Stereotype als Bestandteil von Werbestil // Linguistik online. 2016. 79. S. 231–252.
3. Клиновская А. А. Лингвокогнитивные особенности актуализации общественных стереотипов в политическом журнальном дискурсе ФРГ: дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Общественное мнение, 2004.

5. Quasthoff U. Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes // Language, Power and Ideology – Studies in Political Discourse. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 181–196.
6. Dąbrowska J. Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. Tübingen: Narr, 1999.
7. Schaff A. Stereotypen und das menschliche Handeln. München ; Zürich ; Wien, 1980.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K. (2012). Similar or Different? On Stereotypes, "Paragons" and Other Socio-Cultural Models in Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5(638), 173–184. (In Russ.)
2. Nielsen, M. (2016). Stereotype als Bestandteil von Werbestil. Linguistik online, 79, 5, 231–252.
3. Klinovskaya, A. A. (2007). Lingvokognitivnyye osobennosti aktualizatsii obshchestvennyh stereotipov v politicheskom zhurnalnom diskurse FRG = Linguacognitive Features of Social Stereotype Actualization in German Political Magazine Discourse: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Lippman, W. (2004). Public Opinion. Moscow: Obshchestvennoe mnenie. (In Russ.)
5. Quasthoff, U. (1989). Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes. Language, Power and Ideology – Studies in Political Discourse (pp. 181–196). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
6. Dąbrowska, J. (1999). Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. Tübingen: Narr.
7. Schaff, A. (1980). Stereotypen und das menschliche Handeln. München ; Zürich ; Wien.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клиновская Анна Анатольевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klinovskaya Anna Anatolyevna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_44

Эталонные характеристики антропонимов домена *Религия* в лингвокогнитивных сравнительных моделях

В. А. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val.kulikova@hotmail.com

Аннотация. Настоящая статья выполнена в русле когнитивной лингвистики и посвящена рассмотрению возможностей немецкого антропонима Patriarch в междоменном сравнении в СМИ. На основе комплексного анализа собранного корпуса определяются эталонные характеристики антропонима, а также выделяется ряд универсальных рекуррентных лингвокогнитивных сравнительных моделей, элементом которых выступает данный антропоним.

Ключевые слова: сравнение, антропоним, лингвокогнитивная сравнительная модель, домен, антропоним-эталон, эталон

Для цитирования: Куликова В. А. Эталонные характеристики антропонимов домена *Религия* в лингвокогнитивных сравнительных моделях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 10 (878). С. 44–50. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_44

Original article

Paragon Qualities of the Anthroponyms of the Domain Religion in Linguocomparative Models

Valeriya A. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val.kulikova@hotmail.com

Abstract. The research is made according to main ideas of cognitive linguistics and is devoted to the analysis of the functioning of the German anthroponym Patriarch in cross-domain comparison in the media. Based on an in-depth analysis of the corpus, the paragon characteristics of the anthroponym are determined, and several universal recurrent linguocognitive comparative models with anthroponym as an element are identified.

Keywords: comparison, anthroponym, linguocognitive comparative models, domain, standard of comparison, paragon

For citation: Kulikova, V. A. (2023). Paragon qualities of the anthroponyms of the domain *Religion* in linguocomparative models. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 44–50. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_44

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика, занимаясь вопросами определения принципов концептуализации и оснований категоризации, позволяет взглянуть на взаимосвязь и взаимоотношения языка, человека, мира и мышления с позиции единого предметного поля. Особое место в изучении категоризации, понимаемой как «выделение (или конструирование) когнитивных оснований категорий как определенных концептуальных матриц» [Беляевская, 2022, с. 91], следует уделить *сравнению*.

Сравнение, будучи частью не только процесса познания, но и процесса конструирования знания, предстает перед исследователями как определенная форма осмысления человеком мира вокруг. Сравнение представляет собой «когнитивный (и одноименный языковой) механизм формирования нового смысла на основе вторичной интерпретации знаний о мире» [Болдырев, Блохина, 2022, с. 1716]. При установлении сходства или различия между объектами, относящимися к одной или разным концептуально-тематическим областям, происходит выделение и акцентирование ряда характеристик этих объектов путем их «нового осмысления и языковой репрезентации» [Болдырев, Блохина, 2022, с. 1716]. В основе категории сравнения заложена идея классификации объектов действительности по принципу многомерных противопоставлений. Так, сравнение выступает в роли когнитивно-семантической категории, в которой находят отражение результаты как процесса сопоставления объектов действительности, так и их отождествления. В языковом плане результаты процесса сравнения закрепляются в ряде рекуррентных лингвокогнитивных моделей. Структура таких моделей предусматривает обязательное наличие трех членов: объекта сравнения, эталона сравнения и основания сравнения.

В этой связи следует отметить колоссальный потенциал в концептуализации и категоризации действительности через сравнение таких языковых единиц, как *антропонимы*. Под антропонимом понимаются все языковые единицы, соотносимые с понятием «человек» и служащие для его именования [Семина, 2016]. Антропонимы, обладая когнитивно-матричным устройством [Бочкарева, 2012], способны на основе внутренних связей объединять огромные пласты информации. Именно этот фактор обусловливает их активное использование в сравнении, задействующем разные концептуально-тематические области, или домены [Brdar, Brdar-Szabó, 2007], что в свою очередь представляет собой яркий пример концептуальной интеграции [Цветаева, Куликова, 2021]. Цель настоящего исследования – раскрыть потенциал использования немецкого антропонима *Patriarch* в сравнении в роли эталона. На материале современных немецкоязычных средств массовой информации планируется изучить процесс выделения эталонных характеристик антропонима-эталона в лингвокогнитивных сравнительных моделях (*далее* ЛкСРМ).

АНТРОПОНИМ *PATRIARCH* В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В ходе анализа лексикографических источников было установлено, что антропоним *Patriarch* представляет собой интернациональное заимствование, известное во многих языках и имеющее схожее наполнение. Как правило, этот антропоним выступает в качестве именования человека, обладающего определенным высоким статусом в христианских религиозных кругах, причем как православных, так и католических, хотя сфера влияния будет различаться (например, *der Patriarch von Konstantinopel*, *der maronitische Patriarch*). В ходе эволюционных процессов наблюдается семантическое расширение значений этого антропонима, фиксирующееся в словарных статьях электронного словаря современного немецкого языка DWDS[1] (das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache) и онлайн-версии словаря Duden[2] (Duden online) – см. таблицу 1 ниже:

В своем первом значении антропоним *Patriarch* по библейской традиции используется для наименования человека, относящегося к праотцам, т. е. ветхозаветным родоначальникам еврейского народа и человечества в целом, к предкам Иисуса Христа.

Принимая во внимание, что первое значение антропонима *Patriarch* имеет не религиозный, а скорее «родовой» характер, целесообразно отметить, что в словаре Берлинско-Бранденбургской академии наук DWDS присутствует значение *Nachfahre der Stammväter*, т. е. последователь, преемник праотцов. Так, семантически антропоним *Patriarch* становится сопряжен со старшим членом семьи мужского пола, который как глава семьи и рода имеет наибольший авторитет (например, *Nach außen hin ist er der biedere Patriarch einer Großfamilie*). Словари допускают также пренебрежительное и ироничное употребление антропонима в этом значении: антропоним может использоваться для (само)именования мужчины, который демонстрирует предположительно типичные мужские характеристики,

[1] URL: https://www.dwds.de/
[2] URL: https://www.duden.de/

Таблица 1

Значения антропонима *Patriarch*

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache	Duden online
1. Erzvater, Stammvater (des jüdischen Volks)	1. [Religion] Erzvater
2. Nachfahre der Stammväter: a) [Religion] in der orthodoxen und katholischen Kirche: Bischof höchsten Ranges, Erzbischof, der einem Patriarchat vorsteht; Amt, Titel eines Bischofs mit Patriarchat b) das älteste und ehrwürdige männliche Familienoberhaupt, das dem Familienverband, der Sippe vorsteht	2. [katholische Kirche] a) Amts- oder Ehrentitel einiger [Erz]bischöfe b) [Erz]bischof, der diesen Titel trägt
verächtlich (selbsternanntes) männliches Familienoberhaupt, das die Familie auf oft anmaßende Weise beherrscht; machohafter Mann, der sich über Frauen erhebt	
3. mit großer Autorität ausgestatteter Führer, Leiter in einem bestimmten Bereich; väterliche Person, der in einem bestimmten Aufgabenbereich der Nachwuchs untersteht	3. [orthodoxe Kirche] a) Titel der obersten Geistlichen und der leitenden Bischöfe b) Geistlicher, Bischof, der diesen Titel trägt
	4. oft abwertend ältestes männliches Familienmitglied oder Mitglied eines Familienverbandes, das als Familienoberhaupt die größte Autorität besitzt

такие как сила, твердость и доминирование, часто в чрезмерной форме, тем самым как бы занимая положение над женщинами (например, *Ist er ein alter Patriarch oder ein moderner Mann? или Der türkische Mann ist Patriarch und Pascha, vielleicht auch ein gewalttätiger Unterdrücker*).

В процессе развития появляется новое значение: антропоним *Patriarch* обозначает человека, который обладает лидерскими качествами и имеет большой авторитет не только в семье, но и в определенной области (например, *Boris Becker darf sich als der Patriarch des Tennis fühlen*). Такой метафорический перенос позволяет использовать антропоним для обозначения руководителя в какой-либо сфере деятельности, иногда даже обладающего отеческими чувствами (например, *Bislang erlebten die Abgeordneten ihren Vorsitzenden als brummigen, aber am Ende gutmütigen Patriarchen*).

В целом ряде значений наблюдается сохранение идеи первенства, главенствующей роли и авторитетности человека, именуемого антропонимом *Patriarch*. Возвращаясь к приведенному во введении определению сравнения и положению когнитивной лингвистики о том, что процессы категоризации тесно связаны с соотнесением наименований и фрагментов объективной реальности, заметим, что в современных средствах массой информации антропоним *Patriarch* часто используется в «отрыве» от своего прямого – религиозного – дискурса и приобретает преимущественно метафорический характер. Антропоним используется в контекстах уже не в роли духовного сана в религиозной иерархии, а как символ первенствующего положения в какой-либо сфере. Именно такие эталонные характеристики фиксируются в новых значениях антропонимов домена Религия в словарях. Например, в случае антропонима *Papst* в словаре DWDS фиксируется третье значение: человек, обладающий (непререкаемым) авторитетом в какой-либо области. Особое устройство антропонимов позволяет использовать их для выражения максимальной степени проявления соответствующего признака в сравнительных конструкциях. Схожим образом функционируют изученные нами ранее другие антропонимы, обозначающие титул человека (см. антропонимы *König*, *Fürst* и *Herzog*) [Куликова, 2022].

АНТРОПОНИМ *PATRIARCH* В СРАВНЕНИИ

Общий корпус исследования составили 272 контекста, в которых присутствует сравнение с элементом *Patriarch*. Корпус был составлен на основе газетного метакорпуса немецкого языка DWDS. Исходя из задач исследования в корпус не были включены контексты, где антропоним использован именно как обозначение духовного сана, принадлежащего к христианской церкви. Ключевым параметром отбора корпуса было наличие перехода антропонима-эталона *Patriarch* из своего первоначального домена Религия в ряд других доменов когнитивной матрицы антропонима.

Отобранные контексты были сгруппированы по типу универсальной ЛкСРМ и по доменам, с которыми происходит концептуальная интеграция. Корпус представлен преимущественно тремя ЛкСР:

1) A V wie Patriarch
2) A V als Patriarch
3) A = Patriarch + gX,

где A – антропоним-объект сравнения, *Patriarch* – антропоним-эталон сравнения. Для первого и второго типа ЛкСРМ характерно использование сравнительных союзов *wie* и *als*, выполняющих функцию оператора сравнения.

ЛкСРМ A V wie *Patriarch* (например, *Männer laufen wie Patriarchen herum*) представляет собой эксплицитно выраженное сравнение, в котором антропоним-объект сравнения (A) осуществляет некое действие (глагол V) как патриарх (wie *Patriarch*). ЛкСРМ представлена 32 контекстами, из них: 15 контекстов до 2000 года; 17 контекстов после 2000 года.

ЛкСРМ A V als *Patriarch* (например, *Der Mann führt seinen Klub als Patriarch*) напоминает первую ЛкСРМ, однако построена на механизме отождествления, т. е. антропоним-объект сравнения (A), осуществляя некое действие (глагол V), приравнивается к патриарху (*als Patriarch*), поэтому в этой модели использован оператор сравнения *als*. ЛкСРМ представлена 55 контекстами, из них: 24 контекста до 2000 года; 31 контекст после 2000 года.

Последняя ЛкСРМ A = *Patriarch* + gX (например, *der Patriarch des FC Bayern*) представлена наиболее широко – всего 172 контекста, из них: 82 контекста до 2000 года, 90 контекстов после 2000 года. Данная модель представляет собой частный случай имплицитно выраженного сравнения, построенного на механизме отождествления, т. е. антономасию [Цветаева, Куликова, 2021]. В представленной модели A – объект сравнения; антропоним *Patriarch* служит эталоном в сравнении; а определение в форме родительного падежа *gX* конкретизирует область деятельности объекта сравнения.

Что касается междоменных связей, то концептуальная интеграция в таком сравнении происходит преимущественно с доменами *Экономика*, *Политика*, *Спорт* и *Искусство*.

(1) Auch der vor zwei Jahren gestorbene Krupp-Patriarch Berthold Beitz galt als einer dieser großen Patriarchen der deutschen Wirtschaft, ohne die in ihrem Machtkreis nichts ging (*Die Zeit. 08.06.2015* (*online*)).

В контексте (1) немецкого промышленника Бертольда Бейтца (Berthold Beitz), скончавшегося двумя годами ранее, называют патриархом сталелитейного конгломерата Krupp (*der vor zwei Jahren gestorbene Krupp-Patriarch*) и одним из великих патриархов немецкой экономики (*einer dieser großen Patriarchen der deutschen Wirtschaft*). Ему приписывали помощь в реиндустриализации Рурской области и превращении Германии в индустриальную державу. Он возглавлял корпорацию Krupp с 50-х годов XX века практически до самой смерти в 2013 году. Дополнительная информация об основании сравнения содержится в контексте, следующим за сравнением – без участия Бейтца не принималось ни одно решение (*ohne die in ihrem Machtkreis nichts ging*). Отдельно следует заметить, что антропоним *Patriarch* в этом сравнении, выполняя роль эталона, уточняется и продолжает возводиться в абсолют за счет употребления прилагательного *groß* в значении «великий». Кроме того, употребление родительного падежа в разделительной функции, служащее обычно для выделения предмета или лица из группы подобных, позволяет зафиксировать, что несмотря на то, что титул патриарха может получить не один человек, принадлежность к такой «группе» остается элитарной. Так, основанием сравнения можно считать и большой опыт промышленника, и особый характер влияния на свою сферу деятельности и, вероятно, его заслуги как руководителя.

(2) Öger ist einer der letzten Patriarchen der deutschen Wirtschaft. Einer, der sagt, wie es läuft (*Die Zeit. 09.09.2010. Nr. 37*).

В контексте (2) представлено аналогично построенное сравнение, в котором патриархом немецкой экономики называют уже другого человека – Вурала Эгера (Vural Öger), турецко-немецкого предпринимателя в сфере туризма и политика, в прошлом члена Европарламента. Необходимо отметить, что его называют одним из последних патриархов немецкой экономики (*einer der letzten Patriarchen der deutschen Wirtschaft*): характеристика избранности, исключительности реализуется за счет использования родительного падежа в разделительной функции и прилагательного *letzte*. Как и в прошлом примере, контекст, следующий после сравнения, сообщает дополнительную информацию об объекте сравнения, тем самым раскрывая и основание сравнения: Эгер не просто задает тон, он определяет положение дел в своей сфере (*Einer*, *der sagt*, *wie es läuft*). Антропоним-эталон воплощает в сравнении идею совершенно особой роли человека в определенной сфере, чья деятельность и видение вещей выступают гарантом, а его авторитет непререкаем.

(3) Denn aufgebaut hat dieses Imperium Ferdinand Piëch, der Enkel des Gründers Ferdinand Porsche und *langjährige Patriarch des VW-Konzerns* (*Die Zeit. 05.05.2015. Nr. 18*).

В контексте (3) можно наблюдать более узко обозначенную сферу деятельности, также относящуюся к домену *Экономика*: члена автопромышленной династии Порше, внука основателя династии Фердинанда Пиеха (Ferdinand Piëch) называют патриархом концерна Volkswagen (*der langjährige Patriarch des VW-Konzerns*). В 1993 году, когда Пиех заступил на пост генерального директора Volkswagen, компания находилась в крайне плачевном состоянии и несла огромные убытки. Пиех уволил почти все руководство, при этом сохранил рабочие места обычным сотрудникам. За 22 года руководства компанией Пиеху удалось создать настоящую империю (*das Imperium aufbauen*), рыночная стоимость Volkswagen с тех пор выросла в 15 раз. Приведенное выше основание сравнения позволяет назвать Фердинанда Пиеха многолетним (*langjährig*) патриархом концерна Volkswagen.

(4) Möglicherweise liegt es daran, dass Kohl und Stute zu einer Generation gehören und sich in manchem ähnlich sind. Ewald Stute hat in seinem Betrieb geherrscht *wie ein Patriarch*. Und auch er glaubt, in den wichtigen Augenblicken seines Lebens die richtigen Entscheidungen gefällt zu haben (*Berliner Zeitung. 02.03.2000*).

В контексте (4) речь идет о владельце семейного бизнеса по производству продуктов питания и безалкогольных напитков в Падерборне, Эвальде Штуте (Ewald Stute). Компания STUTE и сейчас является надежным партнером и поставляет свои товары не только в страны Европы, но и Северную Америку и Австралию. Это стало возможным благодаря тому, как Эвальд Штуте руководил компанией – он делал это как патриарх (*wie ein Patriarch herrschen*), т. е. был неким независимым «правителем», принимавшим в важные моменты правильные решения. Немаловажным оказывается и сравнение, присутствующее в контексте ранее и отчасти предопределяющее последующее сравнение с патриархом: Эвальд Штуте и Гельмут Коль – канцлер ФРГ, руководивший страной 16 лет – были представителями одного поколения и во многом похожи.

(5) Bernard Charles Ecclestone, wie er in der Anklageschrift genannt wird, mächtiger Patriarch der Rennserie Formel 1, muss sich wegen Bestechung und Anstiftung zur Untreue verantworten – beides in besonders schweren Fällen (*Die Zeit. 24.04.2014. Nr. 17*).

В контексте (5) английского бизнесмена Бернарда Экклстоуна (Bernard Charles Ecclestone), в настоящее время почетного президента FOM (Formula One Management) и FOA (Formula One Administration) называют в обвинительном акте влиятельным патриархом Формулы 1 (*mächtiger Patriarch der Rennserie Formel 1*). Основанием служит тот факт, что Экклстоун примерно с 1970-х по 2017 годы осуществлял практически полное руководство гонками Формулы 1: финансовое, организационное и логистическое сопровождение каждого гран-при. Очевидно, что в этот продолжительный период времени не обошлось и без коррупционных скандалов (*Bestechung und Anstiftung zur Untreue*), которые вылились в обвинительные акты. Впрочем, дела были закрыты, т. к. господин Экклстоун заплатил рекордную для подобных ситуаций на тот момент сумму денежной компенсации – порядка 100 млн долл. США. Отметим также, что в сравнении активируется не только домен *Экономика*, но и домен *Спорт*.

(6) So wird die Welt der Politik in ein Geflecht privater Beziehungen zerlegt: Adenauer war der Patriarch der neuen Demokratie, Brandt der Mann der Versöhnung, Schmidt der leitende Angestellte der Republik (*Die Zeit. 01.04.1983. Nr. 14*).

(7) Kennedy stammt aus einer der alten, reichen und einflussreichen Familien der Ostküste und gilt als Galionsfigur der US-Liberalen und Patriarch der Demokraten (*Die Zeit. 15.05.2008. Nr. 21*).

В контекстах (6) и (7) наблюдается «переход» антропонима *Patriarch* в домен *Политика*. Так, первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer) называют патриархом новой демократии (*der Patriarch der neuen Demokratie*), а Джона Кеннеди (John Kennedy) – патриархом демократов (*Patriarch der Demokraten*).

Аденауэр выступает в роли родоначальника новой демократии в ФРГ: в 1946 году он основывает новую партию, ХДС, объединяющую всех христиан Германии. И, оказавшись на посту канцлера в возрасте 74 лет в переломное послевоенное время, он принимает на себя создание новой Германии. Его непоколебимый авторитет, политический вес и, вероятно, возраст в значении опытности сопрягаются с эталонными характеристиками антропонима *Patriarch* и объективируются в сравнении.

В основе же сравнения Кеннеди с патриархом лежит вовсе не названная выше идея «родоначальника» демократии, ведь, как известно, демократия провозглашается в США с самого их создания, еще в XVIII веке. У Кеннеди «другая роль»: он родился в старой, богатой и влиятельной семье и выступает знаменоносцем идей либерализма (*Galionsfigur*, *букв.* ‘фигурное украшение на носу парусного корабля’), он ярый реформатор, искусный

стратег и способен вести за собой людей, в данном случае демократов, к неким высшим целям.

Концептуальная интеграция с доменом *Искусство* представлена довольно широко. В сравнении с другими доменами домен *Искусство* может быть разделен на большее количество «поддоменов»: *Театр*, *Литература* и даже *Мода*.

(8) Ob als Präsident im Verband der Theaterschaffenden, ob als Intendant des Deutschen Theaters: nie ist er zum „Kulturfunktionär" verkümmert, sondern hat jüngere Kollegen ermutigt oder geschützt … Jetzt ist *dieser Patriarch des Theaters deutscher Sprache* in Ost-Berlin gestorben: Wolfgang Heinz, 84 Jahre alt (*Die Zeit. 09.11.1984. Nr. 46*).

В контексте (8) заметно, что искусство может восприниматься как часть экономики, как предприятие, когда речь идет об актере, режиссере, президенте Союза театральных деятелей ГДР Вольфганге Хайнце (Wolfgang Heinz). Однако основанием для сравнения с патриархом (*Patriarch des Theaters deutscher Sprache*) выступает скорее его «отеческая» защита и поддержка как старшего коллеги, что видно из контекста, предшествующего сравнению.

(9) Im Alter von 91 Jahren ist der Lyriker, einer der großen Dichter des Jahrhunderts, den seine Landsleute den „*Patriarchen der spanischen Literatur*" nennen, in Malaga gestorben (*Die Zeit. 02.1984. Nr. 07*).

В контексте (9) патриархом испаноязычной литературы (*Patriarch der spanischen Literatur*) на родине называют кубинского поэта XX века Николаса Гильена (Nicolás Guillén). Основание для такого сравнения кроется, очевидно, в том, что он получил широкую известность как представитель так называемой «черной поэзии», соединивший испанское метрическое стихосложение с ономатопоэтическими приемами кубинской музыкальной культуры «Сон» (el son cubano), которая включает в себя элементы музыки испанских фермеров и африканские ритмы. В 1983 году он был удостоен Национальной премии по литературе, самой престижной литературной премии Кубы.

Об универсальном характере ЛкСРМ с антропонимом домена *Религия* и о схожем способе выделения эталонных характеристик могут свидетельствовать многочисленные сравнения, задействующие домен *Мода* в русскоязычных СМИ. Так, встречается сравнение *патриарх моды* по отношению к Жан-Полю Готье, Ив Сен-Лорану, Карлу Лагерфельду. В последнее время это сравнение встречается в новостных заметках, посвященных недавней кончине известного модельера Вячеслава Зайцева (*патриарх советской моды*, *патриарх русской моды*). В материалах отмечается, что он был человеком-эпохой, примером служения людям, профессии и стране. Те самые эталонные характеристики, о которых шла речь в статье, применимы к немецкому языку, и выделяются в русском антропониме *патриарх*. Примечательно, что в немецком языке аналогичное сравнение будет задействовать скорее антропоним *Papst*. *Папой в мире моды* по версии немецкоязычных СМИ является Джорджио Армани и покойный Карл Лагерфельд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование потенциала немецких антропонимов домена Религия в роли эталона в сравнении показало, что СМИ активно используют антропоним *Patriarch*, изначально обозначающий духовный сан, в новом значении. Словари также фиксируют такое использование антропонима: он может восприниматься как «мера» или даже максимальная степень проявления некого выделенного признака и выступать в сравнении в роли эталона. Систематизация корпуса выявила, что сравнения с антропонимом *Patriarch* в междоменном сравнении чаще всего задействуют домены: *Экономика*, *Спорт*, *Политика*, *Искусство* и поддомены: *Литература*, *Театр*, *Мода*.

В связи с развитием новых значений происходит выделение новых сем. Так, среди эталонных характеристик антропонима *Patriarch* можно выделить опыт, влиятельность, решительность, последовательность и др. При этом выделяемые эталонные характеристики обладают в сравнении селективным и комбинаторным характером, т. е. способны в каждом отдельном контексте выделять и подчеркивать одни и скрывать другие черты антропонима-объекта и антропонима-эталона в зависимости от интенции адресата. Часто контекст, в котором представлено сравнение, может дополнять, дублировать и помогать дешифровывать основание сравнения (см. контексты (1), (2) и (4)), что свидетельствует о происходящих процессах семантического развития антропонима Patriarch и о постепенном приобретении им устойчивого характера эталона в сравнении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: результат, на который обычно не обращают внимания // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 89–94.
2. Болдырев Н. Н., Блохина Е. Д. Сравнительные конструкции как механизм вторичной интерпретации знаний о мире // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. №. 11. С. 1713–1722.
3. Семина И. А. Общая специфика семантики широкозначных антропонимов современного французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 6 (745). С. 129–139.
4. Бочкарева И. В. Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2012.
5. Brdar M., Brdar-Szabó R. When Zidane is not simply Zidane, and Bill Gates is not just Bill Gates: Or, Some thoughts on online construction of metaphtonymic meanings of proper names // Aspects of Meaning Construction. 2007. P. 125–142.
6. Цветаева Е. Н., Куликова В. А. Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении // Русская германистика. М.: ФЛИНТА, 2021. Т. 18. С. 474–491.
7. Куликова В. А. Немецкие антропонимы König, Fürst и Herzog в лингвокогнитивных сравнительных моделях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 62–68.

REFERENCES

1. Belyaevskaya, E. G. (2022). Analyzing conceptual structure: a result that is often overlooked // Cognitive studies of Language, 4(51), 89–94. (In Russ.)
2. Boldyrev, N. N., Blokhina, H. D. (2022). Comparative constructions as a mechanism for secondary interpretation of world knowledge. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(11), 1713–1722. (In Russ.)
3. Syomina, I. A. (2016). General semantic traits of wide-meaning anthroponimics in modern French. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6(745), 129–139. (In Russ.)
4. Bochkareva, I.V. (2012). Kognitivnye aspekty semantiki proizvodnykh ot imen sobstvennykh v sovremennom angliiskom yazyke (Cognitive aspects of the semantics of derivatives from proper nouns in modern English): abstract of PhD in Philology. Tambov. (In Russ.)
5. Brdar, M., Brdar-Szabó, R. (2007). When Zidane is not simply Zidane, and Bill Gates is not just Bill Gates: Or, Some thoughts on online construction of metaphtonymic meanings of proper names (pp. 125–142). Aspects of Meaning.
6. Tsvetaeva, E. N., Kulikova, V. A. (2021). Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia. Russkaja germanistika, 18, 474–491. Moscow: Flinta. (In Russ.)
7. Kulikova, V. A. (2022). German anthroponyms König, Fürst and Herzog in linguocognitive comparative models. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 62–68. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Валерия Александровна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Valeriya Alexandrovna

Lecturer of German Lexicology and Stylistics Department
Faculty of German Language
Institute of foreign languages M. Thorez
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’23
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_51

Анализ комплексного воздействия коммуникативных сигналов поликодового медиатекста

О. М. Куницына

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kunitsyna_mglu@mail.ru

Аннотация. Процесс общения в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы рассматривается как взаимодействие различных семиотических кодов, поступающих в перцептивную систему человека и проходящих когнитивную обработку. В интернет-пространстве медиатексты нацелены на определенное воздействие на адресата. Статья представляет собой анализ рекламного поликодового медиатекста с целью выявления средств вербального и невербального речевого воздействия, а также описания взаимодействия семиотических компонентов.

Ключевые слова: мультимодальность, поликодовый текст, медиатекст, речевое воздействие, манипуляция, изображение, рациональные и эмоциональные средства убеждения

Для цитирования: Куницына О. М. Анализ комплексного воздействия коммуникативных сигналов поликодового медиатекста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 51– 57. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_51

Original article

Analysis of the Complex Impact of the Communicative Signals of the Multimodal Media Text

Olesya M. Kunitsyna

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kunitsyna_mglu@mail.ru

Abstract. The process of communication within the cognitive-discursive paradigm is considered as the interaction of various semiotic codes entering the human perceptual system and undergoing cognitive processing. In the Internet space, verbal and visual media texts are aimed at a certain impact on the addressee. The article is an analysis of the advertising multimodal media text in order to identify the means of verbal and nonverbal speech effects, as well as to describe the interaction of semiotic components.

Keywords: multimodality, multimodal text, media text, speech influence, manipulation, image, rational and emotional means of persuasion

For citation: Kunitsyna, O. (2023). Analysis of the complex impact of the communicative signals of the multimodal media text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 51–57. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_51

ВВЕДЕНИЕ

Мультимодальность как естественное состояние коммуникации сопровождает человека в повседневной жизни. Разные семиотические системы объединяются в мультимодальном дискурсе и компенсируют друг друга. Являясь участником устной или письменной коммуникации, каждый человек применяет, по крайней мере, неявные знания о закономерностях производства и интерпретации разных знаков. Для построения эффективной коммуникации и для того, чтобы не стать объектом слепого речевого манипулирования, каждый должен обладать рядом компетенций, чтобы грамотно читать, понимать и воспринимать поликодовые тексты. Данная статья является попыткой описания взаимодействия вербального и визуального компонентов медиатекста для комплексного воздействия на адресата.

Когнитивные и коммуникативные процессы, проходящие в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, связаны между собой. Коммуникация, таким образом, не только интерактивная деятельность участников общения и обмен информацией, но порождение и восприятие ментальных репрезентаций коммуникантов и их воздействие друг на друга.

Человек, порождая высказывание и вкладывая в него смыслы, комбинирует различные семиотические ресурсы и разные каналы [Полимодальные измерения дискурса, 2022]. При написании текста автор использует знаки различной степени символизации. В ходе такой коммуникации значения формируются при помощи разных семиотических средств, поэтому, говоря о коммуникации и коммуникативных сигналах, передаваемых поликодовыми текстами, будем иметь в виду коммуникацию вербальную и невербальную, текст и изображение в равной степени.

Согласно исследованиям и экспериментам А. Г. Сонина, поликодовые (иллюстрированные) тексты легче понимаются и запоминаются реципиентами, чем монокодовые [Сонин, 2005]. Кроме того, при перцептивном восприятии и обработке информации, передаваемой через поликодовый текст, первична обработка изображения, а лексические репрезентации присоединяются позднее. При восприятии изображения обработка проходит «по направлению от идентификации к непосредственной активации семантических репрезентаций» [там же, с. 121].

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИКОДОВОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Коммуникация, осуществляемая на интернет-площадках, организована по принципу мультимодальности, под которой будем понимать «способ существования сущности в ее взаимодействии с языком и познанием мира» [Полимодальные измерения дискурса, 2022, с. 22]. Интернет-общение может быть синхронным и асинхронным, включать статические и динамические изображения.

Медиатексты, представленные в Интернете, не только передача информации, но и воздействие на реципиента. Статичный письменный иллюстрированный медиатекст представляет собой поликодовый медиатекст. В нем значения и смыслы формируются при помощи разных семиотических средств. Для анализа медиатекста необходимо учитывать лингвистические и нелингвистические, экстралингвистические и специфические медийные факторы [Wetzchewald, 2012].

В рамках медиадискурса происходит «взаимодействие различных типов знаний, включающих в себя языковые знания и знания о мире: о событиях, состояниях, действиях и процессах, адресате» [Копылова, 2019, с. 12]. Общий смысл высказывания воссоздается адресатом в процессе восприятия и понимания. Для текстов, которые включают вербальные и визуальные составляющие, характерно восприятие при задействовании нескольких перцептивных сенсорных модальностей [Сонин, 2005].

Основной характеристикой любой коммуникации является ее целенаправленность, для достижения которой используются коммуникативные стратегии и тактики. В ходе коммуникации адресант намеренно отбирает языковые и неязыковые средства для оказания воздействия на адресата и изменения его мировосприятия.

Результатом такого целенаправленного воздействия должно быть определенное изменение в деятельности и системе установок человека. Субъект речевого воздействия регулирует интеллектуальную и физическую деятельность своего собеседника при помощи речи. Объект речевого воздействия испытывает влияние другого через сообщение [Иссерс, 2009]. Адресант как бы подсказывает реципиенту основания для осуществления его выбора, таким образом «вторгаясь в систему его ценностей и корректируя их в зависимости от поставленной коммуникативной цели» [Никитина, 2019, с. 47].

Многие исследователи подчеркивают активную роль реципиента, которая рассматривается как «построение встречного текста в ходе мыслительного процесса, отражающего продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания» [там же, с. 7]. Такой встречный текст формируется в результате коммуникативных ходов адресата, которые выстроены таким образом, чтобы подвести реципиента к определенной коммуникативной цели.

Механизм речевого воздействия работает в любом акте коммуникации. В каждой лексической единице заложена коннотация, и, соответственно, подбирая слова, коммуникант неизбежно закладывает в сообщение свое отношение, оказывая влияние на собеседника. Отбор речевых и неречевых средств осуществляется в зависимости от стратегии речевого воздействия. Под речевой стратегий понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, а под речевой тактикой – одно или несколько речевых действий, которые способствуют стратегии» [Егошкина, 2018, с. 117]. В ходе коммуникации участник общения может применять различные тактики, основываясь на выбранной речевой стратегии. Различные коммуникативные стратегии по-разному реализуются в ситуациях общения, при этом одна и та же стратегия может иметь разное значение, функции и средства реализации. От правильно выбранной речевой стратегии и приемов ее реализации зависит успешность или неуспешность коммуникации [там же]. Таким образом, стратегия речевого воздействия определяет направление коммуникации и предполагает изменение сознания адресата в результате коммуникативного акта.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА

При анализе рекламного поликодового медиатекста речевая стратегия ясна, интерес представляет анализ языковой и изобразительной составляющих, каждая из которых имеет свою семиотическую структуру и форму репрезентации и участвует в создании совокупного смысла.

Для семиотического анализа возьмем рекламный поликодовый медиатекст фирмы Musicoz[1]. Данный медиатекст является рекламой наушников для засыпания и состоит из вербального текста и нескольких изображений. Сначала рассмотрим на примерах рациональные и экспрессивные средства убеждения, заложенные в вербальном тексте. Рациональными средствами речевого воздействия и манипуляции являются аргументация, доводы и примеры использования. Например:

> Insgesamt 80 Prozent der Erwerbstätigen berichten bei der Reportbefragungen von Schlafproblemen.
>
> – В общей сложности 80 % занятого населения сообщает в ходе социологических опросов о проблемах со сном[2].
>
> Laut einem DAK– Gesundheitsreport leidet jeder zehnte Arbeitnehmer (9,4 Prozent) unter schweren Schlafstörungen.
>
> – Согласно отчету о состоянии здоровья Медицинской службы страхования для немецких служащих DAK, каждый десятый работник (9,4 %) страдает серьезными нарушениями сна.
>
> Immer mehr Menschen in Deutschland haben Probleme beim Ein- und Durchschlafen.
>
> – Всё больше людей в Германии испытывают проблемы со сном и засыпанием.

К экспрессивным средствам речевого воздействия относятся лексические, грамматические, художественно-выразительные средства языка, которые позволяют обратить внимание на высказывание и запомнить его.

В лексике данного поликодового медиатекста несколько раз используются слова: *schwer*, *schlecht*, *schwierig*, *nervig* – для описания проблем со сном, а также слова *leicht*, *schnell*, *essentiell*, *wichtig*, *einfach* – для описания наушников для засыпания. Весь текст построен на противопоставлении, на лексическом повторе ряда антонимов. Такое скопление близких по значению слов при анализе текста может быть рассмотрено как плеоназмы и тавтология, но здесь в рекламном медиатексте это используется намеренно, для лучшего запоминания и для создания качественного противопоставления, что имеет целью создание большего манипулятивного эффекта. Такое количество негативно маркированных прилагательных и резкое противопоставление их позитивному описанию наушников бесспорно поможет реципиенту сделать «правильный» выбор. Примером является фраза:

> Dabei ist Schlaf lebenswichtig für unsere Seele und unseren Körper.
>
> – Сон жизненно важен для нашей души и тела.

В тексте также присутствуют контекстуальные антонимы:

> Zwischen Homeoffice, Corona-Test-Stress und einem anstrengenden Familienalltag… dass das Einschlafen einfach und schnell funktioniert.

[1]URL: https://de.yahoo.com/style/mit-diesen-kopfhorern-findest-du-leichter-in-den-schlaf-135353249.html

[2]Зд. и далее перевод наш – *О. К.*

– Между домашним офисом, стрессом, связанным с тестированием на коронавирус, и напряженной семейной жизнью… Тем важнее, чтобы процесс засыпания был простым и быстрым.

В качестве примеров использования художественно-выразительных средств можно привести следующие тропы:

– гиперболизированные эпитеты: schweren Schlafstörungen, schlechte Schlafqualität, anstrengenden Familienalltag, schwierige *Zeit*;

– антитезы: *schweren Schlafstörungen – das Einschlafen dürfte leichter fallen*, *Probleme beim Ein- und Durchschlafstörungen – das Einschlafen einfach schnell funktioniert*;

– гиперболы: *äußerst dehnbare Kopfhörer*, *ganz einfach waschen*, *Freisprechanrufe ganz leicht annehmen lassen*.

Приведем также примеры риторических фигур:

– риторические восклицание: *Mit diesen Kopfhörern kappt das in Zukunft ganz sicher – und das ganz ohne nervige Kabel!*

– инверсия: *Zwischen Homeoffice, Corona-Test-Stress und einem anstrengenden Familienalltag ist es oft schwierig, Zeit für eine essentielle Sache zu finden: Schlaf*. Здесь рема выносится в сильную позицию, в конец предложения и интонационно выделяется, что дополнительно акцентирует внимание на необходимости качественного сна.

– синтаксический параллелизм и буквенная анафора: *Immer mehr Menschen in Deutschland haben Probleme beim Ein- und Durchschlafen… Insgesamt 80 Prozent der Erwerbstätigen berichten…*

Мы приводим лишь некоторые лексические и стилистические выразительные средства речевого воздействия. Важно понимать, что речевое воздействие и, в частности, манипуляция всегда направлены на изменение сознания или активности адресата в интересах адресанта, одностороннюю выгоду от действий коммуниканта, который может даже не осознавать, что его используют.

В поликодовом медиатексте каждый из семиотических ресурсов является каналом передачи информации и участвует в создании общего смысла, поэтому важно рассматривать все компоненты во взаимодействии. Только учитывая речевые и визуальные составляющие, можно говорить о комплексном воздействии.

Во многих контекстах в печатных журналах или Интернете изображения не предполагают конкретную идею и не подразумевают определенное содержание, а обладают довольно большим объемом свободы восприятия и интерпретации. Но в рекламе или, например, в политическом дискурсе следует скорее ожидать четко заложенного смысла или идеи в изображениях, сопровождающих тот или иной текст. Изображения в таких контекстах вносят важный вклад в создание общего смысла и даже накладывают отпечаток на общественное восприятие той или иной темы. Часто используются так называемые визуальные стереотипы»[Larcher, 2015, с. 195] для создания конкретного манипулятивного воздействия. Визуальные стереотипы подходят для закрепления зрительных образов и для управления восприятием, интерпретацией и эмоциями на подсознательном уровне. Так изображения можно использовать для манипулирования, которое становится эффективнее из-за того факта, что изображениям придается большее доказательное значение, чем вербальному тексту [там же].

Одним из приемов комплексного манипулятивного воздействия является подробное информирование, когда реципиенту сообщаются новые знания, благодаря которым он может изменить свое отношение, дается четкое описание свойств предмета. Так, например, часть рекламного текста наушников для сна посвящена подробному информированию о проблеме нарушения сна.

Immer mehr Menschen in Deutschland haben Probleme beim Ein- und Durchschlafen. Laut einem DAK-Gesundheitsreport leidet jeder zehnte Arbeitnehmer (9,4 Prozent) unter schweren Schlafstörungen mit Ein- und Durchschlafstörungen, schlechter Schlafqualität, Tagesmüdigkeit und Erschöpfung. Insgesamt 80 Prozent der Erwerbstätigen berichten bei der Reportbefragungen von Schlafproblemen.

– Всё больше людей в Германии испытывают проблемы со сном и засыпанием. Согласно отчету о состоянии здоровья DAK, каждый десятый работник (9,4 %) страдает серьезными нарушениями сна, включая трудности с засыпанием и высыпанием, плохое качество сна, дневную сонливость и истощение. В общей сложности 80 % работающих людей сообщают о проблемах со сном во время отчетных опросов.

Эта часть вербального текста подкрепляется следующим изображением (рис. 1). Данное изображение находится с текстом во взаимоотношении комплементарности, оно расширяет и подкрепляет значение вербального текста, при этом само по себе не имеет значения. Только в совокупности эти два компонента создают общую картину и создают эффект комплексного воздействия на адресата.

Если изменить понимание реципиентом описываемой ситуации, то можно изменить и его отношение к предмету.

Dabei ist Schlaf lebenswichtig für unsere Seele und unseren Körper. Der Stoffwechsel und die

Рис. 1. Первое изображение к рекламному медиатексту

Рис. 2. Второе изображение к медиатексту

Abwehrkräfte erholen sich während des Schlafes und das Gehirn verarbeitet die Eindrücke vom Tag. Mit den abnehmbaren und äußerst dehnbaren Kopfhörern von Musicozy dürfte uns das Einschlafen in Zukunft leichter fallen. Denn sie passen sich wie ein Stirnband an deinen Kopf an und spielen ganz ohne nervige Kabel Musik ab.
– При этом сон жизненно важен для нашей души и тела. Обмен веществ и защитные силы восстанавливаются во время сна, а мозг обрабатывает дневные впечатления. Ожидается, что в будущем нам будет легче заснуть со съемными и чрезвычайно эластичными наушниками Musicozy. Они прилегают к вашей голове как повязка на голову и воспроизводят музыку без каких-либо раздражающих проводов.

Для подкрепления и усиления вербального воздействия приводится следующее изображение (рис. 2). Здесь изображены молодая девушка, спокойно спящая и улыбающаяся во сне, и молодой человек, ведущий активный образ жизни и занимающийся спортом. Реципиент этого медиатекста и изображения достраивает логические связи и видит это изображение как результат здорового сна.

Следующим приемом комплексного воздействия является убеждение, путем представления в новом свете того, что реципиент уже знает [Никитина, 2019].

Zwischen Homeoffice, Corona-Test-Stress und einem anstrengenden Familienalltag ist es oft schwierig, Zeit für eine essentielle Sache zu finden: Schlaf. Umso wichtiger, dass das Einschlafen einfach und schnell funktioniert. Mit diesen Kopfhörern kappt das in Zukunft ganz sicher – und das ganz ohne nervige Kabel!
– Между домашним офисом, стрессом, связанным с тестированием на коронавирус, и напряженной семейной жизнью часто бывает трудно найти время для одной важной вещи: сна. Тем важнее, чтобы процесс засыпания был простым и быстрым. С наушниками это обязательно произойдет в будущем – и без каких-либо надоедливых проводов!

Интересно, что визуальная составляющая данного медиатекста (рис. 1, 2) так же, как и вербальный текст, построена на антитезе. Изображения представляют собой аргументы. У. Перксен утверждает, что визуальное аргументирование становится все актуальнее для современного общества [Pörksen, 1997]. Здесь первое изображение показывает проблемы со сном, последующие дают решение этой проблемы. Как бы повторяя и подкрепляя вербальный текст, данные изображения, проходя через перцептивную систему человека, способствуют созданию навязанного логического вывода, цепочки перехода от нарушений сна к здоровому засыпанию при помощи рекламируемых наушников. Такая многомерная коммуникация оказывает комплексное воздействие на реципиента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня особенно актуальны исследования в двойном контексте, анализ отношений обеих коммуникативно-семиотических систем: текста и изображения. Они присутствуют в разных сферах коммуникации, особенно они наглядны

в медиадискурсе. Медиатекст является мультимодальным объектом, в котором каждый канал выполняет свою роль. В процессе речевого воздействия используются особенности устройства и функционирования знаковых систем.

Адресат тщательно производит отбор лингвистических и паралингвистических средств для максимального воздействия на реципиента. Потенциал воздействия на сознание и поведение адресата у поликодового медиатекста выше, чем у монокодового. Изображения в дополнение к вербальному тексту служат сокращенными аргументами, с помощью которых реципиент получает подтверждение или подкрепление того, что выражено словами, или убеждается в том, что было вербально неясно выражено. Репрезентации различных семиотических средств объединяются в объемный текст.

В результате речевого воздействия адресат осуществляет свой выбор, руководствуясь выводами, сделанными под влиянием такого объемного вербально-визуального текста. Умение правильно читать такие многомерные объекты становится повседневно необходимым, а также представляет интерес с точки зрения прагматики речевого воздействия на адресата и традиционной лингвистики. Их изучение сможет обогатить исследования функционирования вербальных компонентов наряду с невербальными, позволит исследовать текст нелинейно, определяя вклад каждой модальности в построение значений в общем полимодальном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полимодальные измерения дискурса : монография / О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, О. Н. Прокофьева и др. ; отв. ред. О. К. Ирисханова / Московский государственный лингвистический университет, Центр социокогнитивных исследований дискурса. М.: Издат. дом ЯСК, 2021.
2. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–124.
3. Wetzchewald M. Bildlinguistik (Text & Bild) im Internet // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2012. 40 (1). S. 139–142.
4. Копылова Т. Р. Коммуникация в современной научной парадигме: монография. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2019.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта : Наука, 2009.
6. Никитина Э. К. Поликодовый и полимодальный текст как инструмент исследования речевого воздействия: учебное пособие для аспирантов. Уфа: УГАТУ, 2019.
7. Егошкина В. А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радийном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 115–122.
8. Larcher S. B. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2015.
9. Pörksen U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K. (Ed.). (2021). Polimodal'nye izmerenija diskursa = Polymodal dimensions of discourse : monograph. O. K. Iriskhanova, M. I. Kiose, O. N. Prokof'eva et al. Moscow: YSK. (In Russ.)
2. Sonin, A. G. (2005). Experimental study of multimodal texts: main directions. Topics in the study of language, 6, 115–124. (In Russ.)
3. Wetzchewald, M. (2012). Bildlinguistik (Text & Bild) im Internet. Zeitschrift für germanistische Linguistik, 40(1), 139–142.
4. Kopylova, T. R. (2019). Kommunikaciya v sovremennoj nauchnoj paradigme = Communication in the modern scientific paradigm : monograph. Izhevsk: Udmurtskij universitet. (In Russ.)
5. Issers, O. S. (2009). Rechevoe vozdejstvie = Speech effects. A textbook for students studying in the specialty "Public Relations". Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
6. Nikitina, E. K. (2019). Polikodovyj i polimodal'nyj tekst kak instrument issledovaniya rechevogo vozdejstviya = Multimodal and polymodal text as a tool for the study of speech effects. Textbook for graduate students. Ufa: UGATU. (In Russ.)
7. Egoshkina, V. A. (2018). Speech strategies for attracting and retaining the addressee's attention in entertainment radio discourse. Communication studies, 2(16), 115–122. (In Russ.)
8. Larcher, S. B. (2015). Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto.
9. Pörksen, U. (1997). Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куницына Олеся Мироновна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kunitsyna Olesya Mironovna
PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Institute of International Law and Justice
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’27
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_58

Социальный конструктивизм и анализ сценария светской беседы в англоязычном дискурсе

О. Ю. Любимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ol_lyubimova@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается понятие социального конструктивизма, исследуется сценарий светской беседы англоязычного сообщества, его особенности и основные характеристики. Характерной чертой светской беседы является понятие вежливости и ее вербальное выражение в англоязычной среде. Сценарий светской беседы имеет полностью или частично ритуализованную природу в англоязычной коммуникации.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, сценарий, светская беседа, коммуникация, сценарный фрейм, дискурс

Для цитирования: Любимова О. Ю. Социальный конструктивизм и анализ сценария светской беседы в англоязычном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 58–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_58

Original article

Social Constructivism and Analysis of the Scenario of Small Talk in English Discourse

Olga Yu. Lyubimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ol_lyubimova@mail.ru

Abstract. The article reveals the concept of social constructivism, explores the scenario of small talk of English-speaking community, its features and main characteristics. The main characteristic feature of small talk is the concept of politeness and its verbal expression in the English-speaking environment. The small talk script has a full or partly ritualized nature in English language communication.

Keywords: social constructivism, scenario, small talk, communication, scenario frame, discourse

For citation: Lyubimova, O. Yu. (2023). Social Constructivism and Analysis of the Scenario of Small Talk in English Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (878), 58–64. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_58

ВВЕДЕНИЕ

Ученые лингвисты выделяют два подхода к проблемам информации и коммуникации. Первая наделяет информацию значимостью и ценностью, в то время как коммуникация выступает в качестве процесса ее оформления, обеспечивающего трансляцию информации между индивидами. Информация занимает центральное место из-за ее когнитивной способности отражать окружающий мир. Второй подход отводит главную роль коммуникации, что подразумевает, что информационные средства – не просто репрезентации мира out there, а неотъемлемая часть общения. Другой важной проблемой стала проблема соотношения деятельности и общения, предстающих как взаимосвязанные, «относительно самостоятельные, но не равноценные стороны единого процесса жизни» [Буева, 1978, с. 113]. Общение рассматривается как своеобразная форма деятельности. Главная методологическая опасность кроется не в том, что сегодня «нет сферы человеческой деятельности, которая не могла бы быть рассмотрена сквозь призму общения», а в том, что «общение… все более кристаллизуется в самостоятельную деятельность» [Леонтьев, 1975, с. 47]. Говоря о социальной культуре и социальных отношениях, коммуникация всегда демонстрирует структурированность, основанную на символах, обычаях, ритуалах, стереотипах и общепринятых смыслах. Все эти регулятивы пронизывают все социальные отношения, связывающие индивидов. Социальный конструкционизм продвигает идею индивидуальной проекции «Я», которая конструируется, а не отражается в речи и языке. Личность и человеческие сообщества конституируются в процессе общения, во-первых, дискурсивно, во-вторых, интерактивно [Mokros, 1996]. Дискурсивное «построение» находится под влиянием социокультурных знаний и практик. Основные тезисы социального конструктивизма можно свести к следующим:

1) коммуникация – это первичный социальный процесс;

2) коммуникация не «обслуживает» какую-то другую деятельность, она также не используется для выполнения других задач и не является вспомогательным процессом;

3) первичным объектом для исследования являются «люди в разговоре», по выражению Р. Харрэ (persons in conversation) [Harré, 1984, с. 58].

Коммуникативное поведение представляет собой структуру с такими компонентами, как: коммуникативные шаги, последовательность которых является сценарием определенного поведения, намерения участников коммуникации, коммуникативные ценности, выраженные в виде лингвокультурных сценариев, т. е. культурно детерминированных алгоритмов общения в той или иной коммуникативной ситуации.

Сценарий, или, по-другому, сценарный фрейм содержит стандартную последовательность событий [Кубрякова, 1986]. Сценарии имеют полностью или частично ритуализованную природу, например, светские, религиозные и военные церемонии. Концепция понятия фрейма сместилась в сторону когнитивной интерпретации. Очевидно, что когнитивные категории играют важную роль внутри фреймов, потому что именно в формате категорий и их взаимосвязей создаются фреймы и теми же категориями они активизируются.

В каждом акте коммуникации мы более или менее сознательно ссылаемся на одну или несколько сохраненных нами когнитивных моделей. Когнитивные модели, как следует из этого термина, представляют собой когнитивный, в основном психологический, взгляд на накопленные знания об определенной области. Когда мы сталкиваемся с совершенно незнакомым объектом или ситуацией, где не будет подходящей когнитивной модели – примером может служить игра в крикет, неизвестная большинству русскоговорящих людей – мы, по-видимому, попытаемся представить некую модель игры с мячом и сформируем когнитивную модель.

Поскольку психологические состояния всегда представляют собой частные и индивидуальные переживания, описания таких когнитивных моделей обязательно включают в себя значительную степень идеализации. Другими словами, описания когнитивных моделей основаны на предположении, что многие люди имеют примерно одинаковые базовые знания о вещах. Когнитивные модели, конечно, не универсальны, а зависят от культуры, в которой растет и живет человек. Культура обеспечивает фон для всех ситуаций, которые нам приходится переживать, чтобы иметь возможность сформировать когнитивную модель. У русского или немца может не сформироваться когнитивная модель крикета просто потому, что эта игра не является частью культуры его страны. Таким образом, когнитивные модели для конкретных областей в конечном итоге зависят от так называемых культурных моделей. И наоборот, культурные модели можно рассматривать как когнитивные модели, которые разделяют люди, принадлежащие к той или иной социальной группе или подгруппе.

По сути, когнитивные категории и культурные модели – это всего лишь две стороны одной медали. В то время как термин «когнитивная модель» подчеркивает психологическую природу

этих когнитивных сущностей и допускает межиндивидуальные различия, термин «культурная модель» подчеркивает объединяющий аспект ее коллективного понимания многими людьми. «Когнитивные категории» связаны с когнитивной лингвистикой и психолингвистикой, а «культурные модели» – с социолингвистикой и антропологической лингвистикой.

Культурный фон уже давно является неотъемлемой частью исследований в социолингвистике и антропологической лингвистике. Ниже мы обсудим пример когнитивной категории, для которой культурные модели очень важны для правильного понимания когнитивной структуры.

Наглядным примером может служить английский прототип категории FIRST MEAL OF THE DAY — ПЕРВЫЙ ПРИЕМ ПИЩИ. ENGLISH BREAKFAST — АНГЛИЙСКИЙ ЗАВТРАК включает в себя целый набор блюд и напитков. Английский завтрак никогда не подают в спальню, а подают в зале для завтраков. Компонентами типичного английского завтрака являются хлопья, тосты, сливочное масло, джем, бекон, яйца, сосиски, тушеная фасоль, помидоры, чай или кофе, апельсиновый сок, круассан. Английская культурная модель "FIRST MEAL OF THE DAY" подчеркивает основательность этого приема пищи.

Культурные модели не статичны, а изменяются с течением времени. Прототип АНГЛИЙСКИЙ ЗАВТРАК больше не считается общепринятым в английских семьях, скорее, он упоминается в контекстах отелей.

В своей работе мы рассмотрим сценарий светской беседы и культурные модели в англоязычной языковой среде. Когнитивный образ ситуации и взаимодействия в ее динамике (коммуникативный контекст), являясь общим знанием, служит главным условием успешного акта общения, производства и интерпретации диалогического дискурса, шире – совместной деятельности. Этот когнитивный образ содержит знания о конвенциях, нормах, ритуалах, ролях коммуникативной деятельности. Когда люди разговаривают, они обмениваются репликами, обходят в разговоре неудобные темы, шутят, о чем-то умалчивают и имеют склонность к недомолвкам. Такая форма общения и есть человеческая универсалия.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВЕТСКОЙ БЕСЕДЫ

Контактная светская беседа служит неизменной частью этикета англоязычного общения. Задача светской беседы сводится не только к налаживанию социальных связей, но и к расположению к себе участников речевого общения. Стандартная светская беседа имеет определенный сценарий и выстраивается с помощью простых вопросов и общепринятых фраз: *How are you? Oh, it is great. Where are you from? I've never been there. How do you like London?* Этикет общения допускает делать женщинам комплименты: *What a nice cardigan! I' say, I like your new raincoat. Your jacket matches your scarf perfectly*.

Светская беседа, состоящая из стандартных фраз, представляет собой формальное общение малознакомых людей. Специалисты по межкультурной коммуникации советуют «разбавлять» привычный сценарий беседы нестандартными открывающими фразами, что делает общение более запоминающимся и успешным: W*hat are you doing now? What impressed you today? Tell me about yourself.* При помощи них формальная беседа может перейти в полуформальное общение. Также происходит сокращение социальной дистанции, если на вопрос «How are you?» следует не формальный ответ «Fine», а развернутый подробный ответ. Еще одним примером сокращения социальной дистанции служит обращение к собеседнику по имени: *I completely agree with you, John*. Помимо вербальной стороны коммуникации светская беседа предполагает такие навыки, как умение слушать или «активное слушание», которое включает жесты и язык тела, паузирование. Важным аспектом светской беседы является выбор темы. Обсуждение погоды является традиционным началом беседы для англичан, во-первых, в силу ее изменчивости в Великобритании, и, во-вторых, по словам Кейт Фокс, интерес к погоде вызван незнанием партнера и желанием проявить хорошие манеры и вежливость при вступлении в диалог с малознакомым человеком [Fox, 2005]. «Weatherspeak» служит еще и задаче заполнения пауз в диалоге: *It seems to be clearing up. It makes the change, doesn't it? Fairly mild for the time of year*.

Что касается тем для светской беседы, то они выбираются с учетом осуществления бесконфликтной коммуникации. Острые, спорные политические темы избегаются, так как «в Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая приятному расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов» [Овчинников, 1980, с. 216]. Также считается неэтичным проявлять собственную эрудицию и безапелляционно выражать свою точку зрения. Огромное влияние на формирование сценария светской беседы оказывает язык тела *body language*. Невозможно переоценить первое впечатление, которое участники речевой коммуникации производят друг на

друга. Это первое эмоциональное впечатление во многом задает тон дальнейшему развертыванию коммуникации. Существуют две семиотические системы эмоций: *body language* и *verbal language*, и первая семиотическая система превосходит вторую по надежности, скорости и искренности. Таким образом, язык тела – это самый быстрый способ показать собеседнику свою уверенность в себе и произвести хорошее впечатление. Также большое значение приобретает контакт глазами – *eye contact*. В англоязычной культуре принято устанавливать зрительный контакт в начале светской беседы, а затем позволять взгляду ускользать от глаз собеседника, чтобы не смотреть на него слишком пристально, так как это расценивается как грубое и неприличное поведение, это отражено в английском выражении «staring the other person out» – «смотреть пристально в глаза другого».

Общность, или социальное взаимодействие, к которому стремятся люди, реализуется в сознании как эмоция и как набор идей. Идеи состоят из концептуальных метафор. Самая явная из них концептуальная метафора: SOLIDARITY IS PHYSICAL CLOSENESS / СОЛИДАРНОСТЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ, источник многих идиом солидарности, включая сам технический термин «social distance – социальная дистанция». Другая состоит в том, что SOLIDARITY IS BEING CONNECTED / СОЛИДАРНОСТЬ – ЭТО СОЕДИНЕНИЕ. И особенно мощная метафора: SOLIDARITY IS BEING MADE OF THE SAME FLASH / СОЛИДАРНОСТЬ СДЕЛАНА ИЗ ОДНОЙ ПЛОТИ. Эта метафора проявляется в первичных действиях, которые связывают людей с теми, кого они любят: объятия младенца матерью, объятия двух влюбленных, рукопожатия и объятия среди друзей и знакомых, совместное питание в семье и среди близких друзей.

Часто в англоязычных текстах можно встретить метафоры родства, которые пронизывают культы, религии, клубы, политические партии и социальные движения: *brethren – собратья*, *brotherhood – братство*, *sisterhood – сестричество*, *sorority – женский клуб*, *fatherland – отечество*, *motherland – родина*, *family – семья*, и одним из инструментов является использование нежных выражений, как, например: *Brother, can you spare a dime? — Брат, не пожалеете десяти центов?* Посредством концептуальной метафоры солидарности можно спровоцировать общие чувства у незнакомцев, вступить в первичную ситуацию общения или усилить их чувства у друзей и союзников.

Вежливость в лингвистике относится не только к социальному этикету, но и к многочисленным корректировкам, которые делают говорящие. В своей работе «Вежливость: некоторые универсалии в использовании языка» антропологи Пенелопа Браун и Стивен Левинсон [Brown, Levinson, 1987] показали, как люди во всем мире используют вежливость, чтобы смягчить напряжение социального взаимодействия.

Теория вежливости берет свое начало с наблюдения Эрвинга Гоффмана о том, что люди, взаимодействуя друг с другом, постоянно беспокоятся о сохранении жизненно важного товара под названием «лицо» (от *save the face* сохранить лицо). Э. Гоффман определял лицо как положительную социальную ценность, которая есть у человека [Goffman, 1959]. П. Браун и С. Левинсон производят градацию этой социальной ценности, делят его на положительное лицо, желание быть одобренным (в частности, чтобы другие люди желали для вас того же, чего вы хотите для себя), и отрицательное лицо, желание быть независимым или автономным. Эти обозначения указывают на фундаментальную двойственность в социальной жизни, которая получила различные названия: солидарность и статус, связь и автономия, совместное участие в сообществе и ранг авторитета. П. Браун и С. Левинсон утверждают, что партнеры по разговору взаимодействуют, каждый пытается сохранить свое лицо и лицо своего собеседника. Проблема в том, что большинство видов речи представляют собой хоть какую-то угрозу для лица слушателя. Простое начало разговора требует времени и внимания слушателя. Повелительное наклонение бросает вызов статусу и автономии собеседника, как будто говорящий чувствует себя вправе командовать им. Выражение вежливости возвращает нас к косвенной речи, когда мы переходим к жестам словесного почтения (то, что П. Браун и С. Левинсон называют отрицательной вежливостью). Команды и просьбы являются одними из самых угрожающих лицу речевых актов, потому что они ограничивают самостоятельность слушателя и предполагают его готовность подчиниться. Говорящий командует слушателем или, по крайней мере, выводит его из себя, делает то, что вы не сделаете с незнакомцем или начальником и даже дважды подумаете перед тем, как говорить так с близким человеком.

Поэтому такие запросы часто сопровождаются вариативными формами вежливости, например:

Спрашивать, а не приказывать:

Will you lend me money?
– Не одолжишь ли ты мне денег?

Просьба, оформленная с выражением небольшого пессимизма:

I don't suppose you might close the door.
– Сомневаюсь, что вы могли бы закрыть дверь.

Уклончивость просьбы:

Close the door if you can.
– Закройте дверь, если можете.

Просьба как минимизация:

I just want to borrow a little bit of your material.
– Я просто хочу немного позаимствовать твоего материала.

Нерешительность:

Can I, uh, borrow your car?
– Могу я, эээ, воспользоваться твоей машиной?

Признание неудобства просьбы:

I am sure you are busy, but…
– Я уверен, что вы заняты, но…

Указание на нежелание:

I normally wouldn't ask, but…
– Обычно я бы не спрашивал, но…

Извинение:

I am sorry to bother you, but…
– Извините за беспокойство, но…

Обезличивание:

Smoking is forbidden.
– Курение запрещено.

Признание долга:

would be eternally grateful if you would…
– Я был бы бесконечно благодарен, если бы вы…

Вежливость откалибрована до уровня угрозы лицу слушающего, в то время как уровень угрозы в свою очередь зависит от социальной дистанции (отсутствия близости). Люди чаще прибегают к перегруженным формам вежливости, когда просят о большом одолжении и когда слушатель имеет статус или власть. Просьба типа: *I'm terribly sorry to trouble you, and I wouldn't ask unless I were desperate, but I'd be eternally grateful if you think you could possibly… – Я ужасно извиняюсь за то, что беспокою вас, и я бы не стал спрашивать, если бы не был в отчаянии, но я был бы бесконечно благодарен, если бы вы могли…* перегружена. Это звучало бы льстиво, если бы использовалось для просьбы незнакомца о небольшой услуге, такой как уделить ему время, или чтобы попросить об одолжении (например, использовании компьютера) супруга или помощника.

Два социальных измерения, которые противостоят угрозам, – солидарность и власть – присутствуют в формах обращения, в которых говорящий привлек внимание слушателя. Многие языки имеют две формы: французские *tu* и *vous*, испанские *tú* и *usted*, и немецкие *du* и *Sie*. Английский язык когда-то тоже имел это различие в *thou* и *ye* (теперь "*you*"), но "*thou*" теперь используется только в молитвах и в старомодном стиле речи. Разница между «ТЫ» и «ВЫ» связана как с солидарностью, так и с властью, обращение на ТЫ – это быть фамильярным (обращаться к близким или подчиненным) и на ВЫ – быть уважительным (обращаться к незнакомцам или начальству). Близкие обычно обращаются друг к другу на ТЫ, а незнакомцы обращаются друг к другу на ВЫ. Подчиненные обращаются к начальству на ВЫ; начальство часто обращается к подчиненным на ТЫ. Местоимение во множественном числе может продолжать выполнять двойную функцию в языке, т. е. говорящие используют форму ВЫ, обращаясь к более чем одному слушателю, демонстрируя солидарность. Во многих обществах использование местоимения второго лица единственного числа распространяется как табу на обращение к незнакомым людям; к людям обращаются только эвфемизмами. В английском обществе все еще присутствует обращение при помощи таких слов, как *Your Highness*, *Your Worship*, *Your Eminence*, *Your Excellency*, *Your Honour*, *Your Grace – Ваше Высочество*, *Ваша Честь, Ваше Высокопреосвященство*, *Ваше Превосходительство*, *Ваша Честь* или *Ваша Светлость*. И можно проявить явное неуважение, использовав обращение на ТЫ, например, типичный грубый способ претендовать на внимание – *Hey, you! – Эй, ты!*

Хотя носители английского языка утратили различие между ТЫ и ВЫ, деликатность обращения к людям в их присутствии проявляется в других формах обращения. До сих пор существует этикет использования Professor Fox вместо Andrew, первый обычно используется студентами старших курсов и незнакомцами (студентами, которые могут работать в его лаборатории, а также аспирантами и коллегами в отделе).

Когда дело доходит до обращения к безымянным взрослым, то уважительным, почтительным обращением по умолчанию являются: Mr., Mrs., Miss и Ms, хотя люди не используют их в общении с детьми, подчиненными или близкими – следовательно вы на стадии отношений с ними, которые могут быть проиллюстрированы английским

устойчивым выражением “to be on the first name basis”, т. е. перешли на имена.

Рейтинг авторитета сигнализируется людьми в первую очередь не через слова, а через концептуальные категории пространства, времени, субстанции и силы. Лица у власти (начальники, президенты, жрецы, шаманы, генералы) вышагивают перед своими подчиненными, входят и выходят первыми, стоят выше (часто на платформах и балконах), выглядят крупнее (с помощью шляп, шлемов и головных уборов), больше (лидеры, в том числе американские президенты, как правило, выше, чем занявшие второе место), изображаются большими (на огромных картинах и статуях) и имеют большие офисы, дворцы и памятники. Сотни английских метафор выражают эту эквивалентность, например: “first among equals” – первый среди равных (время), “strongman” – силач (сила), “big shot” – большая шишка (размер) и “top dog” – хозяин положения (положение в пространстве).

Когда человек в определенной культуре неправильно оценивает, какой тип отношений применим к данной ситуации, эмоции могут зашкаливать. Это вызывает эмоцию, которая в английском языке называется “awkwardness” – «неловкостью», или воспроизводит события, называемые “gaffes” – «оплошностью» или “faux pas”– «бестактностью». Неуклюжий человек может быть застенчив, остро внимателен к деталям ситуации (особенно к реакции других людей на его поведение и действия) и парализован в словах и делах до тех пор, пока не исправляет свои промахи. Практически любое несоответствие отношений может вызвать чувство неловкости. Общеизвестно, что хорошие друзья (Сообщество) не должны совершать между собой крупную финансовую сделку (Обмен), например, продавать машину или дом; это может поставить под угрозу дружбу. Могут быть щекотливые моменты, когда руководитель (Власть) переходит в дружеские отношения с сотрудником или студентом (Сообщество), переход, который может быть обозначен изменением формы обращения или изменением местоимений с ВЫ на ТЫ.

Взаимное знание может объяснить большую часть случаев сохранения и потери лица, которые можно наблюдать в ситуации общения, потому что “face” по своей сути является феноменом взаимного знания. Выражения неуважения вредны, когда они публичны. Каждый зрелый человек знает, что другие люди, даже близкие друзья, могут сплетничать о нем за его спиной. Каждый может случайно услышать нелестное замечание или, как говорят англичане, «barb – колкость» в свой адрес. Может случиться так, что человек услышит недоброе замечание от третьего лица, или же это может произойти случайно, когда он присоединился к группе людей, которые все это время обсуждали его, и он обнаружит, что «был на слуху» – «to be in earshot». Обладая навыком «tact – такт», важно не допустить, чтобы обидное индивидуальное знание превратилось во взаимное знание. На званом обеде все могут знать, что у одного из гостей лишний вес или у другого дефект речи. Тем не менее упоминать об этом вслух, создавая взаимное знание, было бы очень неловко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что модель ситуации взаимодействия предстает в качестве ситуативной модели, или, иначе, сценария. Однако поведенческая реализация не сводима к одному декларативному знанию и культурным моделям, наоборот, она часто опирается на структуры процессуального знания (то, что происходит в реальном общении). Не во всяком контексте, разговаривая «автоматически», участники коммуникации в состоянии вербализовать данные элементы процессуального знания. В спонтанном устном дискурсе светской беседы отчетливее выражен сценарий общения. Кроме того, необходимо помнить, что не сами по себе коммуникативная или предметно-референтная ситуации определяют организацию дискурса, но их проекция. Необходимо учитывать еще и то, что когнитивные образы одних и тех же ситуаций у разных людей могут не совпадать или же совпадать только до определенной степени. Теория вежливости в рамках светской беседы дает нам представление о неофициальной просьбе: слушателю неявно предоставляется возможность проигнорировать запрос без публичного отказа, что также означает, что если он выполняет просьбу, то это не потому, что он выполняет приказы. И, по словам П. Брауна и С. Левинсона, это сохраняет лицо им обоим, особенно слушателю с его стремлением к автономии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
3. Mokros H. B. Introduction: From information and behavior to interaction and identity // Interaction and Identity: Information and Behavior. Vol. 5. L: New Brunswick: Transaction Publishers, 1996. С. 1–22.

4. Harré R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Harvard University Press, 1984.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
6. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. London: Hodder & Stoughton, 2005.
7. Овчинников В. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М.: Мысль, 1980.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language in Usage. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.
9. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday, 1959.

REFERENCES

1. Bueva, L. P. (1978). Chelovek: dejatel'nost' i obshchenie = Human Being Activity and Communication. Moscow: Mysl'. (In Russ)
2. Leont'ev, A. N. (1975). Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
3. Mokros, H. B. (1996). Introduction: From Information and Behavior to Interaction and Identity // Interaction and Identity: Information and Behavior. Vol. 5. (1-22).PL: New Brunswick: Transaction Publishers.
4. Harré, R. (1984). Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Harvard University Press.
5. Kubryakova, E. S. (1986). Nominativni aspect rechevoi deiatelnosti = Nominative aspect of speech activity. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Fox, K. (2005). Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. L.: Hodder & Stoughton.
7. Ovchinnikov, V. (1980). Korni duba: Vpechatleniya i razmyshleniya ob Anglii i anglichanakh = Roots of Oak: Impressions and reflections on England and the English. Moscow: Misl. (In Russ.)
8. Brown, P., Levinson, S. (1987). Politeness: Some universals in language in Usage. N.Y.: Cambridge University Press.
9. Goffman, E. (1952). The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y.: Doubleday.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любимова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubimova Olga Yurievna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’27
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_65

Сравнительный анализ правовых установок представителей юридических специальностей (на материале эксперимента)

Л. В. Моисеенко[1], **М. А. Викулина**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*liliamoiseenko@gmail.com*
[2]*vikulina_maria@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам формирования правосознания современного российского юриста. Предпринимается попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ правовых установок представителей юридических профессией, изучавших юридический иностранный язык и правовую систему соответствующей страны, и их коллег, не знакомых с зарубежным правовым опытом. Делается вывод о том, что анализ зарубежного правового опыта в ходе опосредованного погружения в иноязычный правовой дискурс значительно влияет на формирование правосознания российского юриста.

Ключевые слова: правовые стереотипы, правовые установки, правосознание, зарубежный опыт, иностранная правовая система, интерференция

Для цитирования: Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Сравнительный анализ правовых установок представителей юридических специальностей (на материале эксперимента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 65–71. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_65

Original article

Comparative Analysis of Legal Mindsets of Legal Profession Representatives (based on the Experiment)

Lilia V. Moiseenko[1], **Maria A. Vikulina**[2]

[1, 2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*liliamoiseenko@gmail.com*
[2]*vikulina_maria@mail.ru*

Abstract. The research under consideration focuses on acute problems of legal consciousness of a Russian lawyer. The authors undertake to compare and analyze legal mindsets of lawyers who have studied a legal language and the appropriate legal system, and their counterparts who are unfamiliar with the foreign legal experience. The authors come to the conclusion that the analysis of foreign legal experience within foreign legal discourse substantially influences the formation of legal consciousness of a Russian lawyer.

Keywords: legal stereotypes, legal mindsets, legal consciousness, foreign experience, foreign legal system, interference

For citation: Moiseenko, L. V., Vikulina, M. A. (2023).Comparative Analysis of Legal Mindsets of Legal Profession Representatives (based on the experiment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 65–71. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_65

ВВЕДЕНИЕ

Правовое сознание помогает представителю юридической профессии адаптироваться к правовым реалиям, определить векторы дальнейших действий и обусловить реакции на происходящее. В сознании юриста в определенной правовой ситуации вырабатывается динамическая модель, способствующая ориентации в окружающей физической и социальной среде. Сознание задает образ действий личности и предопределяет способность адекватно оценивать происходящие.

По мнению Е. А. Белканова, на формирование правосознания влияют разные факторы, как осознаваемые индивидом, так и проходящие на подсознательном уровне. Часто значительное влияние на ход мыслительной деятельности оказывает коллективный опыт предыдущих поколений, сохраненный в сжатой форме в существующих правовых стереотипах. Е. А. Белканов рассматривает правосознание как открытую субсистему сознания, отражающую сквозь «призму» должного и желаемого в чувственно-рациональной форме правовую действительность, оказывающую на социальную деятельность людей нормативно-регулирующее воздействие, и формирующуюся под влиянием социальных условий, межличностного общения, других форм сознания и бессознательного [Белканов, 1996].

Р. С. Байниязов, в свою очередь, полагает, что правосознание представляет собой духовную систему представлений, идей, взглядов, убеждений, концепций, теорий, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний и т. д., складывающихся в аспекте правовой действительности в ходе ее отражения, осмысления, познания, чувствования [Байниязов, 1999]. Среди прочего, помимо отмеченных позиций, Р. С. Байниязов включает в содержание правосознания юридические цели, интересы, мотивы, привычки, традиции, иллюзии, интуицию, ментальные установки, стереотипы, правовое внушение, подражание, реакции, волевые импульсы, право-культурные модели поведения и многие другие составляющие [там же].

Н. Ю. Евплова определяет правосознание как комплекс рациональных и чувственных образов и познаний о существовавших в прошлом и имеющих в настоящее время представлений о «сущности права, правовых нормах, идеях, теориях, доктринах, правовых отношениях и субъектах права, а также представлений о тенденции их дальнейшего развития» [Евплова, 2000, с. 65–66]. Таким образом, Н. Ю. Евплова отмечает, что правосознание не только отражает в сознании действующее и желаемое право, но и сохраняет знания и представления о праве, существовавшие в прошлом.

По мнению Н. М. Юрашевича правосознание также являет собой систему чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям общества; к прошлому, действующему или ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях [Юрашевич, 2004]. Таким образом, автор увязывает межу собой общественное сознание и правосознание, в частности гносеологический и социологический аспекты, отмечая внутреннюю структуру содержания правосознания, взаимодействие между ее составными частями, закономерности его становления и развития, а также его важную социальную роль [Юрашевич, 2004].

С точки зрения В. А. Щегорцова, противоправное поведение предотвращается, а действия приобретают желательное юридическое значение благодаря правовому сознанию, а не правовой норме.

В. А. Щегорцов указывает, что правосознание включает в себя познавательные, волевые и оценочные элементы, с учетом которых формируются как правовые знания, так и отношение к действующему праву, разнообразным правовым событиям, правоприменительной практике и способам ее реализации [Щегорцов, 1981].

В правосознании концентрируются все психические состояния, положения, свойства и процессы, выражающиеся в определенных правовых действиях, которые создают систему элементов, взаимодействующих между собой и взаимно дополняющих друг друга. Из этих элементов создается неразрывный комплекс представлений, установок, стереотипов, мнений, оценок и отношений, результатом чего является возникновение системы правовых установок в ценностных ориентациях индивида.

Большинство исследователей стоят на позициях того, что основу правосознания составляют правовые концепты, правовые стереотипы и правовые установки. Т. Л. Тенилова разделяет данную точку зрения и указывает, что структура правосознания состоит из трех элементов – правовой идеологии, правовой психологии и правовых установок [Тенилова, 2005].

В. А. Пищальникова рассматривает стереотип как «когнитивную структуру с фиксированной оценкой представляемого знания, функционирующую в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности» [Пищальникова, Дмитриева, 1997, с. 82]. Обнаруживается, что стереотип создается на основе концепта и «способен

включать в себя все принципиально выделяемые в структуре концепта компоненты, однако соотношение компонентов в составе стереотипа несколько иное» [Пищальникова, 1999, с. 164]. Структура стереотипа обычно включает два элемента: знание (когнитивно-информационный элемент) и отношение (эмоционально-чувственный и оценочный элемент).

На этом основании многие ученые сходятся во мнении, что эмоционально-оценочный компонент стереотипа имеет положительную или отрицательную окраску. Однако, как указывают Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова, помимо позитивных и негативных стереотипов существуют нейтральные стереотипы [Гришаева, Цурикова, 2007]. Следует также отметить, что, будучи тесно связанными с ритуалами, традициями, обычаями, мифами, стереотипы сохраняются в скрытых умонастроениях, менталитете [Маслова, 2001].

Эмоционально-оценочный компонент стереотипа, в дальнейшем влияющий на соответствующие правовые установки, играет существенную роль для «заимствования» того или иного элемента правовой реальности в ходе анализа правовой системы страны изучаемого языка. Положительно оцененный обучающимися зарубежный опыт подсознательно маркируется ими как «достойный заимствования» и экстраполируется на российскую правовую действительность.

ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НА ОЦЕНКУ ПРАВОВЫХ СИТУАЦИЙ

Как уже отмечалось, правовое сознание специалиста определяется системой правовых стереотипов и правовых установок. Последние, в свою очередь, задают паттерны поведения, зачастую не осознаваемые индивидом и основанные на упомянутых выше стереотипах. С целью выявления сходств и различий в паттернах поведения у юристов, углубленно изучающих иностранный язык и иностранную правовую систему, и представителей юридической профессии, не владеющих данными знаниями, был проведен опрос, в ходе которого респондентам предлагалось, не задумываясь, определить свои реакции в предложенных правовых ситуациях. В эксперименте приняли участие 100 студентов выпускных курсов Московского государственного лингвистического университета, владеющих навыками межкультурной профессиональной коммуникации, углубленно изучавших иностранные языки и правовые системы зарубежных стран, и 100 выпускников юридических факультетов, где юридический иностранный язык углубленно не изучался (РУДН, Академия МВД, МГЮА и др.).

В качестве вопросов респондентам предлагались реальные или смоделированные правовые ситуации или задачи, решение которых позволяло выявить наиболее вероятные векторы поведения отвечающих или определить их представление о способах разрешения юридических споров. Так, например, респондентам была поставлена следующая задача:

> Господин X, 55 лет, работает в компании уже 12-й год. В какой-то момент господин X узнает, что его коллеги, которые минимум на 10 лет младше его, собираются в пабе по пятницам, где, помимо прочего, обсуждают рабочие вопросы. Господин X чувствует, что его недооценивают и не принимают в коллектив. Он подает в суд на коллег. Оцените, насколько успешен может быть его иск о дискриминации.

Данная задача основана на реальном деле, приводимом в английском учебнике для TOLES [Mason, Atkins, 2007]. Решение суда в данном деле было вынесено в пользу истца, так как регулярные встречи коллектива и обсуждения рабочих моментов, с точки зрения судьи, ущемляли интересы сотрудника в возрасте. Тем не менее ответы респондентов, не изучавших правовую систему Англии и Уэльса, были основаны исключительно на российском законодательстве и отличались однозначностью и категоричностью:

- Иск не будет удовлетворен.
- В данном случае дискриминации нет.
- Вряд ли будет успешным, потому что взаимодействие коллег происходит вне рабочего времени.
- Он ничего не добьется1.

Данная категория респондентов не рассматривала альтернативные подходы к правовой ситуации, строго следуя букве российского законодательства, тогда как среди тех, кто углубленно изучал иностранную правовую систему и иностранный юридический язык, встречались реакции, допускающие вероятность решения в пользу истца при определенных условиях, например:

- Может быть успешен, так как они обсуждают рабочие вопросы.
- В Европейских странах вполне может быть успешным, в случае если причиной дискриминации является эйджизм.

Данные рассуждения, с нашей точки зрения, стали результатом анализа иноязычного правового

[1]Иллюстрирующие ответы респондентов приведены с сохранением формулировок и орфографией / пунктуацией авторов.

опыта. Также стоит отметить, что сформированное представление о другой системе права и других правилах судопроизводства нередко заставляло респондентов колебаться с ответом – они придерживались норм российского законодательства, однако их ответы не отличались категоричностью или однозначностью. Например: «Перспектива удовлетворения иска очень сомнительна».

На следующем этапе респондентам была предложена задача, в основе которой лежали разные подходы к интерпретации пределов допустимой самообороны в России и англоязычных странах. В частности, в США существует доктрина «Мой дом – моя крепость», позволяющая применять оружие против любого лица, проникнувшего в частное помещение, при условии наличия у него явного намерения совершить тяжкое преступление (убийство, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, ограбление и т. д.):

> Y ночью пробирается в дом X через окно с целью ограбления. Однако встревоженный шумом хозяин обнаруживает грабителя. Испугавшись за жизнь своей семьи, хозяин стреляет в Y. Как, с Вашей точки зрения, следует квалифицировать действия хозяина, и какая ответственность была бы для него оптимальной?

Среди представленных ответов видится целесообразным выделить четыре важных, на наш взгляд, аспекта.

Во-первых, как и в предыдущем случае, юристы, не изучавшие юридический иностранный язык и иностранную правовую систему, квалифицировали действия хозяина помещения исключительно с точки зрения российского законодательства, не рассматривая иных подходов к решению вопросов и четко следуя букве закона.

- Действия хозяина следует квалифицировать как превышение пределов необходимой обороны; оптимальная ответственность – любое наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением лишения права заниматься определенной деятельностью.
- Хозяин дома превысил рамки самообороны, если Y выжил, то X отделается минимальным сроком лишения свободы.

Во-вторых, реакции данной группы респондентов нередко содержали прямые отсылки к конкретным статьям УК РФ:

- Данное преступление будет квалифицироваться по части 2 статьи 108, ответственность будет лишением свободы на 3 года.
- Если X увидел, что у Y есть оружие, то действия X – часть 2 ст. 114 УК (ограничение свободы на 2 года). Если X понимал, что Y не представлял опасность для жизни X и его семьи – часть 1 ст. 105 УК (5 лет). Но если доказать косвенный умысел X – часть 1 ст. 109 УК (ограничение свободы на 2 года).

В-третьих, значительная часть ответов в обеих группах респондентов носила характер рассуждения, что позволяет говорить о том, что буква закона даже в восприятии юристов-«нелингвистов» нередко представляется несправедливой или допускает оговорки в ходе рассмотрения дела и вынесения решения.

- Ответственность зависит от степени причиненного вреда. Применение оружия здесь как самозащита, а самозащита должна быть соразмерна нападению.
- Действия хозяина будут квалифицироваться как необходимая оборона. Однако она должна быть соразмерной. Если у грабителя не было в руках огнестрельного оружия, или он не собирался его применять, к хозяину будет много вопросов, и будет тяжело доказать, что его действия носили законный характер. Оптимальной ответственностью в данном случае я считаю возмещение физического вреда, нанесенного выстрелом. Лишение свободы считаю в таких случаях неуместным.

И наконец, небольшой процент (8 %) отвечающих ориентировались полностью на англосаксонскую систему, о чем косвенно свидетельствует использование иноязычных терминов и непосредственное упоминание самой доктрины.

- Я считаю, что в данном случае X должен быть полностью оправдан, поскольку произошло посягательство на его жилище, которое он имеет полное право защищать.
- Хозяин поступил правильно, так как он охранял свое имущество и родных, *private property*.
- Так как хозяин испугался! Но признать это необходимой обороной! *Мой дом – моя крепость!*

Это позволяет нам сделать вывод о том, что в процессе опосредованного погружения в англоязычный уголовно-правовой дискурс на занятиях по юридическому иностранному языку обучающиеся в результате анализа правовой ситуации, непосредственно самой доктрины и правовых последствий с точки зрения их оценки по шкале «справедливо – несправедливо» оценили данный аспект иностранного судопроизводства и лежащий в основе англо-американского прецедентного права принцип справедливости (equity) как положительный, более привлекательный в данной правовой ситуации и достойный импортирования в отечественную правовую систему.

Учитывая разные традиционно сложившиеся в России и Европе подходы к правам родителей на опеку над детьми, респондентам был задан вопрос:

Как Вы считаете, на что должен ориентироваться суд, решая, с кем оставить ребенка после развода, и почему?

Известно, что с юридической точки зрения оба родителя имеют равные права на ребенка, однако в России традиционно суд оставляет ребенка с матерью, исходя из моральных и культурных соображений, тогда как в мусульманских странах сыновья старше семи лет часто остаются с отцами по решению суда, что также является результатом культурно-религиозной специфики. В Европе, где во главу угла поставлены ультралиберальные ценности, суд при принятии решения не ориентируется на гендерные факторы, принимая во внимание материальные ценности. Данные культурно-специфические поведенческие модели можно считать формой реализации соответствующих правовых установок.

Интересно отметить, что при ответе на данный вопрос респонденты, представители юридической профессии, как с лингвистическим образованием, так и без него, выказали определенное единодушие, отказавшись от культурных и гендерных стереотипов и выделив в качестве критериев материальную составляющую, воспитательно-психологический аспект и желание ребенка.

Поскольку существенных смысловых и содержательных расхождений в реакциях опрашиваемых не было, представляется целесообразным привести лишь некоторые из ответов в качестве иллюстрации. Так, первое, на что указывали большинство респондентов (33 %), – это опора на материально-финансовый показатель.

- Материальное положение родителей, их психическое и физическое здоровье.
- Суд должен ориентироваться на финансовые возможности и психическую устойчивость одной из сторон для обеспечения благоприятных условий ребенку.
- Условия проживания родителей, социальное положение.

При этом не менее важным представлялись респондентам мнение ребенка и его психологический комфорт (23 %), связанные со следующими факторами.

- Биография родителя, его вовлеченность в воспитание ребенка; на мой взгляд, ребенка следует оставлять тому родителю, который с большей вероятностью может вырастить его развитым, психически здоровым, культурным человеком, и который готов уделять ему большое количество своего времени и внимания.
- Суд должен ориентироваться на интересы самого ребенка.
- На поведение родителей и на то, с кем ребенку будет лучше!
- На интересы ребенка.

Значительная часть (37 %) респондентов указывала на оба указанных выше фактора: на личную характеристику супругов, уровень их благосостояния, желание ребенка.

В целом в результате анализа правовых стереотипов и установок можно предположить, что поведенческие паттерны в данной правовой ситуации детерминируются приоритетными ценностями (материальные ценности и духовное развитие) самих респондентов и полностью игнорируют культурно-специфичные (например, следование традициям) и гендерные факторы.

Особое внимание в рамках данного исследования привлекли ответы (2 %), содержащие в себе отсылку к «разумности» и «целесообразности». Несмотря на то, что данные принципы являются общими для многих правовых систем и, безусловно, соблюдаются в российском законодательстве, отечественные юристы в силу специфики правоприменения склонны ориентироваться не на ситуации и концепции (доктрины), а на Букву закона. Тогда как в англо-американском праве, построенном на прецеденте, доминирует Дух закона, и, следовательно, в основу судебных решений положены не столько конкретные законы (статуты), сколько сформулированные в них правило или принцип. Таким образом, основополагающие для англоамериканской системы принципы разумности (*reasonableness*) и справедливости (*equity*) в ответах юристов-лингвистов мы считаем маркерами интерференции правовых стереотипов и правовых установок.

Реакции на вопрос «На дороге Вас остановил полицейский и собирается отобрать Ваши водительские права. Ваши действия?» также не выявил существенных различий в правовых установках юристов, изучавших юридический иностранный язык, и тех, кто его не изучал. Изначально выдвигалась гипотеза, что в результате интерференции иноязычных правовых установок ответы юристов-«лингвистов» будут отличаться большей степенью законопослушности, чем ответы их коллег, на которых не повлиял иностранный правовой опыт. Отчасти данная гипотеза базировалась на выявленном в результате ассоциативного эксперимента (на первом этапе исследования) стереотипе «коррумпированности правоохранительных органов» и желании «договориться». Однако, с нашей точки зрения, важным моментом является то, что в результате опроса данная гипотеза не подтвердилась – правовая установка, реализуемая в определенном поведении в правовой ситуации, оказалась положительной:

респонденты полностью осознавали действующие в данной ситуации нормы права, соглашались с ними, оценивали их как «правильные» и демонстрировали настрой на правомерное поведение.

Тем не менее 1 % респондентов продемонстрировал нехарактерные реакции: «убегу» и «попытаюсь выйти из конфликта мирно». Последний пример может косвенно указывать на стереотип, положенный в основание изначально выдвинутой гипотезы, и попытку «договориться», однако является единичной реакцией и не может использоваться для выявления маркеров интерференции правовых установок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что в ситуациях существенного несовпадения норм отечественного права и правовой системы страны изучаемого языка, у юристов, углубленно изучавших иностранный язык, предпочтение отдается тому опыту, который оценивается ими как положительный, справедливый, больше соответствующий целям правоприменения и достойный заимствования в отечественное законодательство. Именно эти реакции позволяют выявить маркеры интерференции правовых установок в силу важности как информационного, так и ценностного аспектов. В ситуациях, не выявляющих значимых разночтений в подходах к решению правовых вопросов и допускающих возможность «правильного» с точки зрения респондентов решения правового конфликта, превалирует ориентация на нормы отечественного права, что позволяет говорить об удовлетворенности средствами правовой защиты, предусмотренными законодательством РФ, и отсутствии необходимости импортирования иноязычного правового опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белканов Е. А. Структура и функции правосознания: автореф. дис. … канд. юр. наук. Екатеринбург, 1996.
2. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: автореф. дис. … канд. юр. наук. Саратов, 1999.
3. Евплова Н. Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты: автореф. дис. … канд. юр. наук. Волгоград, 2000.
4. Юрашевич Н. М. Эволюция понятия правового сознания // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 2. С. 165–181.
5. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981.
6. Тенилова Т. Л. Временные характеристики в сфере правосознания // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2005. № 4. С. 39–45.
7. Пищальникова В. А., Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Известия Алтайского государственного университета. 1997. № 2 (4). С. 80–84.
8. Пищальникова В. А. Психопоэтика: монография / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Алт. гос. ун-т. Барнаул: Изд-во Алт. государственного университета, 1999.
9. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
11. Mason C., Atkins R. The lawyer's English language coursebook. London: Global Legal English, 2007.

REFERENCES

1. Belkanov, E. A. (1996). Struktura i funkcii pravosoznanija = Structure and functions of legal consciousness: abstract of PhD in Law. Ekaterinburg. (In Russ.)
2. Bajnijazov, R. S. (1999). Problemy pravosoznanija v sovremennom rossijskom obshhestve = Problems of legal consciousness in modern Russian Society: abstract of PhD in Law. Saratov. (In Russ.)
3. Evplova, N. Ju. (2000). Pravosoznanie molodezhi: teoreticheskij i sociologicheskij aspekty = Legal consciousness of the young: theoretical and social aspects: abstract of PhD in Law. Volgograd. (In Russ.)
4. Jurashevich, N. M. (2004). Evolution of ideas about concept of legal consciousness. Izvestija vuzov. Pravovedenie, 2, 165–181. (In Russ.)
5. Shhegorcov, V. A. (1981). Sociologija pravosoznanija = Sociology of legal consciousness. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
6. Tenilova, T. L. (2005). Temporal characteristics in the sphere of legal consciousness. «Chernye dyry» v Rossijskom zakonodatel'stve, 4, 39–45. (In Russ.)
7. Pishhal'nikova, V. A., Dmitrieva, N. L. (1997). Conventional stereotype: essence, structure, functioning. Izvestiya of Altai State University, 2(4), 80–84. (In Russ.)
8. Pishhal'nikova, V. A., (1999). Psihopojetika: Monografija = Psycho-poetics: monograph. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

9. Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2007). Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii = Introduction into the theory of intercultural communication. Moscow: Akademija. (In Russ.)
10. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologija = Linguoculturology. Moscow: Akademija. (In Russ.)
11. Mason C., Atkins R. (2007). The lawyer's English language coursebook. London, Global Legal English,

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lilia Vasilievna Moiseenko

Professor, Doctor of philology
head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Vikulina Maria Alexeevna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.612.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72

Метонимические модели эвфемизации в разноструктурных языках

Л. В. Порохницкая[1] **, М. О. Чирвоная**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*lidie@list.ru*
[2]*mchirvonaya@list.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка изучения актуализации метонимических моделей в семантике эвфемизмов ряда номинативных сфер в китайском языке в сопоставительном аспекте. Показано, что метонимические модели могут функционировать в качестве самостоятельного концептуального основания семантики эвфемистических единиц, а также являться базой для последующего метонимического или метафорического усложнения исходного концепта с возможной трансформацией эвфемистического потенциала единицы.

Ключевые слова: эвфемизм, метонимический концепт, метафорический концепт, метонимическая модель, эвфемистический потенциал, лингвокультура

Для цитирования: Порохницкая Л. В., Чирвоная М. О. Метонимические модели эвфемизации в разноструктурных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 72–76. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72

Original article

Metonymic Models of Euphemization in the Differently Structured Languages

Lydia V. Porokhnitskaya[1], **Maryia O. Chyrvonaya**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*lidie@list.ru*
[2]*mchirvonaya@list.ru*

Abstract. The paper attempts to look at the actualization of metonymic models in the semantics of euphemisms in a number of nominative spheres in the Chinese language in the comparative aspect. The results of the research revealed that metonymic models can function both as an independent conceptual basis of the semantics of euphemistic units as well as a basis for further metonymic or metaphoric complication of an original concept accompanied by a change in the euphemistic potential of a unit.

Keywords: euphemism, metonymic concept, metaphoric concept, metonymic model, euphemistic potential, linguistic culture

For citation: Porokhnitskaya, L. V., Chyrvonaya, M. O. (2023). Metonymic Models of Euphemization in the Differently Structured Languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 72–76. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72

ВВЕДЕНИЕ

На настоящем этапе развития теории эвфемии германских и романских языков роль концептуальной метонимии определена достаточно четко. Не вызывает сомнения, что концептуальная метонимия вместе с концептуальной метафорой представляют собой базовые механизмы формирования семантики эвфемистических единиц разной степени устойчивости во всех без исключения номинативных сферах.

Роль концептуальной метонимии не может ограничиваться функцией референции. В большинстве случаев правомерно констатировать актуализацию функции понимания одного концепта через призму другого концепта.

Во многих сферах эвфемизации имеет место параллельная реализация двух ведущих метонимических моделей. В первом случае осуществляется репрезентация всей концептуальной области путем апеллирования к одному из ее элементов. Во втором случае речь идет, напротив, об интерпретации одной из составляющих концепта путем активизации всей концептуальной структуры. Соотношение и особенности совместной актуализации двух описанных моделей зависят от конкретной номинативной сферы, в рамках которой они функционируют, и в определенной степени, обусловлены спецификой конкретного языка.

Концептуальная метонимия представляет собой универсальный механизм эвфемизации, так как может моделировать семантику как классических эвфемизмов, характеризующихся стабильным эвфемистическим потенциалом, так и языковых единиц с ситуационной вариативностью коннотации, фигурирующих во многих коммуникативных ситуациях в качестве дисфемистической альтернативы.

Несмотря на достаточно четкое понимание специфики реализации концептуальной метонимии в эвфемистической номинации, при сопоставлении разноструктурных языков (германских, романских и китайского) возникает ряд важных в теоретическом плане вопросов, ответить на которые призваны наши дальнейшие исследования.

На данном этапе не совсем ясно, можно ли считать концептуальную метонимию ведущим механизмом эвфемизации в китайском языке. Можно ли утверждать, что в китайском языке на концептуальной метонимии базируется целый ряд эвфемистических приемов? Какие модели (метонимические или метафорические) характеризуются большей частотностью в классических и новых сферах эвфемизации и как они коррелируют в разных тематических областях?

РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ТРИГГЕРА В РАЗВИТИИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ И МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Одной из важнейших функций концептуальной метонимии в эвфемии романских и германских языков следует признать ее способность выполнять роль ключевого элемента в составе сложной метафоро-метонимической конфигурации, моделирующей семантику значительного массива эвфемистических единиц как в рамках классических номинативных сфер, так и в новой, политкорректной эвфемии. Так называемые базовые концепты (КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, НАПРАВЛЕНИЕ, РАСПОЛОЖЕНИЕ и т. д.), которые мы традиционно рассматриваем в структуре самостоятельного концептуального блока [Порохницкая, 2015], по сути, представляют собой центральный элемент всей концептуальной конфигурации, так как именно они указывают на фокус номинации и позволяют прогнозировать эвфемистический потенциал языковой единицы.

Проведенный концептуальный анализ семантики значительного массива эвфемизмов романских и германских языков позволил заключить, что метонимические концепты могут выполнять роль своеобразного метонимического триггера, по-разному реализуясь в структуре метафоро-метонимической конфигурации в классической эвфемии и в современных номинативных сферах [Порохницкая, 2020].

В традиционных областях можно наблюдать развитие метонимического концепта1 в двух направлениях. В первом случае имеет место градуальное метафорическое усложнение метонимического концепта. В результате происходит определенное ослабление эвфемистического потенциала языковых единиц. Важно подчеркнуть, что описанная трансформация не сопровождается изменением концептуального фокуса, хотя в отдельных случаях может наблюдаться его конкретизация.

Так, во всех анализируемых языках высоким номинативным потенциалом обладает метонимическое представление о посещении туалетной комнаты *как об удалении* (*в пространстве*) (например, англ. *to adjourn*). Отмеченный обобщенный концепт обеспечивает языковым единицам стабильный эвфемистический потенциал, который может быть реализован в широком спектре коммуникативных ситуаций. Метонимический концепт УДАЛЕНИЕ (В ПРОСТРАНСТВЕ) может получить дальнейшее развитие в усложненных метафорических образах прогулки, путешествия и т. д.

[1]На возможность метонимической мотивации концептуальной метафоры указывал А. Барселона [Barcelona, 2003].

Надо отметить, описанное базовое метонимическое представление можно рассматривать в качестве концептуального фундамента для конструирования как лингвоспецифических метафорических концептов, так и в значительной степени универсальных образов. Так, проведенное исследование продемонстрировало, что концепт ПРОГУЛКА актуализируется главным образом в английском языке благодаря параллельной реализации метафорического концепта САД (например, *to pluck a rose – сорвать розу*, *to pick a daisy – сорвать маргаритку*).

В большинстве анализируемых языков метонимический концепт УДАЛЕНИЕ (В ПРОСТРАНСТВЕ) участвует в актуализации сложного метафорического представлении о посещении туалетной комнаты как отправлении в путешествие. Ср., например, нем. *dem kleinen Mann die große Welt zeigen – показать маленькому мужчине большой мир*; исп. *despedir un amigo del interior – проводить друга изнутри*. Отмеченные эвфемистические единицы, имеющие в основе своей семантики яркие образы, базирующиеся на персонификации интимных частей тела и продуктов жизнедеятельности организма, могут реализовать свой эвфемистический потенциал только в коммуникативных ситуациях, характеризующихся симметрией статусных ролей и гендерной принадлежности.

По результатам проведенного исследования мы имеем основание говорить и о другой возможности актуализации метонимического триггера в классической эвфемии, при которой усложнение исходного метонимического концепта сопровождается усилением эвфемистического потенциала эвфемистической единицы.

Так, например, базовый метонимический концепт ПОЛОЖЕНИЕ СИДЯ (например, англ. *on the seat – на сидении*) лежит в основе конструирования сложных метафорических образов посещения туалетной комнаты как работы (в офисе). Сравните, например, нем. *Sitzungssaal – зал заседаний*, англ. *parliament – парламент*. Очевидно, что размывание конкретизированного фокуса номинации способствует повышению эвфемистического потенциала результирующих языковых единиц.

В современных сферах эвфемизации, мотивируемых нормами политкорректного взаимодействия, продуктивной представляется совсем другая модель реализации метонимического концепта в структуре метафорической конфигурации. В большинстве случаев речь идет о таком метафорическом усложнении, при котором происходит полное стирание эвфемистической функции единицы и перерождение ее в дисфемизм.

Так, универсальное метонимическое представление об увольнении работника как о перемещение (например, англ. relocation) во многих случаях представляет собой базовый строевой элемент в концептуальной картине избавления от ненужного. Сравните, например, англ. *to give sb the boot – дать ботинком*, нем. rausschmeißen – *выкинуть*, фр. *mettre à la porte – поставить к двери*. Семантика приведенных единиц моделируется на основе комплексных концептуальных конфигураций, акцентирующих представление об увольняемом сотруднике как о ненужном животном или предмете.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В СЕМАНТИКЕ КИТАЙСКИХ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

На настоящем этапе исследования был проведен концептуальный анализ семантики 650 эвфемизмов китайского языка, использующихся для смягченной репрезентации естественной смерти, физиологических функций человека и процесса увольнения, которые были отобраны из наиболее авторитетного на сегодняшний день словаря китайских эвфемизмов[1].

По результатам проведенного исследования можно констатировать преобладающую роль метонимических моделей в репрезентации всех отмеченных понятий и их составляющих в китайской лингвокультуре. Во многих случаях реализация метонимических концептов в семантике эвфемистических единиц обнаруживает общие закономерности при сопоставлении с идентичными концептами в германских и романских языках. Так, в эвфемистической номинации смерти одним из ведущих метонимических представлений следует признать закрывание глаз 闭眼 (кит. *bì yǎn – закрыть глаза*). Отмеченный обобщенный концепт получает дальнейшее метафорическое развитие в более усложненном образе спокойного сна 安眠 (кит. *ānmián – спокойно уснуть*). Такое универсальное видение смерти, фокусирующее положительную, будничную идею естественного отдыха, обеспечивает номинациям стабильный эвфемистический потенциал, который может быть реализован в самом широком спектре прагматических ситуаций.

На данном этапе исследования у нас есть достаточные основания утверждать, что для китайского языка, так же как и для германских и романских языков, характерна частотная актуализация метонимических концептов в составе

1张拱贵. 汉语委婉语词典. 北京语言文化大学出版社. 1996 = Чжан Гунгуй. Словарь эвфемизмов китайского языка. Пекин: Изд-во Пекинского университета языка и культуры. 1996.

концептуальной оппозиции, оба члена которой активны в рамках анализируемой номинативной сферы. Так, представление о закрывании глаз сосуществует с противоположным представлением о широко раскрытых глазах. Отмеченное видение в китайской лингвокультуре получает дальнейшее развитие в более сложном метонимическом концепте, который конструируется при участии соматического концепта НОГА 伸腿瞪眼 (кит. *shēntuǐ dèngyǎn– протянуть ноги и вытаращить глаза*). Важно отметить, что усложнение метонимического концепта, которое позволяет акцентировать физиологические проявления табуированных явлений действительности приводит к снижению эвфемистического потенциала языковой единицы.

Отмеченную тенденцию можно проиллюстрировать на примере других концептуальных моделей. В китайской лингвокультуре распространено универсальное представление о смерти человека как о перемещении в пространстве. В значительной степени обобщенный концепт 徂 кит. *cú – направляться к...*) может получить дальнейшей развитие как в метафорических образах 岱 (кит. *yóudài – отправиться в путешествие на гору Тайшань»*, т. е. отправиться к духу горы Тайшань, где собираются души умерших для регистрации), так и в метонимических 去火葬场 (кит. *qù huǒzàngchǎng – отправиться в крематорий*). При этом значительное метафорическое усложнение концепта ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, сопровождаемое конструированием сложной метафорической картины ПУТЕШЕСТВИЯ, обусловленной религиозным видением смерти, не снижает эвфемистический потенциал анализируемой единицы. В то же время метонимическое развитие исходного концепта, обусловленное ритуальными традициями обращения с покойными, выводит на первый план физиологический аспект кремации тела умершего, практически нивелируя эвфемистический потенциал единицы.

Несмотря на превалирование в значительной степени универсальных метонимических представлений в эвфемистическом видении анализируемых табуированных явлений в китайской лингвокультуре, следует отметить ряд также и ряд лингвоспецифических концептов. Так, для китайцев более характерно видение смерти через метонимическую призму ТРУДНОСТИ, БЕДЫ 遇难 (кит. *yùnàn – встретиться с бедой*).

Еще одной важной чертой реализации метонимических представлений в китайском языке следует признать более активное участие культурных концептов в конструировании метонимических образов. Так, например, в контексте эвфемизации увольнения обращает на себя внимание частотная активизация метонимического концепта ВОЗВРАТ, который является базой для конструирования развернутых метонимических картин передачи различных предметов, символизирующих определенный род деятельности увольняемого (например, 纳节 (кит. nàjié – *возвращать двору верительный жезл* (посла)), 韬笔 (кит. *tāobǐ – спрятать кисть* (в футляр)), 解龟 (кит. *jiěguī – сдать печать с изображением черепахи*, т. е. сдать правительственную печать, на рукоятке которой ранее была изображена черепаха).

Важным следствием преобладания метонимических концептов в конструировании ряда табуированных представлений в китайской лингвокультуре можно считать более позитивное, чем в западных социумах, их восприятие. Так, например, в рамках номинативной сферы «увольнение» актуализация метонимического концепта ВОЗВРАТ во многих случаях позволяет акцентировать добровольное желание работника покинуть свой пост, т. е. по сути эвфемистически репрезентирует увольнение как уход по собственному желанию 纳禄 (кит. *nàlù – вернуть жалование*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На настоящем этапе исследования концептуального аспекта семантики эвфемистических единиц в китайской лингвокультуре представляется возможным сделать несколько предварительных выводов.

В ряде номинативных областей, репрезентирующих как традиционные эвфемизируемые понятия, так и в современной, политкорректной эвфемии ведущими моделями эвфемистической номинации следует считать метонимические модели.

Во многих случаях имеет место метафорическое усложнение исходного метонимического концепта в семантике эвфемизма, что в большинстве случаев не приводит к смещению фокуса номинации и, как следствие, не снижает эвфемистический потенциал единицы.

Градуальное метонимическое усложнение исходного метонимического концепта, напротив, часто конкретизирует фокус номинации, выводя на первый план табуированные стороны репрезентируемого явления, что значительно ограничивает эвфемистический потенциал языковой единицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Порохницкая Л. В. Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 12 (723). С. 159–164.
2. Порохницкая Л. В. Метонимический триггер в эвфемии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. Вып. 6 (1). С. 25–29.
3. Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 31–58.

REFERENCES

1. Porokhnitskaya, L. V. (2015). Constancy and Variability within the Structure of the Conceptual Nominative Basis as the Criterion of Comparative Study of Euphemisms. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(723), 159–164. (In Russ.)
2. Porokhnitskaya, L. V. (2020). Metonymic Trigger in Euphemy. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6(1), 25–29. (In Russ.)
3. Barcelona, A. (2003). On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor (p. 31–58). Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Порохницкая Лидия Васильевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Чирвоная Мария Олеговна

преподаватель кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Porokhnitskaya Lydia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of English Lexicology
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Chyrvonaya Maryia Olegovna

Lecturer at the Department of English Lexicology
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_77

Особенности немецкоязычной цифровой меметики

Р. К. Потапова[1], **В. В. Потапов**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Volikpotapov@gmail.com*

Аннотация. Одним из современных молодежных способов цифровой коммуникации является использование кратких образных и в то же время содержательных единиц коммуникации, называемых мемами. Широкое распространение вышеуказанного коммуникативного средства охватывает практически все языковые сегменты Интернета. Исключением не является и современный немецкоязычный сегмент Интернета. В статье отражены особенности современной немецкоязычной меметики в соотношении с их тематическим содержанием и видом используемого кодирования (монокодовости и поликодовости).

Ключевые слова: меметика, социально-сетевой дискурс (ССД), монокодовость – поликодовость, немецкоязычный сегмент Интернета

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект No 22-28-01050.

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В. Особенности немецкоязычной цифровой меметики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 77–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_77

Original article

Features of German Digital Memetics

Rodmonga K. Potapova[1], **Vsevolod V. Potapov**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Volikpotapov@gmail.com*

Abstract. One of the ways digital communication is used by the rising generation nowadays is the use of short figurative and yet meaningful communication units called memes. The wide distribution of this communicative means covers almost all language segments of the Internet. The modern German-language segment of the Internet is no exception. The article reflects the features of modern German memetics in relation to their topical content and the type of coding used (monocode and polycode).

Keywords: memetics, social network discourse (SND), monocode – polycode, German-language segment of the Internet

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-28-01050.

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2023). Features of German digital memetics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 77–85. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_77

INTRODUCTION

Distribution of modified digital texts, posts, memes, etc. created a social environment that shapes the psyche of the modern young generation, which, as a rule, is strongly influenced by modern "ideals" of the way of life. Thus, if the question of motivation in the tendency to destruction and breakdown is raised, that is, to the use of "toxic" virtual communication means, then on the basis of many studies, the "toxicity" of incoming information was directly related to the emotional trigger, which is a releaser for the emergence and development of conflicts, aggression, escalation of threats and further real actions. The effect of an emotional trigger extends both to individuals – participants in digital communication, and to entire communities. The permanent exposure of Internet users to such a digital emotional trigger of a negative nature can radically change personal motivational categories. If the hierarchical system of motivational needs traditionally includes the needs of self-realization, the satisfaction of cognitive and aesthetic needs, the needs of a physiological nature and self-preservation, then according to the concept of A.N. Leontiev [Леонтьев, 1975], the motivational sphere of a person, like other psychological characteristics, has its sources in his / her practical activity [Немов, 2004].

The motivational sphere of life of the "***digital personality***"[1] is fundamentally different from the motivations of the representatives of previous generations. The main reason is the speed, volume and "variegation" of incoming information, which often differs in a direct dependence on the goal of "customers" who form information content, which is "toxic" in some cases. Recently, in such cases, it is preferable to use not text, but an image (picture) or a combination of both (memes), which has a multi-purpose value: a meme does not require a semantic analysis of the text and is more effective in perception. The degree of impact increases when a still image "comes to life" and is complemented by instantly created clips. In this case, the polycode nature of a stimulus is also realized.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF MEMETICS

"...we define memetics as an interdisciplinary field of knowledge, including, as an object of study, methods of transmitting network information with concise monocode or polycode (creolized) ministructures characterized by maximum network virality and popularity" [Потапова, Потапов, 2022, с. 80].

From our point of view, memetics completely coincides with the functions of ***social network discourse*** (***SND***) in the enlarged sense of the word. Mention should be made of the main distinctive features of SND, which are also significant for understanding the specifics of memetics in digital communication. Identification of the verbal and paraverbal specifics of the formation and functioning of the SND in the global electronic media environment is based on its definition as a special electronic macropolylogue, taking into account the following types of categories of form, content and functional weight[2]:

a) electronic macropolylogue of a special SND form: distant; mediated; real-time (online) and delayed (offline); single-vector – multi-vector; monochronic – polychronic;

b) electronic macropolylog with special SND content: monotopical – polytopical; information-rich (high context) – not information-rich (low context); provoking controversy, specific actions and deeds – not provoking controversy, specific actions and deeds;

c) electronic macropolylogue with a special SND function: informing, containing the message sender's point of view; influencing, containing special linguistic means of influencing the recipient of the message; encouraging, with a specific goal to commit specific actions and deeds (particularly destructive ones, this type is implemented according to the scheme "stimulus → pragmatic reaction in the form of a specific destructive action"), manipulating the consciousness of the recipient; intended for a target limited group of users – for an unlimited number of users;

d) electronic macropolylogue with SND that considers factors influencing the specifics of communication: psychological and physiological (for example, age, gender, pathological, emotional, etc.); ethnic; socio-economic; political and geopolitical; confessional; culturological; pragmatic; moral and ethical.

SND in the global network can be described in the following terms: irreversibility; situationality; dynamism; violation of the hierarchy of social relations (democratism / pseudo-democratism);

[1]The term "digital personality" first appears in: Р. К. Потапова, В. В. Потапов. Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 1–2. С. 87–111.

[2]In this regard, see works: Potapova R. From deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // Global Science and Innovation. Materials of the VI International Scientific Conference. Vol. 1. Chicago (November 18–19th, 2015). Chicago (USA), 2015. P. 129–137; Потапова Р.К. Депривация как базовый механизм вербального и паравербального поведения человека (на материале социально-сетевой коммуникации) // Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р. К. Потапова. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 17–36.

combinatorics of monochrony and polychrony due to the high speed (pace) of information dissemination; combinatorics of statements from representatives of low context and high context cultures; increase in interpersonal space; topical unlimitedness; casual conditioning; manipulation of the consciousness of the recipient; emotional-modal saturation.

Exploring various SND types, one can come to the conclusion that memetics satisfies all the conditions that are typical for communication in the modern digital space. Moreover, the pictorial means of memetics push their own boundaries when it comes to the varieties of SND. The reason for this is the polycode nature of meme-information: pictorial, sound, color, textual, etc. Meme-information includes all the above features, endowing this communication method with conciseness, imagery and informativeness. This form of communication is actively used by modern youth in various countries of the world. The most "visited" are the meme-segments of the Internet in English, German and Russian. The exchange of information (in chats) using memetics is the preferred means of SND, as it makes it possible to respond promptly to various events with respect to morals and choices of today's youth. The study we conducted on the material of three language segments of the Internet (Russian-language, German-language and English-American language) [Потапова, Потапов, 2022] demonstrated the huge information potential of communication in relation to the young users of these segments. Memetics-based SND made it possible for users to instantly respond to the most significant events in the world, as well as in their own language area.

STUDY OF MEMETICS IN THE GERMAN-LANGUAGE AREA

Currently, in the countries of the German-language area, memetics is analyzed mainly in connection with social and political topics, for example, in [Bown, Bristow, 2019; Egner, 2018; Milner, 2012; Milner, 2013; Nowotny, Reidy, 2022; Osterroth, 2015; Osterroth, 2016; Segev, Nissenbaum, Stolero, Shifman, 2015] and others. In the above studies, polycode memes are the content dominant, including various manifestations of the real political life of a particular country. It should be emphasized that the data obtained showed the relevance of the meme as a pedagogical and sociological means of observation [Reidel, 2019].

In German-language memetics, there is a wide use of various codes that characterize SND types [Petz, 2021]. These can be images of chess pieces in the traditional style or images of animals, images of paintings and sculptures in the classical style. A special type of monocode and polycode memetics includes the image of a person belonging to a certain class indicative of his/her social status: celebrities from the artistic world, famous politicians (persons of public interest).

Since 2015–2016, in Germany and Austria, special attention has been paid to the topical range of issues related to the problem of "***Flüchtlinge***" ("refugees") (see, for example: [Halmdienst, 2016]) that continue to be relevant. Due to this global crisis in Austria, the following macro topics are included in the relevant meme research corpus: "Law", "Danger and Threat", "Crime", "History", "Finance", "Name Meaning", "Scapegoat Search Strategy", "Dichotomy", "Relativity of the 'victim ↔ perpetrator' dichotomy", "Intentional provocation / carefully estimated ambivalence", "Conspiracy theories" and "Myth of Salvation" [Halmdienst, 2016, p. 100–107].

"Law"

The topic of "Law" is not mentioned so often in memes. For example, here the government's decision on refugees (the upper limit of their number) is used as an argument. A negative assessment of the above policy is given in relation to the legislative decision.

"Danger and Threat"

This topic is often used as an argument. Taking into account the danger, the memes describe mainly three different circumstances: on the one hand, most of refugees are presented in memes as a "threat"; on the other hand, it is argued that many refugees are women whose image is incompatible with the image of women in Europe. For example, the following meme: *„An alle Gutmenschen: Ihr fordert die Aufnahme von Millionen Flüchtlingen aus archaischen Gesellschaften, in denen Frauen oftmals nicht besser behandelt werden als ein Stück Vieh… Und dann wundert ihr euch über die Vergewaltigungsorgien in Köln?"* (*To all kind people: You demand the admission of millions of refugees from archaic societies where women are often treated no better than cattle…And then you marvel at the rape orgies in Cologne?"*). According to this argument, this image of a woman leads to sexual harassment, whereby the generalization about refugees is again made here. Thirdly, an argument is often made in favor of the radicalization of the behavior of refugees in Austria (for example, the association of refugees with various terrorist organizations). In this regard, some types of memes can be mentioned that display the destructive nature of the phenomenon of Islamischer Staat (IS) ("ISIS"), where the text is presented in English, for example, *„ISIS, is coming to your town*

very soon". According to K. Halmdienst, this linguistic statement is basically connected with the image of the crowd, giving rise to the general impression among Internet users that absolutely all refugees are dangerous for the autochthonous population of Austria and "belong to the Islamic State".

"Crime"

The topic of crime is closely related to the topics of "Threat and Danger". It is believed that refugees are synonymous with the image of "bringing crime into the country". Some of the memes are associated with "criminal outlanders" and "fictitious asylum seekers". The term "fictitious asylum seeker" is most directly related to the term "economic refugee", suggesting that the refugee's place of residence is "illegal" and therefore "criminal". For example: the following meme also refers to crimes related to refugees: *„Pfeffersprays ausverkauft, Kampfsportschulen melden hohen Zulauf, Selbstverteidigungskurse ausgebucht – Und Waffenhersteller freuen sich über die vielen neuen Waffenscheinbesitze*" ("*Pepper sprays sold out, martial arts schools report high demand for their skills, self-defense courses are fully booked – and gun manufacturers are excited about the arrival of many new gun license holders*"). The listed effective actions with the help of the pictorial component of the meme are attributed to the members of the ***in-group***[1]. Therefore, in this situation, one can expect a corresponding negative reaction of the autochthonous population to alleged crimes of refugees.

"History"

This topic is also used as a means of argument: "Historische Rückgriffe / Vergleich mit dem Nationalsozialismus" ("References to historical facts /comparisons with National Socialism"). The reason this argument is chosen is in many cases the comparison of historical facts with modern life. For example, the following meme: *„Österreich ist auch mal in Schutt und Asche gelegen…aber unsere Vorfahren sind nicht einfach geflüchtet, sondern haben alles wieder aufgebaut*" ("*Austria was once in ruins… but our ancestors not only fled, they rebuilt everything*"). This is probably an allusion to the situation in Austria after World War II.

Some memes use the term "Nazi". For example, an angry face is depicted that accuses someone of being a Nazi; in another meme, the following words are given as an argument: *„Ich bin kein Nazi, ich hasse nur Wirtschaftsflüchtlinge*" ("*I am not a Nazi, I just hate economic refugees*").

"Finance"

The data corpus also includes the topic of "Finance". For example, one of the memes mentions the following: *„Politiker sagen: Sie werden unsere Wirtschaft ankurbeln*" ("*Politicians say: they will boost our economy*"). Similarly, the term "economic migrants" includes a finance argument. On the one hand, according to politicians, refugees have a positive function for the economy and other areas of employment. In contrast, the term "economic refugee" also has a negative connotation, since it is assumed that refugees left their homeland in order to shift all economic difficulties to the shoulders of the host country. Racist reasoning often uses the argument that "strangers" are unemployed and live on taxpayers' money.

There are also memes on this topic, which contain information according to which "refugees are rewarded for inaction", while "Austrians themselves are in need". Once again, it seems that these minorities are lazy and exploit the Austrians. For example: *„Flüchtlinge sind Parasiten*", based on the following argument: *„Verrecken sollt ihr „Politiker!" Für Familien mit Kindern ist kein Geld da!!! Für die alten schon gar nicht!Aberzusätzliche Millionen für Asylanten! Fuck you, Dreckspack!!*" ("*Refugees are parasites*." "*Die*, "*Politician*"*! There is no money for families with children!!! Especially for the elderly! But you have additional millions for asylum seekers! Fuck you, bastard!!*") and *„Drekspack, gerade über die Grenze gekommen und schon wollen sie an unsere Kohle*" ("*Shit, you just crossed the border and already want our hearth*").

As a result, it can be concluded that the refugees are presented as greedy or lazy and that, without the desire to work, they join the ranks of the unemployed. On the other hand, politicians blame the Austrian social system for misallocating tax money.

"Name Meaning"

Approaches serving to determine refugee status vary. Thus, for example, in some cases, memes represent refugees as not those people who have an objective reason to flee. There are terms that evoke different types of connotations when the definition of "refugees" is framed when written in quotation marks, thus calling it into question.

[1]An ***in-group*** is a social group of like-minded people with common interests and beliefs, with strict rules of collective interaction and alienation in relation to non-members of their group, that is, in relation to the group of "strangers" (***out-group***) [Tajfel at al., 1971; Tajfel, 1974]. According to the theory of social identity, people tend to evaluate the actions of their group or team members much more positively than the actions of members of an out-group [Molenberghs at al., 2013].

"Scapegoat Search Strategy"

The scapegoat strategy is used in all data corpus examples. The following three main groups are used as "scapegoats": refugees, politicians and benefactors. On the one hand, it is argued that refugees are "scapegoats", since their arrival in Europe means that they destroy the order established there. Their very existence is considered a hindrance to the local population of the country. Politicians are also often blamed for the refugee crisis: in some cases this is done in a humorous way, in other cases in a satirical way. Thirdly, people who are often called "benefactors" also become "scapegoats". In most cases, descriptions of memes claim that the warm reception of refugees by the local population was the reason for the rape of women in Cologne.

"Dichotomy"

When analyzing the units of the data corpus, it became possible to provide a dichotomous description for a number of phenomena in memes, which made it possible to build a system of dichotomous connections in relation to various plots of the "refugees" topic. For example, the following dichotomous groups represented in memes are suggested: victim ↔ criminal, masculinity ↔ femininity, refugees ↔ European / Austrian citizens, danger ↔ security, "stupid" politicians ↔ "normal" citizens, East ↔ West, "rightist" politics ↔ "leftist" politics, "righteous" refugee ↔ "unrighteous" refugee, good ↔ evil, etc. Different points of view are quite rare, opposite-polar descriptions are much more widespread that are used for studies of evaluative reactions on the part of autochthonous populations.

"Relativity of the 'victim ↔ perpetrator' dichotomy"

The reversal of the roles of victim and perpetrator (or criminal) is often described in the texts of the meme corpus as an argument used. Members of the "***in-group***" are assigned the role of "victim", while members of the "stranger" group are usually assigned the role of "perpetrators". And, therefore, in most patterns of argumentation, the "***in-group***" members become "victims": "wrong policy", "refugee terrorists", "benefactors", "sexual abuse" or "false attitude of the Catholic Church". Members of the "***out-group***" are depicted in memes not as victims of the war circumstances, but as "criminals" who pose a danger to life in Europe. However, some memes convey the sense that refugees themselves can be seen as victims of the political situation. Thus, some memes ironically criticize work with refugees, for example, with the help of a critical image of the construction of the border fence. In this case, the refugees are also not presented as criminals.

"Intentional provocation / carefully estimated ambivalence"

Carefully estimated ambivalence is understood as a strategy, which, like deliberate provocation, is predeterminedly presented with linguistic errors. An example is the "racist discourse", which includes a large number of statements, where right-wing populist politicians ("National Socialists" in some sense) "glorify or hush up something", then apologize for it, but still remain true to their beliefs. According to K. Halmdienst, this strategy cannot be applied directly to the texts of the analyzed data corpus.

"Conspiracy theories"

The topic of "Conspiracy theory" is often used as a strategy for further work with the data corpus. Therefore, it can be argued that the „***Flüchtlingskrise***" ("refugee crisis"), which led to the spread of the Islamic religion in European countries, is assessed as a negative phenomenon.

"Myth of Salvation"

The myth of salvation is rarely used as an argument in relation to memes analyzed on the material of the data corpus. But, nevertheless, in this section, the author uses, from our point of view, a polycode variety of memetics, including individual utterances in the text, as well as photos. K. Halmdienst cites as an example a meme with a photo where German Chancellor Angela Merkel shows with her pointing finger that the population will cope with all the difficulties „*Ihr schafft das!*" ("*You'll do it!*").

Turning to German-language memetics, we were able to fix the dominant topical groups associated with a kind of reaction of young people to the most relevant events in a temporally synchronous juncture. Thus, the following large topical blocks were identified, which are arranged in descending order in quantitative terms: „das Studium", „Alcohol und Partys", „Tiere" (e.g. „Wölfe" und „Frösche"), „Sport" – „Fitness", „Alltagsleben", „Politik", „Coronavirus-Pandemie", „Bier", „Schimpfwörter", „das Essen", „Sex", „Unterhaltung", „Muße", „Impfung" („Impfgegner, Anti-Vaxxer"), „Partei der Grünen", „Klima", „Flüchtlinge", „die Wahlen", „Frau Merkel", „Wissenschaft", „Bildung" „Verhältnis" (e.g. „Verhältnis", „Freundschaft", „Frauen und Freundschaft", „Schwule und Homosexualität", „Transvestiten"),

„Konflikt in der Ukraine“, „Trickfilme“ (e.g. „Sponge Bob“, „Shrek“), „Tod von Königin Elisabeth II“ („Queen Elizabeth II“), „Thronbesteigung von Karl III“ („Charles III“), „Drogen“, „Prokrastination“, „Programmierung und Computer“, „Geschlechterstereotypen“ (über Frauen, über Männer). The distribution of the above data according to the frequency of their occurrence made it possible to identify a change in the rank sequence in relation to the main topics of German memetics.

When studying German-language memetics, the following trend is observed: foul language (that is, obscene vocabulary) is generally not typical for German-language memetics; it is rather characterized by the frequent use of memes containing a description of life processes and sexual relations (that is, the *area of physiology*), which are manifested, according to our observations, in the use of a large number of *lewd and obscene memes in the style of abrasive naturalism at the level of physiology*. For example: (1) only text is present in a meme: “Nach 4 Jahren endlich den G-Punkt meiner Freundin gefunden. Konnte ja nicht ahnen, dass er in ihrer Schwester ist. (“Finally found the G-spot (Gräfenberg-Zone, or G-Zone, english G-Spot is described as an erotogenic zone in the female genital organ) of my girlfriend after 4 years. Couldn’t guess it was in her sister“); (2) a picture of a male naked „beer belly“ with a very small penis and the following text: „Wenn er seinen “Zerstörer” auspackt von dem er die ganze Zeit geschrieben hat…“ („When he unpacks his „destroyer“ he wrote about all this time…“); (3) a picture of a woman in a bathing suit looking under her swim trunks while a small child is looking at her, with the following text: “Ich wünschte ich wäre stattdessen geplatzt. …und ich wünschte ich hätte den letzten slice nicht gesehen”. („I wish I had burst instead. …and I wish I had not seen the last piece“); (4) a picture of male anal fisting with the following text: „Sweizerdeutsch: Ich wünschte ich wäre stattdessen geplatzt“. („I wish I had burst instead“); 5) a picture with a photo of Chancellor Merkel placed under a sketchy skin next to a hair follicle and the following text: “Merkelzelle: mui. dr. meme univ Endlich wieder lernen, endlich.” („Merkel’s cell (place): university doctor of meme. Finally studying again, finally“).

CONCLUSION

The widespread use of the meme culture in various countries of the world shows that such features of a meme as the speed of information transfer, concise means of information convey, colorful images (photos, drawings, cartoons, etc.), possible sound accompaniment, text, etc. have become a favorite means of mass communication, especially among young people around the world. On this occasion, one of the points of view should be cited; in particular, that of A. Osterroth, according to which memetics plays an increasingly important role in interpersonal and collective youth communication [Osterroth, 2016].

How do Internet-memes appear, or what distinguishes one Internet-meme from other memes, including “***utterances-images-texts***” (in the German terminology, “***Sprache–Bild–Texten***”); what corresponds to our classification under the general name “***polycode***” [Потапова, Потапов, 2022]? Memes are created collectively within an Internet-community, which also greatly distinguishes them from the traditional means of transmitting information using “***utterances–images–texts***”, that is, they always contain the author’s vision.

What is their pragmatic function or are there pragmatic patterns or specific rules of use? In addition to communication and self-promotion, they are characterized by strict regularity. The use of memes is striking, especially in situations of virtual communication. For every situation, there are certain memes that are considered pragmatically appropriate. From the point of view of A. Osterroth, violation of the rules for the composition of memes and the functions of their use in communication will be condemned by the Internet-community or, from our point of view, will not be accepted at all, that is, it will be excluded from the category of an independent genre of information transfer on the Internet.

What role does the meme play in alternative public communities? Due to the strong connection with pop culture and the resources of the Internet, communication is realized exclusively with the help of memetics. From our point of view, not only a ***speech act*** [Austin, 1962], in itself can be a meme, but also a “***graphic act***” as well.

There are already known attempts in the Internet-community to ban memetics as a genre of digital communication, which is practically impossible from a pragmatic standpoint. According to A. Osterroth, at present and to this day, memes remain a rather unexplored subject in linguistics. The image linguistics approach provides enough analytical tools to classify memes as a type of text and make it pragmatically understandable. In this regard, there is a certain connection between the concept of memetics and the theory of the ***speech act*** by J. Austin.

In some cases, memes that convey the corresponding ***speech act / image*** become viral. Such memes are “doomed to success”, since they satisfy

the conditions of mass semantic interpretation to a greater extent, that is, they are more suitable for collective ***semiosis***[1] (according to A. Osterroth). The question arises why some genres are viral and others are not, but there is no answer to it yet. But the trend could be identified in the presence of ***Big Data*** of memes and a deep versatile qualitative analysis of those.

In conclusion, it should be emphasized that social network discourse (SND) in the field of memetics is characterized by polycode means used for depicting reality, an extreme form of conciseness, increased emotionality, direct connection with day-to-day realities, increased politicization, the presence of synchronization with ongoing events within certain social groups of young people, and also a strongly pronounced national flavor. This SND type in some cases can be assessed as a kind of ***cyber threat*** in the humanistic field of the psychology of interpersonal relations and is an indicator of the behavior of young people in various countries of the world in the 21st century. Therefore, studies of various SND types in the "memetics" genre, based on Internet data, can rightfully be part of the concept of "Digital Humanities".

[1]Semiosis (ancient Greek σημείωσις, "designation") is "a term adopted in semiotics; denotes the process of interpreting a sign, or the process of generating meaning" [Грицанов, Можейко, 2001, с. 709].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. URL: https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatyelnost-soznyanie-lichnost.pdf
2. Немов Р. С. Психология. Книга 1. Общие основы психологии. М., 2004. URL: http://ijevanlib.ysu.am/wp-content/uploads/2018/12/18830196.a4.pdf
3. Потапова Р. К., Потапов В. В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 78–91.
4. Bown A., Bristow D. (eds.). Post Memes: Seizing the Memes of Production. Brooklyn: Punctum books, 2019.
5. Egner M. Humor im Internet Analyse humoristischer Formen der Kommunikation in sozialen Medien. Masterarbeit. Universität Salzburg, 2018. URL: https://eplus.uni-salzburg.at/obvusbhs/content/titleinfo/5015234/full.pdf
6. Milner R. The world made meme: Discourse and identity in participatory media. Kansas, University of Kansas, PhD diss., 2012. URL: http://hdl.handle.net/1808/10256
7. Milner R. Pop Polivocality: Internet Memes, Public Participation, and the Occupy Wall Street Movement // International Journal of Communication. 2013. # 7. P. 2357–2390. URL: https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1949/1015
8. Nowotny J., Reidy J. Memes – Formen und Folgen eines Internetphänomens. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2022. URL: https://www.transcript-verlag.de/media/pdf/70/97/c5/oa9783839461242.pdf
9. Osterroth A. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text // IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft. Heft 22. Jg. 11. # 2. 2015. S. 26–46.
10. Osterroth A. Sprache-Bild-Kommunikation in Imageboards – Das Internet-Meme als multimodaler Kommunikationsakt und politisches Ärgernis. Universität Koblenz-Landau, Deutschland. 2016. URL: https://www.uni-koblenz-landau.de/de/landau/fb6/germanistik/mitarbeiter/wissenschaftliche-mitarbeiter/andreas-osterroth/ArtikelGAL
11. Segev E. et al. Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concretness // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20. # 4. P. 417–433.
12. Reidel L. Eine konsumentenorientierte Betrachtung der Memetik. Munich: GRIN Verlag, 2019.
13. Petz A. Kategorisierung neuer Meme-Genre anhand einer Korpusanalyse. Lehre in den Digital Humanities. Ein Portal der IT-Gruppe Geisteswissenschaften der LMU. 2021. URL: https://www.dh-lehre.gwi.uni-muenchen.de/?abschlussarbeit=kategorisierung-neuer-meme-genre-anhand-einer-korpusanalyse
14. Halmdienst K. Das Internet-Meme als politisches Schlagbild eine pragmalinguistische und diskursanalytische Betrachtung von Bild-Sprache-Texten am Beispiel der Flüchtlingskrise. 2016. Diplomarbeit. Universität Wien. Philologisch-Kulturwissenschaftliche Fakultät. URL: https://phaidra.univie.ac.at/open/o:1327388
15. Tajfel H. et al. Social categorization and intergroup behaviour // European journal of social psychology. 1971. 1 (2). P. 149–178.
16. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour // Social science information 13 (2), 1974. P. 65-93.
17. Molenberghs P. et al. Seeing is believing: Neural mechanisms of action-perception are biased by team membership // Human brain mapping 34 (9), 2013. P. 2055-2068.
18. Austin J.L. How to Do Things with Words. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1962. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430/content
19. Постмодернизм: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. (Мир энциклопедий). URL: http://yanko.lib.ru/books/encycl/post_mod_encyclop_all.html

REFERENCES

1. Leont'yev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. URL: https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatyelnost-soznyanie-lichnost.pdf (In Russ.)
2. Nemov, R. S. (2004). Psikhologiya. Kniga 1. Obshchiye osnovy psikhologii = Psychology. Book 1. General foundations of psychology. Moscow. URL: http://ijevanlib.ysu.am/wp-content/uploads/2018/12/18830196.a4.pdf (In Russ.)
3. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2022). Internet memetics as an emotiogenic environment of the network communication. Bulletin of the Russian academy of sciences: studies in literature and language, 81(2), 78–91. (In Russ.)
4. Bown, A., Bristow, D. (eds.). (2019). Post Memes: Seizing the Memes of Production. Brooklyn: Punctum books.
5. Egner, M. (2018). Humor im Internet Analyse humoristischer Formen der Kommunikation in sozialen Medien. Masterarbeit. Universität Salzburg. URL: https://eplus.uni-salzburg.at/obvusbhs/content/titleinfo/5015234/full.pdf
6. Milner, R. (2012). The world made meme: Discourse and identity in participatory media. Kansas, University of Kansas, PhD diss. URL: http://hdl.handle.net/1808/10256
7. Milner, R. (2013). Pop Polivocality: Internet Memes, Public Participation, and the Occupy Wall Street Movement. International Journal of Communication, 7, 2357–2390. URL: https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1949/1015
8. Nowotny, J., Reidy, J. (2022). Memes – Formen und Folgen eines Internetphänomens. Bielefeld: Transcript-Verlag. URL: https://www.transcript-verlag.de/media/pdf/70/97/c5/oa9783839461242.pdf
9. Osterroth, A. (2015). Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text. IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft. 22, 11, 2, 26–46.
10. Osterroth, A. (2016). Sprache-Bild-Kommunikation in Imageboards – Das Internet-Meme als multimodaler Kommunikationsakt und politisches Ärgernis. Universität Koblenz-Landau, Deutschland. 2016. URL: https://www.uni-koblenz-landau.de/de/landau/fb6/germanistik/mitarbeiter/wissenschaftliche-mitarbeiter/andreas-osterroth/ArtikelGAL
11. Segev, E. et al. (2015). Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concretness. Journal of Computer-Mediated Communication, 20(4), 417–433.
12. Reidel, L. (2019). Eine konsumentenorientierte Betrachtung der Memetik. Munich: GRIN Verlag.
13. Petz, A. (2021). Kategorisierung neuer Meme-Genre anhand einer Korpusanalyse. Lehre in den Digital Humanities. Ein Portal der IT-Gruppe Geisteswissenschaften der LMU. URL: https://www.dh-lehre.gwi.uni-muenchen.de/?abschlussarbeit=kategorisierung-neuer-meme-genre-anhand-einer-korpusanalyse
14. Halmdienst, K. (2016). Das Internet-Meme als politisches Schlagbild eine pragmalinguistische und diskursanalytische Betrachtung von Bild-Sprache-Texten am Beispiel der Flüchtlingskrise. Diplomarbeit. Universität Wien. Philologisch-Kulturwissenschaftliche Fakultät. URL: https://phaidra.univie.ac.at/open/o:1327388
15. Tajfel, H. et al. (1971). Social categorization and intergroup behaviour. European journal of social psychology, 1(2), 149–178.
16. Tajfel, H. (1974). Social identity and intergroup behaviour. Social science information, 13(2), 65–93.
17. Molenberghs, P. et al. (2013). Seeing is believing: Neural mechanisms of action-perception are biased by team membership. Human brain mapping, 34(9), 2055–2068.
18. Austin, J. L. (1962). How to Do Things with Words. Cambridge (MA): Harvard University Press. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430/content
19. Gritsanov, A. A., Mozheyko M. A. (eds.) (2001). Postmodernizm: entsiklopediya = Postmodernism: Encyclopedia. Minsk: Interpressservice; Book House. (The world of encyclopedias). (Mir entsiklopediy). URL: http://yanko.lib.ru/books/encycl/post_mod_encyclop_all.html (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна

доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович

доктор филологических наук
старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра
филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	19.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_86

Особенности концептуальной структуры немецкого детективного романа для детей и подростков

Е. П. Привалова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
privalova.ep@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются особенности концептуальной структуры современного немецкого детективного романа, адресованного детям и подросткам. Концептуальный, контекстуально–семантический и интерпретационный методы анализа концептуальной структуры произведений детективного жанра в рамках детско-юношеской литературы позволяют сделать вывод о сосуществовании в текстах двух структур – базовой концептуальной структуры детско-юношеского романа и жанрообразующей концептуальной структуры детектива.

Ключевые слова: немецкая художественная литература для детей и юношества, концептуальная структура, детективный жанр, жанрообразующие признаки

Для цитирования: Привалова Е. П. Особенности концептуальной структуры немецкого детективного романа для детей и подростков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 86–92. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_86

Original article

Features of the Conceptual Structure of the German Detective Novel for Children and Adolescents

Elena P. Privalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
privalova.ep@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the features of the conceptual structure of the modern German detective novel addressed to children and adolescents. The conceptual, contextual–semantic and interpretive methods of analyzing the conceptual structure of detective genre works within the framework of children's and youth literature allow us to conclude that two structures coexist in the texts – the basic conceptual structure of the children's and youth novel and the genre–forming conceptual structure of the detective story.

Keywords: German fiction for children and youth, conceptual structure, detective genre, genre-forming features

For citation: Privalova, E. P. (2023). Features of the conceptual structure of the German detective novel for children and adolescents. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (878), 86–92. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_86

ВВЕДЕНИЕ

Детективный жанр традиционно привлекает внимание исследователей по ряду причин. С одной стороны, его относят к массовой литературе [Тодоров, 1975]. Рассуждая о природе массовой культуры, ее формах и функциях, М. Д. Городникова отмечает принадлежность детективного нарратива «к массовой художественной литературе, отражающей как городскую, так и криминальную субкультуру» [Городникова, 2006, с. 177]. С другой стороны, как замечает Ц. Тодоров, именно детектив является одним из типов литературных текстов, соответствующих понятию жанра [Тодоров, 1999]. Бертольд Брехт выделяет такое важнейшее достоинство детективного текста, как схема, и считает необходимым ее культивировать [Брехт, 1988]. В трактовке Брехта ценность схемы заключается в ее вариациях [там же], и именно вариации элементов придают произведению эстетическую значимость. Суть детектива, по Б. Брехту, заключается «в отыскании причинной связи», при этом «главное интеллектуальное удовольствие, доставляемое нам детективным романом, состоит в установлении причинности человеческих поступков» [там же, с. 281]. О причинности как текстообразующем свойстве детектива говорит и Ц. Тодоров [Тодоров, 1975].

В 1902 году писатель, эссеист, философ Гилберт К. Честертон так высказывался о детективе: «Первое важнейшее достоинство детектива состоит в том, что это – самая ранняя и пока что единственная форма популярной литературы, в которой выразилось некое ощущение поэзии современной жизни» [Честертон, 1990, с. 16].

Как отмечает Н. В. Любимова, в результате большого успеха среди читателей «немецкий детективный роман превратился и в значимую исследовательскую проблему для литературоведов, социологов, культурологов и лингвистов», в связи с чем «особый интерес вызывают тенденции развития и возможности жанровых модификаций, признаки которых прослеживаются не только на уровне формы, но и на уровне содержания» [Любимова, 2011, с. 222]. Детектив обладает устойчивой референтной структурой и «характеризуется набором обязательных сюжетообразующих, а, тем самым, и текстообразующих элементов, таких как преступление, обстоятельства преступления, мотивы, методы расследования, улики и пр.» [Терехова, 2008, с. 149]. Кроме того, «детективный жанр отмечен схематизмом, или клишированностью. С другой стороны, он проявляет свои неограниченные возможности в новых содержательных вариациях нарративной схемы» [Терехова, 2009, с. 163]. При этом, как отмечает М. Б. Терехова, «сюжетообразующие элементы и признаки могут быть подвержены модификациям, которые обусловлены не только конкретным историческим временем создания произведения, но и литературной эпохой, а также предпочтениями автора и особенностями его индивидуального стиля» [там же].

Исследователи свидетельствуют о значимости научной составляющей в детективном тексте. Так, Б. Брехт подчеркивает роль научных методов, а также данных физики, химии и медицины для хода расследования: «вся концепция автора детективного романа находится под влиянием науки» [Брехт, 1988, с. 280]. Р. Барт, объясняя успех детективов Э. По, обращает внимание на «соединение детективного кода с научным кодом, научным дискурсом», при этом под «научным кодом» автор понимает своего рода культурную обусловленность текста, связанную со всеобщей увлеченностью наукой, особый культурный код [Барт, 1989].

Ц. Тодоров обращает внимание на то, что «поскольку цель в детективах заключается в обнаружении истины, автор выстраивает строго рассчитанную цепь событий, и ни одно ее звено, даже самое маленькое, невозможно передвинуть» [Тодоров, 1999, с. 78].

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

При анализе художественного текста детективного жанра мы можем говорить об определенной концептосфере такого текста [Теплых, 2007]. Диссертационное исследование Р. Р. Теплых выполнено в русле когнитивного подхода к исследованию текста детектива. Автор определяет концептосферу текста детектива и выявляет его составляющие, или базовые концепты, соотносимые со следующими денотатами: денотатом преступления, денотатом преступника (в преобладающем числе произведений мужского пола), денотатом сыщика–любителя, денотатом официального расследующего [там же]. В качестве основных признаков жанра Р. Р. Теплых называет следующие: «1) Тайна или загадка – генетический код детектива; 2) разгадка; 3) оригинальность» [там же, 2007, с. 9].

В диссертационном исследовании Н. Ю. Филистовой, посвященном детективному нарративу, выявлены следующие наиболее частотные базовые концепты: преступление, тайна, расследование и наказание, образующие концептосферу детективного нарратива [Филистова, 2007] и «ядро детективного рассказа» [там же, с .13].

ДЕТЕКТИВ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Рассмотрим место детектива в ландшафте немецкой литературы для детей и подростков. С. Хильверт подчеркивает неизменную популярность детективного жанра среди подростков 10–13 лет, несмотря на высокую конкуренцию средств массовой информации [Hilvert, 2013]. При этом детектив нередко становится объектом критики со стороны литературоведения и литературной дидактики. В 70-е годы XX века детектив соотносился с такой называемой «тривиальной, бульварной литературой» (*Trivialliteratur*), что не мешало включать его в круг школьного чтения, эксплуатируя присущие ему свойства удовлетворять потребности детей и подростков в получении удовольствия, развлечении и поиске своего «Я». На сегодняшний день уже нет сомнений в необходимости изучения детективного жанра с точки зрения его литературной ценности, однако по-прежнему есть расхождения в толковании детектива как жанра: некоторые исследователи склонны рассматривать детективный роман как самостоятельный жанр, другие считают целесообразным говорить о «комбинации жанров», в частности о «проблемном детективно-приключенческом романе» [там же, с. 14]. М. Б. Терехова отмечает, что потенциал к развитию детективного жанра содержится в его «внутрижанровых трансформациях», и в качестве одной из жанровых разновидностей, или модификаций, среди прочих, называет «юношеский детектив» (*Jugendkrimi*) [Терехова, 2009, с. 162].

Одной из важнейших характеристик детективного романа для детей и подростков С. Хильверт считает создание атмосферы напряженности с целью поддержания читательского интереса [Hilvert, 2013].

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР НЕМЕЦКОГО ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Мы предполагаем, что в основе немецкого романа для детей и подростков лежит определенная концептуальная структура, образованная концептами, соотносимыми с важнейшими институтами и факторами социализации, а именно – ЛИЧНОСТЬ, СЕМЬЯ, СВЕРСТНИКИ / ДРУЖБА, ШКОЛА, УВЛЕЧЕНИЯ, ПРИРОДА, ТРУД. В настоящей статье мы ставим своей целью рассмотреть соотношение данной структуры с базовыми концептами, характерными для концептосферы детектива.

М. Д. Городникова, анализируя гендерные явления в тексте детектива, отмечает, что образы его персонажей можно соотнести «с постоянно воспроизводимыми в реальном мире различиями и иерархиями бытия мужчин и женщин» [Городникова, 2006, с. 177]. Данный тезис может быть экстраполирован на прочие иерархии бытия, например, внутрисемейные. В детских и подростковых детективах обширно используется диалогическая речь, которая является средством создания речевого портрета героев. М. Д. Городникова при анализе детективного нарратива подчеркивает, что «прямая речь персонажей зачастую характеризует их более полно, чем краткий текст от автора» [там же, с. 181]. Прямая речь, в частности диалогическая является характерной отличительной чертой немецких романов для детей и юношества, в том числе детективного жанра.

Рассмотрим две детективные серии немецких авторов, адресованные читателям двух разных возрастных групп.

Серия «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» («Волшебный чемоданчик») автора Калли Штронк предназначена для первого самостоятельного чтения и рассчитана на детей от семи до девяти лет. На сегодняшний день в издательстве Ravensburger Verlag в этой серии вышли пять книг (2020–2022).

Серия автора Бенедикта Вебера носит название «Ein Fall für die Schwarze Pfote» («Дело для Черной лапы»), состоит из девяти книг, выходила в Германии в издательстве Tulipan в 2012–2015 гг. и рассчитана на детей 9–10 лет.

Заголовок. Заглавия обеих серий содержат лексемы, относящиеся к дискурсу расследования, погони за преступником: *die Jagd* (погоня, охота), *ein Fall* (дело), сигнализируя о принадлежности произведений к детективному жанру.

Графическое оформление. В серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» цветные иллюстрации занимают значительное место в книге, иногда целые развороты, выполняя интерактивную функцию. С помощью иллюстраций автор вовлекает читателя в ход расследования преступления, создавая условия для применения механизма догадки. Интерактивный характер иллюстраций данного поликодового текста обусловлен возрастом читательской аудитории, на которую автор воздействует с помощью различных знаковых систем.

В серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote», рассчитанной на более старший возраст читателей, редкие черно-белые иллюстрации играют комплементарную роль по отношению к тексту.

Образ сыщика. Личность сыщика занимает важное место в тексте детективного романа.

С точки зрения концептуальной структуры романа для детей и подростков, средства создания образа сыщика служат реализацией центрального макроконцепта ЛИЧНОСТЬ. В роли сыщика выступает яркий, запоминающийся персонаж. Сыщик выделяется своими интеллектуальными качествами, но при этом традиционно не является одиночкой, а работает в команде. В состав команды в детско-юношеских детективах часто входит животное, как правило, собака. Общение с животными, с природой является важной частью процесса взросления, поэтому такая констелляция персонажей может быть соотнесена с реализацией концепта ПРИРОДА и служить свидетельством связи концепта ПРИРОДА и макроконцепта ЛИЧНОСТЬ, что является характерным свойством концептуальной структуры немецкого романа для детей и подростков.

В книгах серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» яркость образа сыщика обусловлена многообразием персонажей: он реализуется в фигурах двойняшек Мари и Лукаса, а команда состоит из нескольких домашних животных: пса, кота и попугая.

В романах серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» главный герой Мерлин обладает яркой внешностью (рыжими волосами) и выраженными лидерскими качествами. Имя главного героя служит маркером интертекстуальности, относя читателя к британскому циклу легенд и времени существования Круглого стола, когда волшебник по имени Мерлин выступал в роли наставника Короля Артура. Образ Мерлина многократно переосмысливался разными авторами и по-разному толковался в истории литературы.

Команду Мерлина образуют его друг Фипс, подруга Шарлотта и пес Хуго, в честь которого названо детективное агентство. Члены детективной команды также наделены характерными чертами: Шарлотта обладает дедуктивными способностями, вопреки стереотипам, лучше друзей–мальчиков разбирается в современной технике и умеет ей пользоваться в ходе расследований. Фипс – неповоротливый, неловкий мальчик, но очень преданный друг, в решающие моменты оказывающийся в нужном месте и таким образом помогающий следствию. В описанных образах прослеживается определенная схема в распределении ролей и задач среди персонажей, закономерно проявляющаяся в каждом произведении серии и представляющая собой один из жанровых признаков детективного произведения.

В отношении базовой концептуальной структуры, образующей смысловую основу детско-юношеского романа, на примере реализации образа сыщика и его команды следует говорить об актуализации признаков ключевого концепта ДРУЖБА в его непосредственной взаимосвязи и взаимовлиянии с макроконцептом ЛИЧНОСТЬ.

Преступление и тайна. Расследуемые преступления носят достаточно серьезный характер: в частности, в романах происходят кражи, мошенничество, коррупция. Важное место занимает выяснение мотивов совершенных преступлений. Впрочем, данные произведения, рассчитанные на детей и подростков младшего возраста, не допускают травм, увечий, жестокости в любом виде, несмотря на серьезность расследуемых произведений. В детективных произведениях для детей и подростков, как и в классической форме детектива, присутствует интрига, читателя сбивает с толку личность другого подозреваемого, так что он до конца повествования находится в напряжении.

Преступник. В книгах серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» преступления совершаются парой мошенников по прозвищу *Topf und Deckel* («Кастрюлька с Крышкой»), которые в каждой истории переодеваются и перевоплощаются, но в конце концов подвергаются разоблачению. Здесь часто возникает эффект комичности, как в результате создания внешнего образа персонажей (классическая оппозиция худого и толстого, хитрого и простодушного является маркером интертекстуальности), так и в результате проработки моделей их поведения, ведущих к поражению и возникновению неловких ситуаций, позволяющих сыщикам изобличить преступников.

Преступники в романах серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» – это фигуры, которые появляются в окружении главных героев и поначалу не вызывают подозрений, но оказываются мошенниками. Преступники в каждой истории разные, чаще всего след выводит детективов к какому-то подозреваемому, но истинным преступником оказывается другой человек. Такое сюжетное развитие также является важной жанровой характеристикой классического детективного произведения. Что касается дидактической ценности детективных романов, можно констатировать, что такие художественные произведения предлагают читателям быть осторожными и внимательными, не доверять малознакомым людям.

Расследование. В книгах серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» повествование включает в себя сказочные элементы. В расследовании преступлений задействованы магические предметы: лупа, позволяющая заглянуть в прошлое, карта, показывающая место нахождение волшебного чемоданчика на случай его кражи, бинокль, с помощью которого можно видеть сквозь стены, ср.:

> Schnell halten sich die Zwillinge an den Händen und Lukas dreht den **magischen Hut** mit der Feder nach hinten. Sofort sind die beiden Kinder **unsichtbar**. (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Hühnerdieb gesucht*).

В серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» главную роль в расследовании играют интеллектуальные способности главных героев, а также их сплоченность, взаимовыручка и готовность жертвовать своими интересами ради друзей. Таким образом, здесь снова наблюдается реализация таких важнейших элементов концептуальной структуры подросткового романа, как ДРУЖБА и ЛИЧНОСТЬ. Одновременно развертывание сюжета происходит на фоне семейной и школьной жизни персонажей, члены семьи и учителя либо оказываются жертвами преступлений, либо вовлечены в процесс расследования. Поэтому в отношении концептуальной структуры романа на основании анализа языковых репрезентаций концептов, можно говорить о представленности в романе также таких важнейших макроконцептов, как СЕМЬЯ и ШКОЛА. В повествовании магия отсутствует, оно строится в реалистическом модусе. Единственной отсылкой к магическому является имя главного героя Мерлина.

Серьезность совершаемых преступлений подтверждает факт участия полиции на заключительном этапе расследования, например, при задержании преступников и выполнении других задач, с которыми не могут справиться дети.

Наказание. В серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer», рассчитанной на младший возраст, наказание принимает шутливую форму: как правило, мошенники попадают в неловкое положение и спасаются бегством. В романах серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» наказание принимает форму реальных решений и постановлений суда о штрафах и прочих серьезных мерах.

Языковые особенности анализируемых произведений. Среди стилистических особенностей анализируемых текстов можно отметить образные средства, используемые при описании персонажей: сравнения (например, ***Harry-Potter**-Brille*; *längere, struppige Haare, die **wie der Bart eines exotischen Äffchens** aussahen*); эпитеты (*seine **unbezähmbaren** roten Haare*); метонимия (*ein zitterndes weißes **Fellknäuel***).

В книгах серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» можно обнаружить случаи игры слов. Например, мошенники, притворяясь полицейскими, прибывают в автомобиле с надписью *Polizwei* вместо *Polizei*.

> „Tja, wir sind aber **nicht die Polizei, sondern die Poli-zwei**“, erklärt die kleine Doris Deckel. „Wir kommen immer zweimal vorbei – damit haben Sie die doppelte Sicherheit!“ (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Hühnerdieb gesucht*).

Игра слов в обеих сериях реализуется также в «говорящих» именах: *Doris **Deckel*** («крышка»), *Theodor **Topf*** («кастрюля»), *Rudi **Rakete*** («ракета», фамилия гонщика), *Frau **Pudel*** («пудель», владелица собаки соответствующей породы), *Berno **von Schlappenau*** (schlapp = «вялый, медлительный») и т. д.

Названные стилистические приемы служат созданию эффекта комичности, в частности, создается ореол комичности вокруг персонажей преступников. Для этой же цели используется ряд определений и отчасти неологизмов, отчасти существующих форм, представляющих собой искажения существующих слов и указывающих на обман со стороны преступников: *Möchtegernelektriker* (слово-определитель *Möchtegern* в составе сложного слова указывает на то, что мошенники выдают себя за электриков), «*Richtige, echte Müllwegfuhr*» (плеоназм – использование двух определений с одинаковым смыслом, в данном случае заведомо ложным; искажение слова *Müllabfuhr*), *Polizwei* (искажение слова *Polizei* указывает на факт мошенничества), а также типичная для одного из преступников формула прощания: «*Auf Immer.., äh, Nimmerwiedersehen!*» (совершив преступление, мошенники надеются скрыться). Преступник выдает себя за другую личность, искажая свое имя (намекающая на благородное происхождение форма *Berno von Schlappenau* вместо реального имени *Bernd Schlappner*), сопровождая себя вымышленными символами статусности и богатства:

> „Mein liebstes Stück ist ein Rolls–Royce aus dem ehemaligen Besitz des englischen Königshauses«, gab von Schlappenau mit vor Stolz geschwellter Brust von sich…“
> Leider konnte Berno von Schlappenau dies nicht hundertprozentig versprechen.
> Wie er erklärte, befand sich der Wagen gerade zur Reparatur in England. Und zwar in der Werkstatt, in der auch Prinz Charles Kunde war (*Weber B. Ein Fall für die Schwarze Pfote. Huge auf heißer Spur*).

Текст романов для младшего возраста содержит определения, в том числе эпитеты, с семантикой «загадка», «расследование»: *verdächtig*, *geheimnisvoll*, *rätselhaft*, *merkwürdig*.

В текстах серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» обнаруживается большая концентрация лексических средства, служащих реализации концептов ПРЕСТУПЛЕНИЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ, НАКАЗАНИЕ и пр., образующих концептосферу детектива: *Einbruchsserie*, *Verdächtiger*, *im Gefängnis sitzen*, *j-m*

etw. nachweisen, *j-n überführen*, *j-m auf die Schlichte kommen*, *Diebe und Betrüger*, *j-n erwischen*, *stichhaltige Beweise*, *etw. bewachen*, *j-n auf frischer Tat ertappen*, *j-s Detektivgeist wecken*, *die Polizeisirene*, *das Versteck*.

В текстах присутствуют рифмованные строки:

> Traritraraaa, die Post ist da!" (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Die Jagd beginnt!*)
> Alles gut mit Hut (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Die Jagd beginnt!*)
> Aus der Bahn, Kartoffelschmarrn! (*Weber B. Ein Fall für die Schwarze Pfote. Geld oder Leben!*).

Рифмы присутствуют, среди прочего, в заголовках и выполняют функцию привлечения внимания, придания тексту легкости и разговорности.

Интерактивный характер, а также такой параметр, как диалогичность текста, возникает за счет включения в него непосредственных обращений к читателю, активизирующих его внимание, призывающих к поиску ответов на вопросы, выполнению заданий и проч. В ходе такого интерактивного взаимодействия читатель принимает участие в расследовании, погружаясь в историю:

> Krimirätsel zum Mitraten! (Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Hühnerdieb gesucht.)
> Schau mal, ob du herausfinden kannst, wo der Ganove wohnt! (*там же*)
> In diesem Abenteuer kannst du selbst ein paar Rätsel lösen. Die Lösungen dazu findest du ab Seite 96. Viel Spaß beim Knobeln! (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Vorsicht, Ganoven!*)
> Was ist den Zwillingen wohl aufgefallen? Finde die 8 verdächtigen Dinge im Bild! (*Stronk C. Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer. Vorsicht, Ganoven!*)

Все эти элементы направлены на формирование интереса у читателей, а также на развитие когнитивных способностей детей.

Реализация концептуальных структур. В отношении концептуальной структуры, характерной для детско-юношеского романа, применительно к рассматриваемым сериям детективов, можно отметить следующие особенности:

В серии «Die Jagd nach dem magischen Detektivkoffer» базовая концептуальная структура присутствует в усеченной форме и включает следующие макроконцепты: ЛИЧНОСТЬ, СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ПРИРОДА. В первой книге главным героям исполняется семь лет. В Германии дети идут в школу в шесть лет, однако в данных произведениях мы не находим репрезентаций базового концепта ШКОЛА. Можно предположить, что данный базовый концепт вытеснен из концептуальной структуры за счет наложения концептуальной структуры детективного нарратива. Образ сыщика вытесняет образ школьника, в результате чего смещаются акценты в описании ведущей деятельности.

В романах серии «Ein Fall für die Schwarze Pfote» концептуальная структура представлена в полном виде в форме следующих концептов: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ШКОЛА, УВЛЕЧЕНИЯ, ПРИРОДА, ТРУД.

В связи с подростковым возрастом персонажей и целевой аудитории на первый план выходит концепт ЛИЧНОСТЬ. У героев, расследующих реальные преступления, формируются такие ценные качества, как организованность, ответственность, самостоятельность, уверенность в своих силах, навыки командной работы, смекалка, умение принимать решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкий детективный роман, адресованный детям и подросткам, строится по законам классического детектива и обнаруживает характерную для него концептосферу. Одновременно с этим такой роман содержит типичную для детско-юношеских произведений концептуальную структуру, образованную ключевыми макроконцептами. Эти две структуры гармонично сосуществуют в тексте, что не исключает некоторых случаев смещения акцентов. При этом ключевой макроконцепт ЛИЧНОСТЬ играет ведущую роль в обеих структурах – и в структуре детективной концептосферы в связи с образом сыщика, от решений которого зависит весь ход расследования, и в структуре концептосферы социализации, которая является текстообразующей для романа, адресованного детям и подросткам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тодоров Ц. Поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 37–112.
2. Городникова М. Д. Гендерные аспекты детектива в контексте массовой культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2006. Вып. 518. С. 175–186.
3. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
4. Брехт Б. О литературе. М.: Художественная литература, 1988.
5. Честертон Г. К. Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990.

6. Любимова Н. В. Современный детективный роман. Некоторые тенденции к жанровым модификациям // Диалог культур – Культура диалога: сборник материалов международной научно-практической конференции. 2011. С. 222–226.
7. Терехова М. Б. Структурные особенности современного детективного романа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 555. С. 149–155.
8. Терехова М. Б. Пути развития современных текстов детективного жанра. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 559. С. 159–168.
9. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
10. Теплых Р. Р. Концептосферы английских и русских текстов детективов и их языковое сопоставление: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007.
11. Филистова Н. Ю. Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2007.
12. Hilvert S. Werte und Moralvorstellungen in Kinderkrimis: Dargestellt an Erich Kästners ‚Emil und die Detektive' (1929) und Andreas Steinhöfels, Beschützer der Diebe' (1994). Diplomica Verlag, 2013.

REFERENCES

1. Todorov, C. (1975). Poetics. Structuralism: "for" and "against" (pp. 37–112). (In Russ.)
2. Gorodnikova, M. D. (2006). Gender Aspects of the Detective in the Context of Mass Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 518, 175–186. (In Russ.)
3. Todorov, C. (1999). Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu = Introduction to fantasy literature. Moscow: Dom intellektual'noj knigi. (In Russ.)
4. Brekht, B. (1988). O literature = About literature. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
5. Chesterton, G. K. (1990) Kak sdelat' detektiv = How to make a detective. Moscow: Raduga. (In Russ.)
6. Lyubimova, N. V. (2011). Modern detective novel. Some tendencies towards genre modifications. Dialogue of cultures – Culture of dialogue (pp. 222–226): The digest of articles of an international scientific and practical conference. (In Russ.)
7. Terekhova, M. B. (2008). Structural features of the modern detective novel. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 555, 149–155. (In Russ.)
8. Terekhova, M. B. (2009). Ways of development of modern texts of the detective genre. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 559, 159–168. (In Russ.)
9. Bart, R. (1989). Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika = Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Teplyh, R. R. (2007). Konceptosfery anglijskih i russkih tekstov detektivov i ih yazykovoe sopostavlenie. = Concept spheres of English and Russian texts of detective stories and their language comparison: abstract of Doctorate in Philology. Ufa. (In Russ.)
11. Filistova, N. Yu. (2007). Struktura i semantika detektivnogo narrativa (na materiale tekstov anglijskih i russkih rasskazov= Structure and semantics of a detective narrative (based on the texts of English and Russian stories): abstract of Doctorate in Philology. Tyumen'. (In Russ.)
12. Hilvert, S. (2013). Werte und Moralvorstellungen in Kinderkrimis: Dargestellt an Erich Kästners ‚Emil und die Detektive' (1929) und Andreas Steinhöfels ‚Beschützer der Diebe' (1994). Diplomica Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Привалова Елена Павловна

старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Privalova Elena Pavlovna

Senior Teacher at the Department of Lexicology and Stylistics of German Language
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114-2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_93

Институализация дискурса о французском языке в СМИ Франции (на примере национальной газеты *Le Figaro*)

И. А. Семина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
isemfirs@mail.ru

Аннотация. С XVII века Французская академия является главным институтом, регулирующим нормы французского языка. Однако в последние десятилетия консервативная позиция академии вступила в противоречие с необходимостью отразить в языке социально-экономические изменения во Франции. В результате пресса начинает позиционировать себя в качестве социального института, участвующего в регулировании языковой нормы французского языка. В статье предлагается рассмотреть институализацию медиадискурса о французском языке на примере газеты Le Figaro, создавшей отдельную рубрику, посвященную французскому языку.

Ключевые слова: институализация дискурса, норма, французский язык, медиадискурс, Французская академия, Фигаро

Для цитирования: Семина И. А. Институализация дискурса о французском языке в СМИ Франции (на примере национальной газеты *Le Figaro*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 93–99. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_93

Original article

Institutionalization of the Discourse on the French Language in French Media (based on the National Daily *Le Figaro*)

Irina A. Semina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
isemfirs@mail.ru

Abstract. Since the 17th century, the French Academy has been the main institution regulating standards of the French language. However, over the past few decades, the conservative position of the Academy came into conflict with the need to reflect the social and economic changes in France. As a result, the French press is positioning itself as a social institution involved in regulating the linguistic norm of the French language. The article proposes to examine the institutionalization of media discourse on the French language on the example of the national daily newspaper Le Figaro, which created a separate column devoted to the French language.

Keywords: institutionalization of discourse, norm, the French language, media discourse, the French Academy, Le Figaro

For citation: Semina, I. A. (2023). Institutionalization of the discourse on the French language in French Media (based on the national daily *Le Figaro*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (878), 93–99. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_93

ВВЕДЕНИЕ

С XVII века Французская академия является главным институтом страны, отвечающим за регулирование языковой и литературной нормы французского языка. Следует, однако, отметить, что за последние десятилетия традиционно консервативная позиция академии по сохранению оригинальности французского языка вступила в некоторое противоречие с необходимостью отразить в языке социально-экономические изменения во Франции, в том числе процессы глобализации. Так, отказ академии включить в обновленную версию Словаря французского языка значительное количество новых форм женского рода для обозначения профессий, должностей, титулов и званий привело к появлению в 1986 году правительственного циркуляра, делающего обязательной феминизацию наименований профессий в административном дискурсе. Последняя версия правительственного циркуляра по данной теме датируется 5 мая 2021 года. Появление правительственных циркуляров по феминизации административного дискурса в значительной степени разрушает монополию Французской академии на регулирование языковой и литературной нормы.

Предлагаемая в правительственных циркулярах феминизация наименований профессий получила широкое распространение в научном и медийном дискурсах. В результате французская пресса, традиционно уделявшая значительное внимание французскому языку, начинает всё больше позиционировать себя в качестве социального института, участвующего в регулировании языковой нормы французского языка. В настоящей статье предлагается рассмотреть институализацию медиадискурса о французском языке на примере национальной газеты *Le Figaro*, которая создала отдельную рубрику, посвященную французскому языку.

В статье рассматриваются следующие вопросы:

1) какие изменения (в современном французском языке) и каким образом освещаются в газете;

2) каковы особенности современного медиадискурса о французском языке;

3) какова роль медиадискурса о французском языке в регулировании языковой нормы.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС *LE FIGARO*

Считается, что национальная газета *Le Figaro* отражает точку зрения умеренных правых. Правый дискурс отличается политическими, экономическими и социокультурными ценностными установками, в основе которых лежит представление о Франции как о национальном государстве, предполагающее наличие общей территории, единой национальной идентичности (французской) и одного единственного национального языка (французского). Поскольку в правом дискурсе французский язык приобретает статус нациообразующего, его защите и сохранению уделяется первостепенное значение. Именно этим обстоятельством можно во многом объяснить появление в национальной газете *Le Figaro* отдельной рубрики, посвященной французскому языку. При этом для *Le Figaro* основным и главным источником информации о языке является академический словарь, а также публикации и отчеты Французской академии, которая с XVII века следит за развитием французского языка, фиксирует его состояние и утверждает языковую норму. Влияние Французской академии на лингвистический дискурс *Le Figaro* настолько значительно, что порой информационно-просветительские статьи об особенностях тех или иных лексических единиц и выражений полностью сводятся к простому цитированию академического словаря. Следует при этом отметить, что в последние десятилетия пресса левого толка подвергает критике консервативную политику Французской академии по отношению к новообразованиям, особенно в области иностранных заимствований, о которых и пойдет речь в настоящей статье.

Последние публикации *Le Figaro* по поводу иностранных заимствований посвящены выводам, которые представлены в отчете комиссии Французской академии, созданной в январе 2020 года для изучения употребления англицизмов в институциональном дискурсе. В опубликованных *Le Figaro* выводах комиссии (в состав которой входят Г. Де Брольи, Ф. Деле, Д. Сальнав, Д. Бона, А. Маалоф и М. Эдвардс) подчеркивается, что особое опасение Французской академии вызывает всепроникающая англицизация французского языка, оказывающая деструктивное воздействие как на его грамматический строй, так и на языковые нормы в целом. По мнению авторов отчета, англицизация приводит к размыванию смысла слов и затрудняет их нормативное функционирование в дискурсе. В качестве примера приводится употребление частичного калькирования английских выражений в сочетании с французскими терминами « *let's cagnotte* » и « *drive piétons* », которые члены комиссии определяют как «трудно определяемые лексические химерные образования» (« *chimères lexicales composites assez indéfinissables* » [Marin, 2022]). Обеспокоенность вызывает также отсутствие единых орфографических норм при воспроизведении англицизмов (встречаются « *startup* » и

« *starups* », « *data* » и « *Data* ») [Marin, 2022, URL], что, по мнению членов комиссии, оказывает определенное негативное воздействие на синтаксис и в целом на саму структуру французского языка. Всё это приводит к тому, что на смену характерной для французского языка ясности высказывания приходит невнятный и расплывчатый дискурс. Более того, по мнению членов Французской академии, англицизация французского языка приводит к реальному неравенству в обществе: « *Le vocabulaire anglo-américain est souvent considéré à tort comme bien connu du public en général, alerte l'Académie, il ne touche qu'une frange réduite, privilégiée, éduquée, de la population et provoque une insécurité linguistique* » («*Англо-американские термины часто ошибочно рассматриваются как хорошо известные широкой публике, на самом деле, предупреждает Академия, они понятны лишь ограниченной, привилегированной, образованной части населения и способны вызвать состояние лингвистической неуверенности*») [там же]. *Le Figaro* цитирует в этой связи полученные в 2020 году результаты исследования, проведенного научно-исследовательским центром по изучению и наблюдению за условиями жизни (Crédoc): « *47 % des Français se déclarent agacés ou hostiles aux messages publicitaires comportant des mots anglais* » («*У 47% французов содержащая английские слова реклама вызывает раздражение или враждебность*») [там же]. Французская академия предупреждает, что массовое и неустоявшееся употребление англицизмов способно нанести ущерб языковой идентичности и в конечном счете будущему французского языка. Именно поэтому Французская академия считает необходимым противостоять языковой униформизации, неизбежно приводящей к упрощению мысли.

Le Figaro в целом разделяет озабоченность Французской академии по поводу злоупотребления англицизмами в институциональном дискурсе. Так, журналистка газеты А. Девле [Develey, 2022a] уподобляет некоторых носителей институционального дискурса (к которым относятся сотрудники мэрий, университетов, музеев, официальных сайтов, государственных или частных предприятий) жеманному врачу Диафуарису, персонажу знаменитой пьесы Мольера «Мнимый больной», злоупотреблявшему в своей речи совершенно непонятными больным латинскими терминами и формулировками, чтобы скрыть собственную профессиональную несостоятельность.

Интересно отметить, что газета *Le Point*, информируя читателей об отчете специальной комиссии, посвященном использованию англицизмов в институциональном дискурсе, ссылается не на материалы Французской академии, а на статьи журналистов *Le Figaro*. Данный факт позволяет, на наш взгляд, заключить, что:

во-первых, лингвистический дискурс *Le Figaro* строится на академической основе;

во-вторых, журналистское сообщество допускает наличие у *Le Figaro* собственного институализированного дискурса о французском языке.

ПОЗИЦИЯ *LE FIGARO* ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Le Figaro полагает, что существующее в настоящее время законодательство в области защиты французского языка не в состоянии эффективно противостоять его англицизации. 14 февраля 2022 года журналистка газеты А. Девле опубликовала на данную тему статью с красноречивым заголовком: « Franglais: une législation impuissante face à la vague » (« Англицизация французского языка: законодательство против нее бессильно ») [Develey, 2022b]. В качестве эпиграфа к своей статье журналистка выбрала не менее выразительную цитату, опубликованную в *Le Figaro*: « Dans le fait donc, le tout anglais est roi et ne connaît décidément pas loi » («На самом деле английский язык царит везде и, определенно, законы ему не писаны») [там же].

В обоснование своей позиции А. Девле излагает в краткой форме историю законодательных актов, противодействующих англицизации французского языка. В первую очередь журналистка упоминает закон об использовании французского языка от 31 декабря 1975 года. Данный законодательный акт, известный также как закон Ба-Лориоля, был направлен прежде всего на защиту прав французских граждан на использование национального языка в коммерческой и трудовой сферах. Он обязывал использовать французский язык в рекламе, инструкциях по применению товаров, гарантийных обязательств на товары и услуги, а также в чеках и квитанциях. Согласно закону Ба-Лориоля, французский язык стал обязательным при составлении контрактов на работу. Кроме того, все надписи на общественных зданиях и в общественном транспорте также должны быть выполнены исключительно на французском языке.

Закон об использовании французского языка от 4 августа 1994 года, известный под именем его создателя Тубона, был направлен на закрепление официального статуса французского языка во всех сферах государственной деятельности. Он, в частности, обязывал использовать французский язык на государственном уровне в области образования, трудовой деятельности, общественных

коммуникаций и предоставления услуг. Согласно данному закону, все государственные деятели и лица, состоящие на государственной службе, обязаны употреблять в своей речи официально признанные термины.

Вместе с тем А. Девле подчеркивает, что в эпоху глобализации трудно противостоять гегемонии английского языка даже в государственных сферах. Например, в 2013 году был принят закон Фиоразо, благоприятствующий использованию английского языка в области высшего образования и научных исследований. На принятии данного закона настаивали сами исследователи и преподаватели высшей школы, объясняя свою позицию доминированием в научной сфере англо-саксонских престижных университетов и журналов. В мае 2013 года М.-Э. Пеш опубликовала в *Le Figaro* статью под названием « *Anglais à la fac: un enjeu crucial pour l'enseignement universitaire* » («*Преподавание на английском языке – важнейшая задача в области высшего образования*») [Pech, 2013, URL]. В статье, в частности, подчеркивалось, что преподавание на английском языке призвано привлечь во Францию существенно большее количество иностранных студентов.

Закон Тубона не всегда соблюдается и в сфере оказания государственных услуг. Например, крупнейшие французские компании мирового уровня, такие как *Французские авиалинии* (*Air France*), почта Франции или энергогенерирующая компания EDF, все больше ориентируются в своих рекламных и информационных текстах на англоязычных потребителей. Так, компания *Французские авиалинии* представляет клиентам альянс « *skyteam* », почта Франции предлагает услуги « *pickup station* », а книжный магазин FNAC – « *french days* ». Национальная компания французских железных дорог SNCF обращается к потенциальным клиентам с вопросом, звучащим как призыв: « *Alors, ready to Ouigo?* » [Develey, 2022a].

По мнению Ж. Тубона, решение конституционного совета о том, что разработанный им закон противоречит свободе мысли и слова, способствовало существенному увеличению количества англицизмов в рекламном и медийном дискурсах [Feltin-Palas, 2019]. А. Девле разделяет данную точку зрения, отмечая в своей статье, что термины «коварного Альбиона» (« *perfide Albion* ») вытесняют французские слова, особенно в области рекламы и коммуникаций. В качестве примеров А. Девле приводит употребление следующих английских слов и выражений: « *benchmark* » (test de performance), « *teasing* » (taquinerie), « B to B » (l'ensemble de relations commerciales entre deux entreprises), « *brend content* » (contenu de marque, programme de marque) [Develey, 2022b].

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ *LE FIGARO* СОБСТВЕННОГО ДИСКУРСА О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Нам представляется, что создание газетой *Le Figaro* отдельной рубрики, посвященной французскому языку, во многом обусловлено стремлением институализировать свой собственный лингвистический дискурс, значительно более умеренный и компромиссный по сравнению с академическими и государственными нормативными актами.

Стремясь как можно полнее и объективнее отразить и осмыслить процесс проникновения англицизмов во французский язык, *Le Figaro* пытается представить его в разных дискурсивных полях. В первом разделе настоящей статьи речь шла о критическом отношении *Le Figaro* к злоупотреблению англицизмами во французском языке. Вместе с тем в газете публикуются статьи, в которых употребление англицизмов оправдывается с семантических или стилистических позиций.

Общеизвестно, что в ряде случаев французский эквивалент имеет слишком расплывчатый смысл и не передает всех семантических нюансов англицизма. Встречаются случаи, когда значение англицизма невозможно передать одним единственным французским словом. Журналистка *Le Figaro* М. де Жестас приводит в качестве примера данного явления английскую лексему «killfie», имеющую в своем составе два корня « *to kill* » (tuer) и « *selfie* » [De Gestas, 2022a].

Та же журналистка оправдывает употребление англицизмов по стилистическим соображениям, анализируя употребление англицизмов в художественной литературе на примере М. Пруста и М. Уэльбека [De Gestas, 2022b].

В эпоху написания М. Прустом цикла романов «В поисках утраченного времени» англомания была в моде, а употребление англицизмов считалось в парижских салонах признаком утонченной изящности. Одетта де Креси, дама полусвета, затем жена Шарля Свана, насыщает свою речь английскими словами и выражениями, наивно полагая, что в этом и заключается настоящий парижский шик. В первой книге цикла Одетта прибегает к английскому выражению для собственной характеристики: « *Vous savez que je ne suis pas fishing for compliments* » [там же]. В переводе Н. Любимова англицизмы сохранены: «*Вы же знаете, I'm not fishing for compliments*» [Пруст, 2010, с. 212]. Позже Одетта просит Свана пригласить ее к себе домой (« *son home* »), использует по отношении к нему обращение « *my love* », чтобы погасить его ревность, сожалеет о невзрачности квартала (« *si peu smart* »), в котором живет [De Gestas, 2022b].

Использование языка Шекспира в собственных художественных произведениях характерно и для творчества современного писателя и поэта М. Уэльбека. Журналистка *Le Figaro* М. де Жестас приводит в качестве примера цитату из сборника стихов « *Confirmation du dernier rivage* » («*Очертания последнего берега*»): « *Tu te cherches un sex-friend, / Vieille cougar fatiguée / You are approaching the end, / Vieil oiseau mazouté* » [De Gestas, 2022b]. Журналистка отмечает, что из всех употребленных в цитируемых строфах англицизмов, в малом Ларуссе (le petit Larousse) представлена лишь лексема «cougar» (« *cougouar* » или « *couguar* »), означающая «женщина зрелого возраста в поисках мужчин значительно моложе себя с целью обольщения» [там же]. Данная лексема, ставшая популярной в 2010 году, через четыре года была внесена в малый Ларусс вместе с глаголом « *gougliser* » (гуглить). В своей статье М. де Жестас приводит также цитату из интервью 1999 года, в котором М. Уэльбек объясняет использование англицизмов в своем творчестве: « *Il faut regarder les chosesd'autant de points de vue différents que possible pour pouvoir les saisir vraiment. J'ai essayé d'appliquer son idée* [*celle de Bohr*] *de la complémentarité à la littérature: comme on ne peut pas trouver la langue, il faut combiner des registres liguistiques différents* » (« *Houellebecq polyglotte* », *de Samuel Estie*) («*Необходимо рассматривать вещи с как можно большего количества разных точек зрения, чтобы по-настоящему их понять. Я попытался применить его* [*Бора*] *идею комплементарности в литературе. Поскольку одного языка недостаточно, необходимо сочетать разные лингвистические регистры*» (*Самюэль Эсти.* «*Уэльбек-полиглот*») [там же].

М. де Жестас подчеркивает, что стремительно возрастающее употребление англицизмов не представляет собой недавно появившуюся тенденцию во французском языке. Так, довоенное поколение французов и бейби-бумеры, родившиеся между 1943 и 1966 годами, в полной мере отдали дань этому явлению, воздавая должное англо-саксонской модели управления. Большая часть используемых в те времена англицизмов в настоящее время воспринимаются как устаревшие или вовсе были вытеснены их французскими эквивалентами.

В статье от 25 января 2022 года М. де Жестас рассматривает пять англицизмов, которые, по ее мнению, перестали употребляться во французском языке.

1) В 1920-е годы выражение « *aller au dancing* » было настолько употребительным, что попало во французские словари. « *Le dancing* » представляет собой сокращенный вариант английской лексемы «*dancing house*», буквально означающей « *maison de danse* » (танцевальный дом). Во Франции он обозначал, согласно тезаурусу французского языка, любое открытое для публики танцевальное заведение. Как отмечает тот же тезаурус, употребление данного англицизма существенно сократилось после 1945 года [De Gestas, 2022c]. В настоящее время он полностью вытеснен французской лексемой « *boîte* ».

2) Аналогичным образом французская лексема « *muscu* » (сокращенная форма от « *musculation* ») вытеснила ставший устаревшим англицизм «*body-building*». Французским эквивалентом для обозначения данного вида спорта является термин « *culturalisme* ».

3) Англицизм «*surprise party*», фигурирующий в тезаурусе французского языка с пометкой «*устаревший*» [там же], в настоящее время полностью исчез из употребления. Данный англицизм при его появлении во французском языке в 1892 году имел определенный налет запретного. К концу XIX века он стал обозначать импровизированную праздничную встречу в гостях у непредупрежденных хозяев, на которую приносятся закуски и напитки [там же]. В 1970-х годах данный англицизм, как свидетельствует тезаурус [там же], употреблялся для обозначения частной танцевальной вечеринки как с угощением, так и без него. Позже на смену «*surprise party*» пришел англицизм «*surboom*», а затем и его сокращенный вариант «*boom*», орфография которого была позже заменена на « *boum* ». Для обозначения данного понятия современное молодое поколение употребляет французские лексемы « *soirée* » (вечеринка), « *fête* » (праздник) или « *teuf* » праздник на молодежном сленге верлан).

4) Англицизм «*teenager*» широко употреблялся в 80-е годы XX века, но в настоящее время практически исчез из употребления, вытесненный французской лексемой « *adolescent* » (подросток), особенно ее сокращенным вариантом « *ado* ». Согласно словарю Робер (Le Robert), англицизм «*teenager*» является устаревшим [там же].

5) В настоящее время англицизм «*jogging*» обозначает прежде всего спортивные брюки, хотя еще совсем недавно он переводился как «бег», «пробежка». Англицизм «*jogging*» в значении «бег» активно заменяется французским выражением « *aller courir* ».

Как видно из вышесказанного, французский язык, как и любой другой, представляет собой сложную саморегулирующуюся и саморазвивающуюся систему. Способность языка к саморегулированию в значительной степени ограничивает возможности его регулирования извне, осуществляемого академическими или правительственными институтами. В силу своей полидискурсивности медийное пространство позволяет выявить

и проследить как саморазвитие языка, так и его регулирование извне. Именно эта способность прессы приводит ее к институализации собственного дискурса о языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение кратко сформулируем основные выводы работы:

1. В силу своей полидискурсивности медийное пространство позволяет выявить и проследить как саморазвитие языка, так и его регулирование извне. Именно эта способность прессы приводит ее к институализации собственного дискурса о языке.

2. Появление в национальной газете *Le Figaro* отдельной рубрики, посвященной французскому языку, обусловлено социокультурными установками, в основе которых лежит представление о нациообразующем статусе государственного языка, защите и сохранению которого должно уделяться первостепенное значение.

3. Для *Le Figaro* основным и главным источником информации о языке является академический словарь, а также публикации и отчеты Французской академии, оказывающей определяющее влияние на лингвистический дискурс газеты.

4. По мнению *Le Figaro*, существующее в настоящее время законодательство в области защиты французского языка, а также разрабатываемые Французской академией языковые нормы не в состоянии эффективно противостоять его англицизации.

5. Создание газеты *Le Figaro* отдельной рубрики, посвященной французскому языку, во многом обусловлено стремлением институализировать свой собственный лингвистический дискурс, значительно более умеренный и компромиссный по сравнению с академическими и государственными нормативными актами. Стремясь как можно полнее и объективнее отразить и осмыслить процесс проникновения англицизмов во французский язык, *Le Figaro* пытается представить его в разных дискурсивных полях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Marin L. L'Académie française très inquiète de l'explosion du franglais. Le Point: 15.02.2022. URL: https://www.lepoint.fr/societe/l-academie-francaise-tres-inquiete-de-l-explosion-du-franglais-15-02-2022-2464939_23.php
2. Develey A. Franglais: l'Académie tire la sonnette d'alarme. Le Figaro. 14.02.2022a. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/franglais-l-academie-tire-la-sonnette-d-alarme-20220214
3. Develey A. Franglais: une législation impuissante face à la vague. Le Figaro. 14.02.2022b. URL: https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/franglais-une-legislation-impuissante-face-a-la-vague-20220214#:~:text=ENQU%C3%8ATE%20%2D%20Depuis%201994%2C%20la%20loi,ne%20datent%20pas%20d'hier
4. Pech M.-E. Anglais à la fac : un enjeu crucial pour l'enseignement universitaire. Le Figaro. 15.05.2013. URL: https://etudiant.lefigaro.fr/les-news/actu/detail/article/anglais-a-la-fac-un-enjeu-crucial-pour-l-enseignement-universitaire-1886/
5. Feltin-Palas M. Langue française : les apports et les failles de la loi Toubon. L'Express. 02.07.2019. URL: https://www.lexpress.fr/culture/langue-francaise-les-failles-de-la-loi-toubon_2087162.html
6. De Gestas M. Cinq mots étrangers qui nous font (cruellement) défaut. Le Figaro. 28.01.2022a. URL: https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/cinq-mots-etrangers-qui-nous-font-cruellement-defaut-20220128
7. De Gestas M. Ces anglicismes qui ont séduit nos plus grands écrivains. Le Figaro: 21.02.2022b.URL: https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/ces-anglicismes-qui-ont-seduit-nos-plus-grands-ecrivains-20220221
8. Пруст М. По направлению к Свану. Под сенью девушек в цвету. М.: ЭКСМО, 2010.
9. De Gestas M. Cinq anglicismes qui ont totalement disparu du français. Le Figaro: 25.01.2022c. URL: https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/cinq-anglicismes-qui-ont-totalement-disparu-du-francais-20220125

REFERENCES

1. Marin, L. (2022). L'Académie française très inquiète de l'explosion du franglais. Le Point: 15.02.2022. https://www.lepoint.fr/societe/l-academie-francaise-tres-inquiete-de-l-explosion-du-franglais-15-02-2022-2464939_23.php
2. Develey, A. (2022a). Franglais: l'Académie tire la sonnette d'alarme. Le Figaro. 14.02.2022. https://www.lefigaro.fr/actualite-france/franglais-l-academie-tire-la-sonnette-d-alarme-20220214
3. Develey, A. (2022b). Franglais: une législation impuissante face à la vague. Le Figaro. 14.02.2022. https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/franglais-une-legislation-impuissante-face-a-la-vague-

20220214#:~:text=ENQU%C3%8ATE%20%2D%20Depuis%201994%2C%20la%20loi,ne%20datent%20pas%20d'hier
4. Pech, M.-E. (2013). Anglais à la fac : un enjeu crucial pour l'enseignement universitaire. Le Figaro: 15.05.2013. https://etudiant.lefigaro.fr/les-news/actu/detail/article/anglais-a-la-fac-un-enjeu-crucial-pour-l-enseignement-universitaire-1886/
5. Feltin-Palas, M. (2019). Langue française : les apports et les failles de la loi Toubon. L'Express :02.07.2019. https://www.lexpress.fr/culture/langue-francaise-les-failles-de-la-loi-toubon_2087162.html
6. De Gestas, M. (2022a). Cinq mots étrangers qui nous font (cruellement) défaut. Le Figaro: 28.01.2022. https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/cinq-mots-etrangers-qui-nous-font-cruellement-defaut-20220128
7. De Gestas, M. (2022b). Ces anglicismes qui ont séduit nos plus grands écrivains. Le Figaro: 21.02.2022. https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/ces-anglicismes-qui-ont-seduit-nos-plus-grands-ecrivains-20220221
8. Prust, M. (2010). Po napravleniyu k Svanu. Pod sen'yu devushek v tsvetu = Towards Svan. Under the shadow of girls in bloom. Moscow: EKSMO.
9. De Gestas, M. (2022c). Cinq anglicismes qui ont totalement disparu du français. Le Figaro: 25.01.2022. https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/cinq-anglicismes-qui-ont-totalement-disparu-du-francais-20220125

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’44:811.131.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_100

Конструкции с глаголом «andare» в итальянском языке. Перифраз, псевдокоординация или сериализация?

Скалия Давиде

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
davide.scalia@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается анализ глагольных структур итальянского языка с использованием глагола andare с целью их классификации в одну из следующих категорий: глагольные перифразы, псевдокоординация или глагольные сериальные конструкции. Объяснив принципы, по которым были исследованы и проанализированы различные конструкции, мы пришли к выводу, что итальянские глагольные конструкции, использующие глагол andare, могут быть идентифицированы как глагольные перифразы или частные случаи паратактических конструкций.

Ключевые слова: лингвистическая типология, итальянский язык, глагольные структуры, глагольные перифразы, псевдокоординация, глагольные сериальные конструкции

Для цитирования: Скалия Д. Конструкции с глаголом «andare» в итальянском языке. Перифраз, псевдокоординация или сериализация? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 100–106. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_100

Original Article

Constructions with the Verb “Andare” in Italian. Paraphrase, Pseudo-Coordination or Serializations?

Davide Scalia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
davide.scalia@mail.ru

Abstract. The article proposes an analysis of Italian verbal structures using the verb andare in order to classify them into one of the following categories: verbal paraphrases, pseudo-coordination or serial verbal constructions. After explaining the principles by which various constructions were researched and analyzed, we came to the conclusion that Italian verb constructions using the verb andare can be identified as verbal paraphrases or special cases of paratactic constructions.

Keywords: linguistic typology, Italian language, verbal structures,verbal paraphrases, pseudo-coordination, serial verb constructions

For citations: Scalia, Davide. (2023). Constructions with the verb “andare” in italian. Paraphrase, pseudo-coordination or serializations? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 100–106. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_100

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье мы сосредоточимся на типологии глагольных структур с использованием глагола *andare* в итальянском языке и в результате тщательного анализа попытаемся классифицировать найденные нами структуры, разделяя их на подгруппы.

Актуальность нашего исследования обусловлена растущим интересом к сериальным глагольным конструкциям в типологической перспективе.

Сериальные глагольные конструкции достаточно хорошо описаны в языках Западной Африки, Юго-Восточной Азии, Океании и Новой Гвинеи, а также в креольских языках. Однако в европейских и, в частности, романских языках эта область до сих пор остается практически неисследованной. В этом состоит ***научная новизна*** работы.

По определению А. Ю. Айхенвальд, *глагольная сериальная конструкция*, или глагольная сериализация, представляет собой последовательность глаголов, которые действуют вместе как один предикат, без каких-либо явных маркеров координации, подчинения или синтаксической зависимости любого другого рода [Aikhenvald & Dixon, 2006]. Термин «*Serial Verb Constructions*» постепенно был расширен для охвата других подобных явлений – сначала в ареально близких и генетически родственных языках, таких как креольские языки атлантического региона. При каждом использовании термина в контексте рассматриваемых языков существует опасность того, что первоначальное значение термина может измениться, поскольку определяющие свойства, применимые в исходных языках, не имеют значения в новом языке [Haspelmath, 2016]. Расширяя поле исследования по теме глагольных сериальных конструкций, необходимо найти компромиссы, которые соответствуют каждому новому изучаемому языку.

Для получения более полной картины того, что касается глагольной сериальной конструкции, целесообразно представить два других понятия, которые в лингвистике часто ассоциируются с глагольными сериальными конструкциями. Речь идет о понятиях «квазисериальные глагольные конструкции» и «псевдокоординация». Эти два понятия в какой-то степени берут свое начало от определения глагольных сериальных конструкций, но немного изменяют критерии, продиктованные определением А. Ю. Айхенвальд. «Квази-сериальные глагольные конструкции», по мнению Йейтса и Пуллума, состоят из двух моноклаузальных глаголов, первый из которых (V1) означает «приходить» или «идти» (а для некоторых говорящих – «бежать» или «спешить») [Yates, 2014; Pullum, 1990]. Оба глагола, V1 и семантически неограниченный V2, должны быть в повелительном наклонении или же в форме, идентичной его основе, т. е. в английском языке речь идет о таких глаголах в неизменяемой (базовой) форме, используемой в инфинитиве, в сослагательном наклонении и в конструкциях с вспомогательными или модальными глаголами, а также имеются в виду все формы настоящего времени глагола, кроме 3-го лица единственного числа.

Псевдокоординация, в свою очередь, – это сложное сказуемое из двух глаголов, включающее легкий глагол[1] и основной глагол, соединенные частицей, происходящей / грамматизированной от сочинительного союза «*и*» [Ross, 2016].

Среди рассматриваемых нами глагольных структур следует также сказать о *глагольных перифразах*, при которых два глагола находятся в прямой последовательности (например, ит. *stare* + *gerundio*: *sto leggendo*) или соединяются предлогом (например, ит. *continuare* + *a* + *infinito*: *continuo a leggere*) [Renzi, Salvi & Cardinaletti, 2001].

В данной статье будут описаны результаты проверки нашей рабочей гипотезы. Она заключается в том, что глагольные конструкции, содержащие итальянский глагол *andare*, можно разделить на вышеуказанные типы согласно определенной дистрибуции.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Для эффективной работы над нашим исследованием мы в основном использовали метод дистрибутивного анализа и метод дистрибутивно-статистического анализа.

Дистрибутивный анализ и дистрибутивно-статистический анализ являются методами изучения структуры естественного языка. Эти методы используются для анализа того, как слова используются в текстах и как они связаны друг с другом [Комарова, 2022].

Дистрибутивный анализ основывается на анализе частотности употребления слов в контексте других слов. Этот метод позволяет определять семантические категории и группы слов на основе их схожей дистрибуции. Дистрибутивно-статистический анализ использует статистические методы для изучения связей между словами. Он основывается на статистическом анализе корпуса текстов для определения частоты употребления слов в контексте других слов. Например, для

[1] *Легкий глагол* – это глагол, который сам по себе имеет небольшое семантическое содержание и образует сказуемое с некоторым дополнительным выражением, обычно именем или глаголом. Другие названия легкого глагола: *делексический глагол* или *семантически слабый глагол*.

определения того, какие слова чаще всего употребляются вместе, может использоваться метод ассоциации слов, который определяет вероятность того, что слова будут употреблены вместе. Для дистрибутивно-статистического анализа используются различные алгоритмы и статистические методы, такие как кластерный анализ, факторный анализ и тематическое моделирование. Эти методы позволяют находить связи между словами в больших объемах текстов [Арнольд, 2018].

Дистрибутивный анализ и дистрибутивно-статистический анализ имеют широкое практическое применение в области обработки естественного языка. Они используются для анализа больших корпусов текстов, определения семантических связей между словами, автоматического перевода и поиска информации. Эти методы также могут использоваться для анализа социолингвистических данных, таких как употребление слов в разных регионах и группах населения [там же].

Вышеупомянутые методы были применены к анализу различных контекстов употребления глагольных конструкций с глаголом *andare*. Собранный эмпирический материал был взят из различных корпусов итальянского языка. Корпуса, из которых был получен эмпирический материал:

- **PAISA** (*https: //www.corpusitaliano.it*) – корпус текстов, состоящий из коллекции около 380 тыс. итальянских документов, взятых из Интернета.
- **CORIS** (*https: //corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html*) – корпус письменного итальянского языка; содержит 130 млн слов из художественных текстов, академической прозы, юридической прозы, печати.
- **TLIO** (*http: //tlio.ovi.cnr.it/TLIO/*) – очень богатый текстовый корпус, содержащий более 2 тыс. текстов, работа над лемматизацией которых всё еще продолжается.
- **BIBLIOTECA ITALIANA** (*http://www.biblioteca-italiana.it/catalogo*) – электронная библиотека репрезентативных текстов итальянской культурной и литературной традиции от Средневековья до XX века, в каталоге более 3,5 тыс. наименований.

Отобранные материалы представляют собой взвешенный выбор структур, различающихся на диахроническом уровне (как примеры, относящиеся к современному неостандартному итальянскому языку, так и примеры, относящиеся к итальянскому языку других эпох и исторических контекстов) и на синхроническом (примеры представляют языковые разновидности *italiano parlato* (разговорной речи), *italiano scritto* (письменной речи) и *italiano trasmesso*[1] (речи итальянских СМИ как смеси устной и письменной речи).

Целью нашего исследования является выявление и классификация конструкций с глаголом *andare*, в соответствии с целью мы должны решить ряд задач. Нашей первой задачей является исследование, выбор и проработка эмпирического материала, полученного из отобранных корпусов. Собранный эмпирический материал необходимо разделить в первую очередь на подгруппы, соответствующие выполняемой языковой функции, и лишь потом на различные виды сериализации, вышеупомянутые в первом абзаце этой статьи. Для предоставления более подробных данных в некоторых случаях при анализе мы можем проводить сравнения со структурами других романских языков или латыни.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное нами исследование показало, что в итальянском языке в основном четыре глагольные конструкции, в которых присутствует глагол *andare*.

Первая структура, наиболее распространенная, выглядит следующим образом:

глагол$_1$ (*andare*) + *сочинительный союз* (*e*) + *глагол*$_2$

(1) TIR nottetempo andavano e tornavano dalla cava (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/600/6001488*).

TIR	nottetempo	and-a-v-ano	e
грузовик: MPL	ночь: ADV	идти-CM-PIMPF-3PL	и:CNJ

torn-a-v-ano	da-ll-a	cava
идти-CM-PIMPF-3PL	из:PREP:SEP-ART:DF-FSG	карьер:FSG

Грузовики ездили в карьер и обратно ночью.

(2) Da Belgrado dove era andato e (era) rimasto fino al 1934 si spostò a Parigi (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/107/1073102*).

Da	Belgrado	dove	
из:PREP:SEP	Белград	где:REL	быть:AUX:PIMPF-3SG

[1] «*Ma cosa s'intende per italiano trasmesso? «È uno specifico italiano, diffuso dai mezzi di comunicazione di massa, sia quelli audiovisivi sia quelli scritti, come i giornali. Con questa etichetta (coniata da Francesco Sabatini, presidente onorario della Crusca), si intende un italiano sospeso tra oralità e scrittura*» [D'Achille. L'italiano contemporaneo. Bologna: il Mulino, 2010, с. 31]. – Но что подразумевается под передаваемым итальянским языком? Это специфический итальянский язык, распространяемый средствами массовой коммуникации, как аудиовизуальными, так и письменными, такими как газеты. Под этим термином (предложенным Франческо Сабатини, почетным президентом Crusca) мы имеем в виду итальянский язык, который находится между устной и письменной речью. Зд. и далее перевод наш. – *С. Д.*

and-a-to	e	(er-a)
	и:CNJ	быть:AUX:PIMPF-3SG

rim-as-to	fino	a-l
остаться-CM-P.ANT:MSG	до:ADV	к:PREP:AR-ART:DF

spost-ò	a	Parigi
	к:PREP:AND	Париж

Из Белграда, куда он уехал и где жил до 1934 года, он переехал в Париж.

(3) Si va e si gioca sempre per la vittoria (https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/700/7002083)

Si	v-a	e	si
IMPERS	идти:PRES-3SG	и:CNJ	IMPERS

gioc-a	sempre	e	per
играть:PRES-CM:3SG	всегда:ADV	и:CNJ	для:PREP-TER

l-a	vittoria
ART:DF-FSG	победа:FSG

букв.: Всегда надо идти и играть для победного конца.

(4) Io vado e firmo. (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/780/7808454*)

Io	vad-o	e	firm-o
Я	идти-PRES:1SG	и:CNJ	подписать-PRES:CM:1SG

Я пойду и поставлю подпись.

Анализируя примеры, можно с уверенностью сказать, что данная конструкция является частным случаем сочинения, так как глагол *andare* и *глагола*$_2$ имеют одно и то же подлежащее, они спрягаются в одном и том же времени[1], однако глагол *andare* во всех конструкциях нельзя назвать «легким» глаголом, так как во всех примерах он сохраняет свое денотативное значение.

Вторая структура, которую мы нашли в корпусах, – это *глагол*$_1$ (andare) + *предлог* (a) + *глагол*$_2$ в инфинитиве.

(5) Andiamo ad ascoltare la canzone di Marco Mengoni. (*https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/andiamo-a-servire-la-risposta/1103*)

And-iamo	ad	ascolt-a-re	l-a
идти-PRES:1PL	идти-PRES:1PL	слушать-CM-INF	ART:DF-FSG

canzon-e	di	Marco	Mengoni
песня-FSG	PREP:GEN	Марко:FN:M	Менгони:LN

Пойдем послушаем песню Марко Менгони.

(6) Andiamo a cominciare la lezione (https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/andiamo-a-servire-la-risposta/1103)

And-iamo	a	cominci-a-re	l-a
идти-PRES:1PL	k:PREP:AND	начать-CM-INF	ART:DF-FSG
lezione			
урок-FSG			

букв.: Идем начинать урок.

(7) I personaggi famosi vanno a visitare il quartier generale (https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/601/6014944).

I	personagg-i	fam-os-i	v-anno
ART:DF:MPL	человек-MPL	известность-ADJZ-MPL	идти-PRES:3PL
a	visit-a-re	il	quartier-e
k:PREP:AND	посещать-CM-INF	ART:DF:MSG	квартал-MSG
general-e			
главный-MSG			

букв.: Известные люди идут посетить штаб.

(8) *Max la lascia per andare a cercare fortuna (https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/601/6014944)*

Max	l-a	lasci-a	
Макс:FN:M	ee:PRON:DOBJ-FSG	оставлять- PRES:CM:3PS	

per	and-a-re	a	cerc-a-re
чтобы:CNJ:TER	идти-CM-INF	k:PREP:AND	искать-CM-INF
fortun-a			
счастье-FSG			

букв.: Макс покидает ее, чтобы отправиться на поиски счастья.

Конструкция *andare* + *a* + *глагол*$_2$ входит в состав так называемых имманентных перифраз, помещающих событие, которое еще не произошло, но произойдет в ближайшее время. В итальянском есть несколько перифраз со смыслом ближайшего будущего (*stare per / essere in procinto di / essere sul punto di / accingersi a + infinito*), но нет конструкций, которые должным образом указывают на ближайшее будущее или недавнее прошлое. В *andare* + *a* + *временной смысл* (примеры 5, 6) заменяет пространственный (примеры 7, 8), и конструкция приобретает альтернативное актуальному морфологическому будущему значение: смысл будущего действия становится единственно возможным или во всяком случае доминирующим над смыслом, связанным с перемещением. Отсюда и то недоумение, которое мы можем испытывать перед этой конструкцией. Распространение этой конструкции представляется типичным для последних лет. Еще в начале 2000-х для данного типа речевого оборота можно было обнаружить отсутствие

[1]Важно обратить внимание читателя на то, что в приведенных примерах глагол *to go* предлагается как в простых, так и в сложных временах.

семантического смещения из пространственного плана в план временной. Поэтому в научной литературе мы фиксируем отсутствие определения конструкции *andare* + *a* + *глагол*$_2$ как аналитической формы грамматикализованного будущего [Amenta, Strudsholm, 2002]. Здесь мы обнаруживаем существенные различия с некоторыми романскими языками, такими как испанский (9) и французский (10), где эта аналитическая глагольная структура грамматикализована.

(9) Creo que voy a estudiar (*глагол*$_1$ *(ir)* + *предлог* (*a*) + *глагол*$_2$)

(10) *Je vais faire un peu du sport* (*глагол*$_1$ (*aller*) + *глагол*$_2$)

Третьей часто встречающейся глагольной структурой является следующая: *глагол*$_1$(*andare*) + *глагол*$_2$ *в форме причастия прошедшего времени.*

Ниже мы приводим несколько примеров:

(11) Si suppone che l'appello vada fatto individualmente (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/711/7115923*).

Si		che	l'
IMPERS	полагать-CM-PRES:3SG	что-CNJ	ART:DF:MSG

appell-o	va-d-a	fa-tt-o
апелляция:MSG	идти- CONJ:PRES-3sg	делать-PPF-MSG

individu-al-mente
индивидуум-ADJZ-ADV

букв.: Апелляция должна подаваться индивидуально.

(12) In quest'ottica va letto il comunicato ufficiale (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/762/7620061*).

In	quest'	ottica	v-a
в:PREP:ABL	это:DEM:FSG	точка.зрения	идти:PRES-3PS

le-tt-o	il	comunicat-o
читать-PPF-MSG	ART:DF:MSG	сообщение-MSG

ufficial-e
оффициальный-MSG

Официальный пресс-релиз следует рассматривать именно с этой точки зрения.

Анализируя приведенные примеры, можно сказать, что данная конструкция выполняет функцию пассива с добавлением модального значения «необходимость» и «обязанность». В итальянском языке эту функцию может выполнять пассивная форма модального глагола *dovere*, за которым следует *глагол*$_2$ в форме причастия в прошедшем времени. Однако эта форма тоже присутствует. Между рассмотренной нами конструкцией и конструкцией с пассивной формой модального глагола *dovere* есть лишь одно отличие[1]: первая чаще употребляется в предложении, в котором говорящий подчеркивает отсутствие *агенса*. Этот вариант образования пассивного залога с использованием глагола *andare* не распространен в романских языках и, казалось бы, присущ только итальянскому языку (во французском и испанском не обнаружен).

Четвертая и последняя структура, обнаруженная в ходе нашей исследовательской работы, это *глагол*$_1$ (*andare*) + *глагол*$_2$ в форме деепричастия.

(13) Riassunti di quello che andava leggendo (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/281/2810010*).

Riassunt-i	di	quell-o	che
Краткое изложение-3PL	PREP:OBL	то:DEM3-MSG	что:CNJ

and-a-va	legg-e-ndo
идти-CM-PIMPF-3SG	читать-CM-PROG

individu-al-mente
индивидуум-ADJZ-ADV

Краткое изложение того, что он читал.

(14) Un diario che andavo scrivendo (*https://www.corpusitaliano.it/static/documents/sources/161/1616925*).

Un- ø	diari-o	che	and-a-vo
ART:NDEF-MSG	дневник-MSG	REL:DOBJ	идти-CM-PIMPF-1SG

scriv-e-ndo
писать-CM-PROG

Дневник, который я писал.

Из приведенных примеров видно, что функция этой конструкции заключается в указании на непрерывность или ход действия. В этой структуре глагол *andare* можно считать *легким* глаголом, учитывая, что он теряет свое исконное значение «движения» и приобретает новое значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Делая выводы по результатам нашего исследования, мы видим следующее: в итальянском языке

[1]Необходимо обратить внимание читателя на то, что рассмотренная нами форма может употребляться с простыми временами глагола, но не может употребляться с составными. С другой стороны, форму с модальным глаголом *dovere* в пассиве можно использовать со всеми временами.

было обнаружено четыре конструкции, в которых используется глагол *andare*.

Первая: глагол$_1$ (andare) + сочинительный союх (e) +глагол$_2$ – это особая форма паратактической конструкции, в которой глагол *andare* не является «легким» глаголом.

Вторая: глагол$_1$(andare) + предлог(a) + глагол$_2$ в инфинитиве – это перифрастическая структура, в которой в последние годы глагол *andare* становится *легким*, так как он теряет свое пространственное значение, приобретая временное значение.

Третья: глагол$_1$(andare) + глагол$_2$ – в форме причастия в прошедшем времени является перифрастической конструкцией для указания пассивного залога в итальянском языке. В этой структуре глагол «идти» можно считать *легким* глаголом, поскольку он теряет свое пространственное значение и приобретает значение «обязательность».

Четвертая: глагол$_1$ (*andare*) + глагол$_2$ – в форме деепричастия – это перифрастическая глагольная конструкция с целью обозначения непрерывности действия, в которой глагол «иметь» теряет свое лексическое значение, становясь *легким* глаголом.

В заключение можно сказать, что конструкции с глаголом «andare» в итальянском языке в процессе их грамматикализации и сериализации породили конструкции, которые мы можем идентифицировать лишь как перифразы и частные случаи сочинения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aikhenvald A. Y. & Dixon R. M. V. Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology. New York: Oxford University Press, 2006.
2. Haspelmath M. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-linguistic Generalizations // Language and Linguistics. Vol. 17 (3), 2016. P. 291–319.
3. Yates A. D. On the PIE 'Quasi-Serial Verb' construction: origin and development, in Proceedings of the 24th Annual UCLA Indo-European Conference / Ed. by S. W. Jamison, H. C. Melchert and B. Vine. Bremen: Hempen, 2014. P. 237–255.
4. Pullum G. K. Constraints on Intransitive Quasi-Serial Verb Constructions in Modern Colloquial English, in When Verbs Collide: Papers from the 1990 Ohio State Mini-Conference on Serial Verbs (Ohio State University Working Papers in Linguistics 39) / Ed. by B. D. Joseph and A. M. Zwicky. Columbus, OH: Ohio State University Department of Linguistics, 1990. P. 218–239.
5. Ross D. Between coordination and subordination: Typological, structural and diachronic perspectives on pseudocoordination, in Coordination and subordination: Form and meaning / Ed. by Fernanda & Pereira, Sandra & Pinto, Clara. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 209–243.
6. Renzi L., Salvi C. & Cardinaletti A. Grande grammatica italiana di consultazione. Bologna: Il Mulino, 2001.
7. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Флинта, 2022.
8. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Флинта, 2018.
9. Amenta L., Strudsholm E. «Andare a + infinito» in italiano. Parametri di variazione sincronici e diacronici, in «Cuadernos de Filología Italiana». 2002. # 9, P. 11–29.

REFERENCES

1. Aikhenvald, A. Y. & Dixon, R.M.V. (2006). Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology. New York: Oxford University Press.
2. Haspelmath, M. (2016). The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-linguistic Generalizations, in Language and Linguistics. Vol. 17(3). P. 291–319.
3. Yates, A. D. (2014). On the PIE 'Quasi-Serial Verb' construction: origin and development, in Proceedings of the 24th Annual UCLA Indo-European Conference, ed. by Stephanie W. Jamison, H. Craig Melchert and Brent Vine. P. 237–225.
4. Pullum, G. K. (1990). Constraints on Intransitive Quasi-Serial Verb Constructions in Modern Colloquial English, in When Verbs Collide (p. 218–239): Papers from the 1990 Ohio State Mini-Conference on Serial Verbs (Ohio State University Working Papers in Linguistics 39), ed. by Brian D. Joseph and Arnold M. Zwicky. Columbus, OH: Ohio State University Department of Linguistics.
5. Ross, D. (2016). Between coordination and subordination: Typological, structural and diachronic perspectives on pseudocoordination (pp. 209–234), in Coordination and subordination: Form and meaning, ed. by Fernanda & Pereira, Sandra & Pinto, Clara. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016.
6. Renzi, L., Salvi, C., Cardinaletti, A. (2001). Grande grammatica italiana di consultazione. Bologna: Il Mulino.
7. Komarova, Z. I. (2022). Methodology, method, methodics and technology of linguistic research. Moscow: Flinta.

8. Arnlod, I. V. (2018). Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike = Fundamentals of scientific research in linguistics. Moscow: Flinta.
9. Amenta, L., Strudsholm, E. (2002). «Andare a + infinito» in italiano. Parametri di variazione sincronici e diacronici (pp. 11–29), in «Cuadernos de Filología Italiana» (9).

Список используемых аббревиатур

3R	3 возвратное лицо	GEN	генитив
1PL	первое множественное	IMPERS	безличное
1SG	первое единственное	INF	инфинитив
3PL	третье множественное	LN	фамилия
3SG	третье единственное	M	мужской род
ABL	аблатив	MPL	мужской множественное
ADV	наречие	MSG	мужской единственное
ADJZ	прилагательное	NDEF	неопределенный
AND	андатив	OBL	обликвус
AR	ареальный	P.ANT	прошлое (предшествие)
ART	артикль	PIMPF	имперфект
AUX	вспомогательный глагол	PPF	причастие перфект
CM	показатель спряжения	PREP	предлог
CNJ	союз	PRES	настоящее
CONJ	сослагательное	PROG	прогрессив
DEM1	указательное (близко)	PRON	местоимение
DEM3	указатель (далеко)	REL	относительное местоимение
DF	определенный	REM.PST	прошедшее (далеко)
DOBJ	прямое дополнение	SEP	отдаление
FN	имя	TER	терминатив
FSG	женский единственное		

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скалия Давиде

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Scalia Davide

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_107

Реализация норм политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе

В. В. Стрельцова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
wlapschina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен политической корректности в связи с близкими ему понятиями, причины и особенности возникновения этого явления в ФРГ, а также связанные с ним изменения в лексической системе немецкого языка; рассмотрены некоторые лингвистические средства и примеры реализации политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе; обозначен круг дискуссионных вопросов в области изучения этой проблемы.

Ключевые слова: политическая корректность, толерантность, эвфемизм, гендерно-нейтральный язык

Для цитирования: Стрельцова В. В. Реализация норм политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 107–112. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_107

Original article

Implementation of the Norms of Political Correctness in the German-Language Media Discourse

Valentina V. Streltsova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wlapschina@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of political correctness in connection with concepts close to it, the causes and features of the occurrence of this phenomenon in Germany, as well as changes in the lexical system of the German language; some linguistic means and examples of the implementation of political correctness in the German-language media discourse are considered; the range of debatable issues in the field of studying this problem is outlined.

Keywords: political correctness, tolerance, euphemism, gender-neutral language

For citation: Streltsova, V. V. (2023). Implementation of the norms of political correctness in the German-language media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 107–112. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_107

ВВЕДЕНИЕ

Процесс глобализации, интенсификация межкультурных контактов и возникновение мультикультурного общества создали необходимость критического осмысления языкового употребления. Если в немецком научном сознании до 1960-х годов XX века было принято рассматривать вопросы нормы и культуры речи (Sprachpflege), то с 1970-х годов социологи и лингвисты обнаружили необходимость критического пересмотра ряда случаев употребления языка и обсуждения этически корректных форм номинации. Если в период становления критики языка исследователи преимущественно обращались к феминистской критике языка и этнической дискриминации в немецком языке, то постепенно круг тем, подлежащих рефлексии с точки зрения устранения и замены лексики, дискриминирующей представителей определенных групп в обществе, увеличился. Это группы, объединенные следующими признаками: возраст, пол, особенности здоровья и внешности, социальная, этническая и религиозная принадлежность, финансовое положение, профессия и род занятий, миграционные процессы. Специфика феномена политической корректности в немецкоязычном социуме состоит также в идентификации и стигматизации лексики, связанной с периодом Третьего рейха.

Таким образом, объект данного исследования можно определить как феномен политкорректности. Предметом анализа являются лингвистические средства реализации политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе. В качестве материала рассматривались тексты сайтов немецкоязычных средств массовой информации, таких как газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», журналов «Der Spiegel», «Focus»[1].

Задачи исследования состоят в описании феномена политкорректности и смежных понятий, рассмотрении причин и времени возникновения этого общественно-политического и лингвистического явления в ФРГ, повлекшего существенные изменения в языке, в определении средств реализации политической корректности и соотнесении этих явлений с общими тенденциями развития в современном немецком языке. Методами исследования являлись сравнительный метод, метод лингвистического и контекстного анализа.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

Феномен политической корректности необходимо рассматривать в связи с близкими ему понятиями. Политическая корректность – это дискурсивная стратегия, определяющая круг лексических единиц, участвующих в номинации табуированных явлений либо феноменов, порождающих дискуссию в обществе и подлежащих замене. Таким образом, явления и процессы окружающей действительности, вызывающие дискуссию, конфликты, становящиеся причиной раскола в обществе, создают предпосылку для замены номинаций. Это связано с поддерживаемой в обществе языковой толерантностью, или тактом [Тер-Минасова, 2000; Панин, 2004]. Политическая корректность может быть определена как особая культурно-поведенческая и языковая категория, как общая коммуникативная стратегия, направленная на бесконфликтное коммуникативное взаимодействие и имеющая языковую реализацию, предполагающую выбор лексических, морфологических, синтаксических средств. Это некая признанная всем обществом система норм употребления языка, направленная на нивелирование оппозиции «свой – чужой» путем рефлексии и последующего отказа от способов языкового употребления, транслирующих стереотипные дискриминирующие установки [Панин, 2004]. В языковой практике социума получают право голоса различные группы, и тот факт, что их номинация осмысливается и подвергается корректировке для более комфортного сосуществования этих групп в мультикультурном, религиозном и разнообразном во многих отношениях обществе, способствует их социальной и языковой презентации [Derecka, 2022]. Но стоит учитывать, что внимание к номинации этих групп также подчеркивает их отличия, часто и в целях манипуляции общественным сознанием, намеренным смещением акцентов.

Смещение акцентов позволяет отвлечь реципиента от неприглядных моментов явления, вызвать посторонние, возможно, положительные ассоциации. Политкорректность позволяет завуалировать отрицательные стороны и, как следствие, ввести реципиента в заблуждение, отвлечь его от необходимости решения проблемы, например, в случаях номинации подростка с асоциальным поведением как *verhaltensoriginell* (ср. рус. *с оригинальным поведением*). Интересно, что политкорректность в ряде случаев направлена на представителей вполне благополучных социальных групп, что позволяет снять социальные противоречия. Так, вместо субстантивированного прилагательного *Reiche* (*богатые*), которое сразу вызывает ассоциативное противопоставление *Arme* (*бедные*), используется лексема *Besserverdienende* (*букв.* ‘лучше зарабатывающие’). Это позволяет иначе расставить акценты вследствие того, что данная номинация подчеркивает инициативу, активную роль материально обеспеченных людей в создании своего финансового благополучия, а также

[1]https://www.faz.net/de, https://www.spiegel.de, https://www.focus.de

деактивирует оппозицию «богатый – бедный», а значит и базовую оппозицию «свой – чужой». Для обозначения бедных используются эвфемизмы *Sozialschwache*, *Armutsgefährdete* (*социально-незащищенные*; *те, которым угрожает бедность*). В данном случае выбран другой мотив номинации: бедность представлена как качество человека или угроза его существованию.

Отрицательной стороной явления политкорректности также может являться насаждение новых способов номинации в связи с какой-то социально острой темой [Derecka, 2022]. Речь идет о рекомендациях, которые предлагают администрация университетов[1], телерадиокомпании (например, Norddeutscher Rundfunk)[2]. Регламентация способов говорения о чем-либо может рассматриваться членами языкового социума как навязывание не только формулировок, но и определенной идеологии, что может привести к расколу в обществе.

Заметим, что политкорректность не является новым явлением. Если обратиться к периоду истории Первой мировой войны, в рамках идеологической кампании (Verdeutschungskampagne), когда иностранные торговые названия заменялись немецкими словами, можно проследить изменения, происходившие в немецкоязычном дискурсе под влиянием навязанных обществу и / или осознанных им требований политической корректности.

Интерес представляют следующие примеры: вместо французского *Boutique* активно употребляется лексема *Modegeschäft*, кафе *das Picadilly Café* переименовано в *Kaffeehaus Vaterland*. То же произошло с «космополитическими» марками сигарет: сигареты *Duke of Edinbourgh* получили название *Flaggengala*, *Duke of York – Graf Yorck von Wartenburg*, Dandy – Dalli[3].

Прежде чем рассмотреть лингвистические средства реализации политкорректности, необходимо кратко остановиться на признаках и качествах групп, которые чаще подвергаются языковой дискриминации: этническая принадлежность (цвет кожи), религия и мировоззрение, пол, инвалидность, материальное положение [Derecka, 2022].

В исследовании политкорректности важно упомянуть, что в немецкоязычном медиадискурсе подвергаются осуждению и совершенно недопустимы высказывания в духе идеологии Третьего рейха. Это касается и отдельных лексем, обладающих исторической нагруженностью. Это наглядно демонстрирует пример из FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung): председатель фракции партии «Альтернатива для Германии» («Alternative für Deutschland») А. Гауланд заявил, намекая на турецкое происхождение комиссара по вопросам интеграции: *Wir werden sie* [*die SPD-Politikerin Aydan Özoguz*] *dann auch, Gott sei Dank, in Anatolien entsorgen können*[4]. (*тогда мы сможем, слава богу, отправить ее* (в значении избавиться) *в Анатолию*[5]).

Слово *entsorgen* используется в немецком языке в значении «утилизировать», «ликвидировать», «устранять». Но прежде всего оно вызывает ассоциации с политикой нацистов по устранению ряда этнических групп. Это высказывание вызвало волну осуждения и было четко соотнесено с дискурсом национал-социалистов. В данном случае определенно были нарушены нормы прежде всего этической корректности.

Далее рассмотрим средства и способы реализации норм политической корректности.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

В соответствии с требованиями политической корректности необходимо лишить номинацию определенной социальной группы дискриминирующей составляющей. Для этого используется чаще всего эвфемизм в виде замены на описательное словосочетание, заимствование или же замена, например, на однокоренное слово, но другого способа образования. Например, использование вместо лексемы *Flüchtling* (*беженец*) субстантивированного причастия *der Geflüchtete* или слов из того же семантического поля, таких как *Zwangsemigranten*, *Entheimatete*[6] (*вынужденные эмигранты*, *лишенные родины*). Однако эти понятия демонстрируют целый набор отличий и коннотаций по сравнению с нейтральным словом *Flüchtling*, поэтому они могут использоваться в достаточно небольшом количестве контекстов в отличие от более широкого по значению слова *беженец*.

Следующий пример демонстрирует возможность создания положительного имиджа объекта, что не всегда необходимо и прагматически оправданно. Так, говоря о человеке с психическим

[1]URL: http://feministisch-sprachhandeln.org/wp-content/uploads/2015/04/sprachleitfaden_zweite_auflage.pdf ;
URL: https://tu-dresden.de/tu-dresden/chancengleichheit/ressourcen/dateien/gleichstellung/berufungen/leitfaden-geschlechtergerecht-in-sprache-und-bild?lang=en

[2]URL: https://www.ndr.de/der_ndr/unternehmen/organisation/gleichstellung208.pdf

[3]URL: https://www.dhm.de/lemo/kapitel/erster-weltkrieg/propaganda/verdeutschung-auslaendischer-begriffe.html

[4]URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/bundespraesident-steinmeier-zu-rassistischen-afd-aeusserungen-15177200.html

[5]Зд. и далее перевод наш. – *В. С.*

[6]URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/wort-des-jahres-fluechtling-hier-endet-das-gendern-13967817.html

заболеванием и заменив прямую формулировку на сложное слово *Psychiatrieerfahrung*, мы допускаем несколько трактований. Это связано с тем, что определяемое слово *-erfahrung* вызывает положительные ассоциации, такие как наличие знаний, определенных переживаний и, конечно, опыта. Вместо того, чтобы прямо назвать кого-то психически нездоровым, говорящий использует описание, не позволяющее понять, о каком конкретно состоянии человека или диагнозе идет речь.

Политкорректной, или всё же нейтральной, считается и формулировка *Menschen mit Migrationsgeschichte* (*букв.* 'люди с миграционной историей') вместо *Migranten* или *Einwanderer*. В случае замены лексемы *мигрант* на словосочетание *человек с миграционным прошлым* можно утверждать, что возникают дополнительные смыслы.

Отметим, что модель *Menschen mit...* чаще всего используется в целях смягчения смысла. Если не используется замена на другую лексическую единицу, как в случае *Behinderte – Menschen mit Behinderung* (*инвалиды – люди с инвалидностью*), эффект обеспечивается за счет смещения акцента: *не инвалид*, а *человек с инвалидностью*. Использование словосочетания *Menschen mit einem Handicap* по отношению к инвалидам не является удачным, но находит применение. Реципиент понимает конструкцию *человек с инвалидностью* следующим образом: у референта есть целый ряд признаков, инвалидность представляется лишь одним из них, возможно, не самым главным, поэтому стоит обратить внимание и на другие характеристики референта. Реципиент по умолчанию предполагает, что усложнение или размывание формулировки является результатом правил, способствующих уважительному общению и бесконфликтной коммуникации в обществе. В случае использования в словосочетании *behindertes Kind* (*ребенок-инвалид*) другого прилагательного – *das besondere Kind* (*особый ребенок*), – результатом может стать непонимание и, как следствие, игнорирование потребностей такого ребенка.

Средства непрямой номинации часто используются для повышения престижа профессий, например, *Berater* (*консультант*) вместо *Verkäufer* (*продавец*); *Entsorger* (*утилизатор отходов*) вместо *Müllmann* (*мусорщик*); персонал ресторана теперь называется *Fachleute für Restaurants und die Veranstaltungsgastronomie*, номинация *der Facility-Manager* является наименованием профессии, связанной с выполнением ряда обязанностей по обслуживанию здания.

В ряде случаев избыточное использование эвфемизмов ведет к возникновению достаточно сложных для понимания слов и словосочетаний, в частности, *Herkunftsdeutsche / Standarddeutsche* (*букв.* 'немцы по происхождению, стандартные немцы') в противопоставление *Diverskulturelle / Bürger mit oder ohne Einwanderungsbiographie / neue Deutsche* (*букв.* 'разнокультурные, граждане с / без миграционной биографии, новые немцы'). Приведенные примеры представляют собой попытку добиться однозначности понимания при условии политически корректной формулировки. В действительности не все предложенные лексемы могут адекватно использоваться, в частности, *Standarddeutsche*. Напротив, они усиливают противопоставление немцев и мигрантов, активируя оппозицию «свой – чужой».

Интерес представляет также критическое отношение носителей языка и немецких лингвистов к использованию этнонимов во фразеологии. Большое количество немецких фразеологизмов с отрицательной коннотацией имеют, по утверждению Э. Пиираинен, в своем составе этнонимы, что способствует распространению этнических предрассудков и стереотипных представлений [Piirainen, 2018]. Эти фразеологические единицы, например, *einen Türken bauen* (*вводить в заблуждение*), *polnische Wirtschaft* (*бардак*), *Hottentottenmusik* (*ужасная музыка*), *angeben wie zehn nackte Neger* (*хвастаться*) сначала присутствовали в словарях с пометой «устаревшее», а потом в большинстве своем не были включены в новые издания. Также постепенно из фразеологических словарей исчезли фразеологические единицы с этнонимами *Eskimo*, *Zigeuner*, *Indianer*. На сегодняшний момент приемлемой считается собственная номинация этих этнических групп (*Inuit*, *Sinti und Roma*).

Дискуссионные моменты, связанные с распространением и даже насаждением норм политкорректности, нельзя оставить без внимания. Довольно странно выглядит стремление некоторых немецких издательств подвергнуть цензуре ряд произведений классиков детской литературы (А. Линдгрен, Г. Гофмана, К. Мая), не соответствующих, по их мнению, современным нормам политической корректности в связи с использованием, в частности, в книге о приключениях Пеппи Длинныйчулок слова *Neger / Negerkönig* (*негритянский король*), а в произведении «Der Struwwelpeter» (*Степка-растрепка*) Г. Гофмана – наименований *der Schwarze* и *der Mohr* (*мавр*). Помимо замены слов на более приемлемые формулировки издательства предлагают снабдить книги пояснениями о том, что данные лексемы сейчас не используются, что представляется более разумным.

Тенденция к переименованиям политически «некорректных» названий улиц также вызывает недоумение. Так, стоит вспомнить о спорах по поводу

переименования станции метро *Mohrenstraße* в Берлине или аптеки *Mohren-Apotheke* в Вене.

Однако настоящий раскол в немецком обществе в связи с дискуссией о политической корректности спровоцировало применение гендерно-нейтрального, или гендерно-справедливого языка (*die gendergerechte Sprache*), основа которого была заложена феминистской критикой языка и развитием гендерной лингвистики. Общество немецкого языка (*Gesellschaft für deutsche Sprache*) представляет на своей странице подробные рекомендации употребления более и менее предпочтительных языковых форм с точки зрения

– ***орфографии***: рекомендуется использовать косую черту (*Lehrer/in*), двоеточие (*Lehrer:innen*), скобки (*Lehrer(in)*), звездочку, или астериск) (*Lehrer*innen*);

– ***синтаксиса***: рекомендуется использовать пассивные и инфинитивные конструкции (*Der Psychologe analysiert… → Es wird analysiert…*; *Der Bearbeiter hat den unten genannten Termin unbedingt einzuhalten. → Es wird gebeten, den unten genannten Termin unbedingt einzuhalten*); придаточные предложения (*Der Antragsteller hat… → Wer einen Antrag stellt, hat…*); гендерно-нейтральные местоимения (*alle*);

– ***лексики***: рекомендуется использовать глагольные обороты и обороты с прилагательными вместо называния субъекта действия (*Teilgenommen haben 20 Personen*; *Kollegiale Beratung*); коллективные обозначения (*Wahlberechtigte*, *Probanden*, *Testpersonen*)[1].

Многие рекомендации широко используются в письменных текстах медиа и на радио, хотя текст становится более сложным для понимания. Восприятие текста в ряде случаев представляет трудность в связи с непрямой номинацией субъекта действия, усложнением синтаксических конструкций. Некоторые рекомендации не имеют отношения к гендерному паритету в языке, в случае, если номинация не относится к обозначению лица (*Gehsteig* вместо *Bürgersteig*, *Fußweg* вместо *Fußgängerweg*, *Redepult* вместо *Rednerpult*). Данная область внедрения норм политкорректности представляет научный интерес с точки зрения изучения лексико-грамматических, стилистических, словообразовательных возможностей языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве вывода следует отметить ряд моментов: политкорректность следует рассматривать как стратегию поведения, реализуемую лингвистическими средствами для достижения общения, не дискриминирующего никакие группы социума.

Под влиянием требований политкорректности создаются или становятся употребительными лексические единицы, способствующие расширению соответствующего синонимического ряда существительных и прилагательных, что соответствует стремлению языка к точности номинаций. Новые номинации и формулировки способствуют комфортному общению.

Представляется дискуссионным ряд вопросов: кто определяет политически корректные формулировки в языковом сообществе, насколько они обязательны, способствует ли политкорректность усилению манипулятивного потенциала языка? Не стоит забывать, что некоторые рекомендации по реализации гендерно-нейтрального языка вызывают критику со стороны носителей языка и представителей научного лингвистического сообщества.

[1]URL: https://gfds.de/standpunkt-der-gfds-zu-einer-geschlechtergerechten-sprache/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
2. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
3. Derecka M. Wo hat sich das Endwort versteckt? – Auf der Suche nach dem Unlösbaren in der deutschen Amtssprache“, Linguistische Treffen in Wrocław 21, 2022 (I), 75–87.
4. Piirainen, Elisabeth. Phraseologie, Politische Korrektheit und Sprachkritik. In: Gautier, Laurent; Modicom, Pierre-Yves; Vinckel-Roisin, Hélène (Hrsg.): Diskursive Verfestigungen. Schnittstellen zwischen Morphosyntax, Phraseologie und Pragmatik im Deutschen und im Sprachvergleich (Konvergenz und Divergenz; Bd. 7). Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. S. 173–186. DOI: 10.1515/9783110585292-012

REFERENCES

1. Ter-Minasova, S. G. (2000). Jazyk i mezhkul’turnaja kommunikacija = Language and cross-cultural communication. Moscow: Slovo Publ. (In Russ.)
2. Panin, V. V. (2004). Politicheskaya korrektnost’ kak kul’turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya = Political correctness as a cultural-behavioral and linguistic category: abstract of PhD in Philology. Tyumen. (In Russ.)

3. Derecka, M. (2022). „Wo hat sich das Endwort versteckt? – Auf der Suche nach dem Unlösbaren in der deutschen Amtssprache", Linguistische Treffen in Wrocław 21, 2022 (I), 75–87.
4. Piirainen, Elisabeth (2018). Phraseologie, Politische Korrektheit und Sprachkritik. In: Gautier, Laurent; Modicom, Pierre-Yves; Vinckel-Roisin, Hélène (Hrsg.): Diskursive Verfestigungen. Schnittstellen zwischen Morphosyntax, Phraseologie und Pragmatik im Deutschen und im Sprachvergleich (Konvergenz und Divergenz; Bd. 7), 173–186. Berlin; Boston: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110585292-012

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Валентина Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Streltsova Valentina Viktorovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_113

Фейк как некритическое восприятие информации

Р. В. Трофимов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
r.trofimov2712@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается явление постправды и связанные с ней фейки / фейковые новости как ложная информация, подаваемая под видом объективной. При конструировании фейков используются прагматические средства для подачи информации, когнитивные механизмы фреймирования реальности, специально отобранные языковые средства. Эти средства имеют целью некритическое восприятие информации в пользу эмоционального и формирование чувства страха и вины у реципиента.

Ключевые слова: постправда, фейк, фейковая новость, конструирование фейка, некритическое восприятие информации

Для цитирования: Трофимов Р. В. Фейк как некритическое восприятие информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878), С. 113–118. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_113

Original article

Fake as Uncritical Perception of Information

Roman V. Trofimov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
r.trofimov2712@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of post-truth and fakes / fake news as false information presented under the guise of objective. When constructing fakes, pragmatic means are used to control the presentation of information, cognitive mechanisms for reframing reality and specially selected language tools. These tools are aimed at uncritical perception of information in favor of emotional and the formation of a sense of fear and guilt in the recipient.

Keywords: post-truth, fake, fake news, fake construction, uncritical perception of information

For citation: Trofimov, R. V. (2023). Fake as uncritical perception of information. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 113–118. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_113

ВВЕДЕНИЕ

Изменение коммуникативной среды современного общества за счет Интернета и социальных сетей способствовало образованию особого пространства для передачи информации и формирования общественного мнения.

Значительное место в этом пространстве занимает такой феномен, как постправда (posverdad), который выступает подменой истине и объективной оценке информации, а также такие явления, как фейковые новости / фейки.

В 2016 году Оксфордский словарь английского языка назвал постправду (post-truth) словом года, отмечая, что объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Ученые отмечают, что в эпоху постправды нет ни лжи, ни правды [Villanueva, 2021].

Согласно мнению Т. Г. Добросклонской, любая информация воспринимается сквозь призму интерпретации и постинтерпретации: информационная картина мира строится не на точном соответствии действительности, а на ее интерпретации, оценках автора сообщения, которые редко бывают объективными [Добросклонская, 2012].

При исследовании сообщений в сети следует учитывать, что речевой акт, не являясь нейтральным либо объективным, вербализирует реальность в интересах адресанта.

Целью настоящей статьи является анализ функционирования лексем *фейк*, *fake*, *fake news, noticia falsa*, *hechos alternativos*, *bulo* в русском и испанском языках и определение контекстов использования фейков.

ПОСТПРАВДА И ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ / ФЕЙКИ

В рамках теории о постправде можно выделить несколько критериев:

– объективной и несомненной правды / истины нет;

– одной правды / истины не существует, их несколько, в зависимости от критериев общества, отдельных групп или индивидуумов [Villanueva, 2021].

Р. Кейес считает, что одной из целей постмодернизма является разрушение самой идеи объективной истины [Keyes, 2004].

В российских исследованиях наряду с постправдой фигурируют такие понятия, как «полуправда», при этом постправда может занимать промежуточное положение между правдой и неправдой. Ср.: «Правда – постправда – неправда» (*Международная конференция. Московский педагогический государственный университет, 19–21 апреля 2018 года*).

Постправда имеет отрицательные коннотации. Так, в случае нарушения принципов достоверности текста журналистика получает негативную номинацию – «журналистика постправды» («фейковая журналистика»).

Тесно связан с постправдой другой феномен – *fake news* – намеренно созданная ложная информация (дезинформация), подаваемая под видом объективной, с целью оказания влияния на общественное мнение. Ср. также определение fake news как ложной, *часто сенсационной* информации, распространяемой под видом новостного сообщения[1].

Отмечается, что фейки имеют собственную среду бытования – медиапространство [Кошкарова, Бойко, 2020], в них противопоставляется истинная и ложная информация, факт и фактоид (неверная и намеренно сфабрикованная информация) [Карасик, 2017].

В испанском языке с этим значением функционируют лексемы *noticias falsas* фейковые новости, *hechos alternativos* альтернативные факты. Например:

> ***Noticias falsas* que se tomaron como ciertas**
> Aquello que empieza como una broma termina siendo titular en portales de noticias y el motivo de indignación y risa de usuarios de redes sociales. Supuestamente Mark Zuckerberg cerraría las cuentas de las personas con errores de ortografía. La noticia corrió por varios perfiles de Facebook y varios pensaron que era cierta. Luego se confirmó que no estaba en los planes de esta red social cancelar las cuentas[2].

В примере говорится о том, что Марк Цукерберг закроет личные аккаунты в Facebook, если пользователи будут делать орфографические ошибки. Новость, которая сначала больше походила на шутку, стала главным новостным заголовком.

Следует отметить, что Словарь Испанской Королевской Академии языка (DRAE) в значении «ложная информация» приводит также испанское слово *bulo – noticia falsa propalada con algún fin – ложная информация*, *распространяемая с определенной целью*.

Вопреки рекомендациям академиков, которые борются за чистоту испанского языка, слово *bulo* практически не встречается в официальных СМИ и социальных сетях. Наряду с исконно испанской

[1]URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fake-news
[2]URL: 24/6/2016 https://www.semana.com/tecnologia/articulo/noticias-falsas-que-se-parecian-verdaderas/479142/.

Рис. 1. Функционирование двух слов – *fake news* и *bulo* для обозначения ложной информации

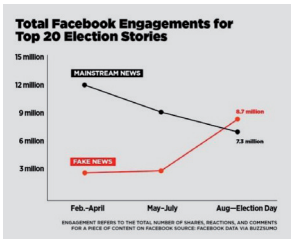

Рис. 2. Официальная и фейковая информация о последних выборах в США

лексикой – *noticias falsas* – употребляются и аналоги на английском языке *fake*, *fake news*, причем последняя лексема имеет одинаковую форму для единственного и множественного числа, например, гибридная англо-испанская форма *esta fake news*.

Кембриджский словарь дает слову «фейк» такие определения: фальшивый, искусственный, подделка (фальшивка), подделывать, притворяться[1]. Отсюда в компьютерной терминологии фейковыми программами называют приложение с функционалом и дизайном, похожими на подделываемую программу. Это приложение необходимо для того, чтобы создать иллюзию работы с программным продуктом, для создания троянских программ-вирусов. В России для обозначения ложной информации используются слова «утка» (газетная), «басни», «провокационная информация». Например:

> Пишу в Прокуратуру, МВД, ФСБ на людей, которые нарушают закон, пишут «утки» (*https://dzen.ru/a/ZJ_zLb2 X0VrQCJE6*).
> Мы знали правду, но родственникам рассказывали басни (*https://dzen.ru/a/ZJ_XtL2X0VrQAcJq*)

Только с 2013 года в отечественных СМИ слово «фейк» начинает использоваться чаще, чем слово «утка» (газетная).

Предвыборная гонка и избрание президентом США Дональда Трампа породили в средствах массовой информации «лихорадку» фальшивых сообщений, авторы которых стремились привлечь внимание к политическим проблемам, а конкуренты начали массово использовать стратегию дискредитации своего оппонента во время предвыборной кампании. О массовом распространении термина «фейковые новости» говорит тот факт, что частотность употребления словосочетания за 2016 год выросла на 365 %. В 2017 году составители словаря английского языка Collins Dictionary назвали словосочетание *fake news* словом года[2]. На последних выборах в США фейки в некоторые периоды превосходили по количеству информацию официальных источников (см. рис. 2).

В Испании появились платформы: Tus Noticias. info, Noticias frescas, NoticiasTT, UnoNoticias.net, 12 Minutos, которые «шутки ради» предлагают читателям создавать контент, содержащий дезинформацию. Эти «шутки», основанные на ложной информации, становятся вирусными и мгновенно распространяются в социальных сетях. Так, была запущена информация о том, что умер певец группы кумбии Damas Gratis Пабло Лескано, который был вынужден лично опровергнуть эту фейковую новость.

> ¡Atención! Más sitios de noticias falsas que, incluso, te invitan a crear tu propia “broma”
>
> Chequeado alertó sobre el surgimiento de sitios dedicados a generar noticias falsas, varios lectores señalaron la existencia de más plataformas que se dedican a la generación de contenido que lleva a la desinformación. Las “bromas” resultantes, basadas en información falsa, se asimilan al contenido de las redes y se viralizan rápidamente entre los incautos. Por ejemplo, fue en un sitio de este estilo (Noticias frescas) donde surgió la versión de que Pablo Lescano, el cantante del grupo de cumbia Damas Gratis, había fallecido. Ante la difusión masiva de la nota, el mismo músico tuvo que salir a desmentirla[3].

Жизнь фейка скоротечна, прежде чем исчезнуть из информационного пространства, он несколько дней распространяется в социальных сетях, затем уходит в небытие. Этого времени достаточно для того, чтобы в него поверило большинство пользователей.

Бум фейковых новостей получил название инфодемии (информационной эпидемии). Сегодня фейки и фейковые новости стали мейнстримом, определяющим жизнь и настроения общества,

[1]URL:https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/fake

[2]Гатинский А. В Великобритании словом года стали полюбившиеся Трампу «фейковые новости». 2017. URL: https://www.rbc.ru/society/02/11/2017/59faf3 1b9a7947fcb324b717

[3]URL: https://chequeado.com/hilando-fino/atencion-mas-sitios-de-noticias-falsas-que-incluso-te-invitan-a-crear-tu-propia-broma/

оружием, способным начинать войны, менять правящие режимы в неугодных странах. Так, поводом для вторжения в Ирак стала фейковая информация о якобы имеющемся в этой стране химическом оружии, которое угрожает мировому сообществу.

Во время эпидемии коронавируса фейками называлась неверная информация о заболевании и его симптомах. Например:

> Есть такой *фейк* – бессимптомные больные. Действительно, некоторые заболевания протекают без симптомов, это факт… Не бывает бессимптомных больных, которые заразны! Они не заразны!

> Чуть меньше доверия респонденты оказали *фейку* о том, что вакцина от коронавируса будет содержать в себе чипы для отслеживания людей, – эти сведения показались достоверными 23 % опрошенных россиян[1].

> Энциклопедия коронавирусных слухов и *фейков*: предупреждения о том, что сегодня ночью *черные вертолеты* будут дезинфицировать город с воздуха, отойдите от окон, не выходите на улицу, передайте всем[2].

Отдельным жанром фейков являются предсказания в «Симпсонах» – мультипликационном сериале, которому более 30 лет. Герои эпизода Marge in Chains – заболевшие «осакавирусом» японцы, которые чихнули на соковыжималки, а затем отправили зараженные товары в США[3].

Рис.3. Фейк о коронавирусе в «Симпсонах»

Предъявляемая в фейках ложная информация часто носит «сенсационный» характер и направлена на эмоциональную реакцию, на то, чтобы вызвать панические настроения и страх у читателей / пользователей (вакцина от коронавируса будет содержать в себе чипы для отслеживания людей; черные вертолеты будут дезинфицировать город с воздуха, отойдите от окон, не выходите на улицу).

В социальных сетях постоянно появляются фейковые сообщения, которые превращаются в спам-атаки, о похищении детей, об отравлении лимонадом / арбузом, о появлении педофила и др. Обычно эти фейки указывают на угрозу здоровью и жизни. Распространяемая в таких условиях информация *воспринимается некритично*. Для того чтобы отличить фейк от оповещения, специалисты советуют обращать внимание на формулировки: в официальной информации МВД ребенок обозначается словом «несовершеннолетний», в отличие от фейка, где встречается фраза «ребенок моих знакомых»; в сообщениях из достоверных источников не может быть грамматических ошибок и др.

Сообщение может формировать панические настроения. Так, после краха одного финансового учреждения в Татарстане в социальных сетях стали появляться призывы о выводе всех денежных средств из банков республики[4]. Ср. в испанском языке:

> Una nueva *noticia falsa* logró viralizarse provocando pánico, caos y generando movimientos en la bolsa; la mezcla entre inteligencia artificial y Twitter fue la culpable… se publicó una imagen de El Pentágono en medio de las llamas. Las repercusiones de esta *fake news* fueron tales que en la bolsa el índice S&P 500 cayó 0,3 % después de conocerse la información; lo mismo pasó con el Dow Jones, el cual retrocedió un poco en tan solo cuatro minutos[5].

4 марта 2022 года в России Госдума приняла закон о фейках, вводящий наказание за распространение заведомо ложной информации о действиях Вооруженных сил Российской Федерации (военные фейки).

> Гособвинитель попросил суд заочно приговорить к девяти годам колонии медиаменеджера Илью Красильщикова по делу о фейках о Вооруженных Силах РФ[6].

По этому закону за распространение фейков о Вооруженных силах России 16 мая 2023 года был осужден гражданин Колумбии Альберто Энрике Хиральдо Сарай.

> Colombiano se convierte en el primer condenado en Rusiapor difundir *noticias falsas*

> Un tribunal de Moscú ha condenado este martes a cinco años y dos meses de prisión a Alberto Enrique Giraldo Saray, un ciudadano colombiano que fue

[1]URL: https://lenta.ru/ articles/2021/01/28/corona/
[2]URL: https://nplus1.ru/material /2020/04/08/coronarumors
[3]URL: https://ruposters.ru/news/18-03-2020/feikov-koronaviruse-kotorie-uspeli-poverit
[4]URL: https://oskol.city/news/society/66 785/
[5]URL: https://twitter.com/ AndyBCampbell/status/1660654574644887558/photo/1
[6]URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/06/28/ 20766338.shtml?utm_source

hallado culpable de "difundir mentiras" sobre las las acciones de las Fuerzas Armadas de Rusia[1].

Разоблачением фейков в России занимается программа «Антифейк» Первого канала, Telegram-канал «Война с фейками», канал «Za нами правда» и др.

Фейк о нехватке врачей в Мариуполе разоблачили в России Telegram-канал «*Война с фейками*» разоблачил ложь в Сети о нехватке врачей в Мариуполе.

Ранее «*Война с фейками*» опровергла вброс украинских СМИ о якобы ударе по жилому дому в Киеве[2].

В социальных сетях созданы фильтры для выявления фейков провокационного характера (из сомнительных источников), в том числе на основе анализа текста на наличие определенной лексики.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ФЕЙКОМ

Одно и то же событие может иметь различные интерпретации в Интернете. Как отмечал И. А. Стернин [Стернин, Шестерина, 2021], интерпретативная поливариативность контента в СМИ открывает новые возможности для создания фейков.

Основанные на поляризации, фейк / нефейк (правда) конкурируют между собой за право собственной интерпретации действительности.

Посредством фейка распространяется информация под видом достоверных сообщений. Адресат сообщений становится объектом дискурсивного воздействия, которое является основной целью фейка.

Для создания необходимой адресанту интерпретации действительности посредством фейков вносятся когнитивные изменения в картину мира адресата, в его систему оценок, что становится актуальным в эпоху глобального информационного противостояния.

Все конструктивные элементы фейка должны способствовать некритическому восприятию информации и имеют целью смоделированное воздействие на адресата. Наш материал показал, что с этой целью используются когнитивные механизмы, лингвосемиотические средства, прагматические средства.

При конструировании фейка прагматические средства отражаются в намеренном искажении фактологической информации; использовании информации из неавторизованных источников; использовании только нужных для адресанта тем / событий и частичном освещении события и др. Эти средства имеют целью *некритическое восприятие информации* в пользу эмоционального и даже создание чувства тревоги, вины и страха у реципиента.

Среди когнитивных механизмов создания фейка следует выделить *фрейм и когнитивное фреймирование реальности*, которые позволяют деконструировать старые и конструировать новые смыслы и коннотации. Другим распространенным механизмом является конструирование *фейка как блендового пространства*, в результате чего также вносятся когнитивные изменения в картину мира адресата, в систему его оценок.

При конструировании фейка осуществляется целенаправленный отбор языковых средств (номинаций, концептов, эмоциональных и ассоциативных комплексов, оценочных средств и др.).

Как отмечает М. Ю. Никитин, с 2016 года фейк и фейковые новости занимают лидирующие позиции при анализе конфликтогенных дискурсов. В целом все эти механизмы создают так называемый *токсичный контент* [Никитин, 2022], который отрицательно влияет на психоэмоциональное состояние адресата, вызывая девиации, смену ценностных приоритетов и мировоззрения.

При информационном противостоянии «Россия – Украина» создание «токсичного» контента осуществляется с использованием таких чувствительных тем, как гибель гражданского населения, которое в испанских СМИ сопровождается глаголами *matar – убивать*, *destruir – разрушать*, *el terror – террор*; сравнением *ситуации на Украине с Голодомором – el llamado Holocausto ucraniano Holodomor*. Авторы фейка настаивают на достоверности своих утверждений при помощи глаголов *утверждать – Ucrania asegura*, *заверять – afirmó*, *прийти к заключению – llegó a la conclusión*, *провести глубокий анализ – realizó un extenso análisis* и др., ссылаясь на источники в социальных сетях *a través de las redes sociales* и корреспондентов на местах *los reportes de primera mano*[3]. При этом правда (истина) не важна и не нужна, целью фейка является формирование нужных автору аксиологических и эмоциональных параметров у адресата.

[1]URL: https://www.semana.com/mundo/articulo/colombiano-se-convierte-en-el-primer-condenado-en-rusia-por-difundir-noticias-falsas-que-hizo-para-recibir-esta-pena/202339/)

[2]URL: https://360tv.ru/news/ukrainian-crisis/fejk-o-nehvatke-vrachej-v-mariupole-razoblachili-v-rossii/

[3]URL: https://elpais. com/ internacional/2022-11-26/guerra-ucrania-rusia-ultimas-noticias-en-directo.htm

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постправда ознаменовала собой современное развитие медийного пространства, когда нет ни лжи, ни правды, а объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. С *постправдой* связаны такие информационные продукты, как фейки и фейковые новости, в которых ложная информация подается под видом объективной. В России бум фейковых новостей был вызван эпидемией коронавируса, в отличие от США, где фейковую «лихорадку» породила избирательная кампания Дональда Трампа. Фейки создаются в сфере финансов, развлечений, в рекламе, в медиа с целью повысить посещаемость ресурсов. Вопрос распознавания фейка особенно остро стоит в политической сфере, в борьбе за электорат и в так называемых информационных войнах, где фейки используются для создания социальной напряженности и управления общественным мнением.

При конструировании фейков используются прагматические средства, когнитивные механизмы, специально отобранные языковые средства. Эти средства направлены на создание так называемого токсичного контента, на некритическое восприятие информации в пользу эмоционального и формирование чувства тревоги, страха и вины у реципиента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Villanueva D. Morderse la lengua. Corrección política y posverdad. Barcelona: Editorial Planeta: Espasa, 2021.
2. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. М.: Университет, 2012.
3. Keyes R. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y.: St Marin's, 2004.
4. Кошкарова Н. Н., Бойко Е. С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77–82.
5. Карасик В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 21–30.
6. DRAE – Diccionario de la lengua espanola. Real Academia Española, 2022. URL: https://dle.rae.es/
7. Никитин М. Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедийного дискурса: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2023.
8. Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах: пособие. Воронеж: РИТМ, 2021.

REFERENCES

1. Villanueva, D. (2021). Morderse la lengua. Corrección política y posverdad. Barcelona: Editorial Planeta: Espasa.
2. Dobrosklonskaya, T. G. (2012).Yazyk sredstv massovoi informatsii. = The language of mass media. Moscow: Knizhnyi dom «Universitet» (KDU). (In Russ.)
3. Keyes, R. (2004). The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y.: St Marin's.
4. Koshkarova, N. N. Boiko, E. S. (2020). Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information // Political Linguistics, 2(80), 77–82. (In Russ.)
5. Karasik, V. I. (2017). Factoids as a Linguocultural Phenomenon // Political Linguistics, 3(63), 21–30. (In Russ.)
6. DRAE – Diccionario de la lengua espanola. Real Academia Española, 2022. URL: https://dle.rae.es/
7. Nikitin, M. Yu. (2023). Lingvosemioticheskie osobennosti konfliktogennogo massmediinogo diskursa = Linguosemiotic features of conflictogenic mass media discourse: abstract of PhD. Moscow. (In Russ.)
8. Sternin, I. A., Shesterina, A. M. (2021). Markery feika v mediatekstakh. Posobie. = Fake markers in media texts. Voronezh: RITM. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимов Роман Владиславович

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trofimov Roman Vladislavovich

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics

Статья поступила в редакцию	21.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.22
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_119

Типы вопросов в арсенале медиатора (на примере англоязычных текстов)

Т. В. Ускова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t-uskova@bk.ru

Аннотация. В статье описываются некоторые особенности применения вопросов медиаторами. Использование вопросов является одним из приемов медиатора, позволяющих наладить конструктивный диалог между сторонами и способствующих достижению взаимоприемлемого решения. В статье рассматриваются различные виды вопросов, а также задачи, которые медиатор решает при помощи вопросов, и результаты, которых он добивается.

Ключевые слова: медиация, дискурс, вопрос, открытый вопрос, закрытый вопрос, дискурсивные стратегии

Для цитирования: Ускова Т. В. Типы вопросов в арсенале медиатора (на примере англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 119–125. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_119

Original article

Types of Questions in the Mediator's Arsenal (on the Example of English Texts)

Tatiana V. Uskova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t-uskova@bk.ru

Abstract. The article deals with certain features of mediators' questions application. The use of questions is one of mediation methods aimed at promoting a constructive dialogue between the parties along with achieving a mutually satisfactory decision. The article describes different types of questions and the tasks solved by the mediator through questions application as well as the achieved results.

Keywords: mediation, discourse, question, open questions, closed questions, discourse strategies

For citation: Uskova, T. V. (2023). Types of questions in the mediator's arsenal (on the example of english texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 119–125. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_119

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире все большее распространение получают методы внесудебного разрешения конфликтов, позволяющие избежать обращения в суд и связанных с этим расходов. Одним из таких методов является медиация. Под медиацией понимается способ разрешения конфликтов при активном участии сторон. Процедура медиации позволяет сторонам, участвующим в споре, обсудить возникшие разногласия и прийти к взаимовыгодному решению. Для эффективного разрешения спора требуется посредник, т. е. нейтральное лицо, не заинтересованное в данном конфликте. Таким лицом является медиатор, который налаживает коммуникацию между сторонами, способствует поддержанию комфортных условий для переговоров [Аллахвердова, Карпенко, 2010; Новиков, Слабкая, 2021].

Медиация предполагает предоставление конфликтующим сторонам добровольно способствовать выработке взаимовыгодного соглашения [Шамликашвили, 2011]. Согласно российскому законодательству медиация – это метод урегулирования споров при участии медиатора и добровольном согласии сторон для того, чтобы достичь взаимовыгодного результата[1].

Л. В. Куликова и О. А. Прохорова понимают под медиацией дискурсивное явление, выражающееся в коммуникативном взаимодействии, детерминированном конфликтным потенциалом. Авторы отмечают частое несовпадение целей, побуждений, ценностей отдельных людей, что приводит к непониманию и возникновению конфликтов [Куликова, Прохорова, 2016].

Поскольку медиация представляет собой беседу с заранее определенной целью и результатом, которого стороны хотели бы добиться, медиаторы применяют разнообразные стратегии, задача которых выяснить все факты и пожелания сторон и озвучить их. Такой обмен информацией позволяет изменять ход и динамику спора, корректировать мнения сторон по отношению как к рассматриваемой проблеме, так и к противной стороне.

Одним из важнейших инструментов медиации является применение вопросов, позволяющих указать участникам конфликта на стоящие перед ними проблемы и движущие силы, лежащие в его основе.

[1]Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (действующая редакция, 2016 г.). Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс (consultant.ru).

ФУНКЦИИ ВОПРОСОВ В ДИСКУРСЕ МЕДИАЦИИ

Вопросы выполняют несколько функций и применяются в разнообразных ситуациях в соответствии с тем, как протекает медиация. В связи с быстро меняющейся динамикой медиатору постоянно приходится корректировать свои речевые стратегии для того, чтобы стимулировать конструктивный диалог. Вопросы позволяют медиатору не только выявлять детали на ключевых этапах медиации, но и добиться того, чтобы стороны получили возможность выразить свое отношение к обсуждаемым проблемам, а также высказать аргументы в подтверждение своей позиции. Кроме того, вопросы позволяют медиатору сохранять контроль за процессом медиации в целом посредством постоянного направления беседы в определенном русле, а также дают возможность участникам медиации выразить свои мысли по поводу сложившейся ситуации и утверждений противоположной стороны [Garcia, 2019].

ОТКРЫТЫЕ И ЗАКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

Основной целью медиатора является содействие продуктивному обсуждению проблемы сторонами в конфликте. Это обсуждение может идти разными путями и имеет очень важную и изменяющуюся динамику.

Многие авторы отмечают, что вопросы являются важным лингвистическим приемом, использующимся медиаторами для того, чтобы подтолкнуть стороны к взаимопониманию [там же]. На начальном этапе, в зависимости от ситуации, медиаторы используют вопросы, предполагающие различные варианты ответов (открытые вопросы) и закрытые вопросы с целью получения от сторон необходимой информации. Сбор информации является важным этапом медиации, поскольку он позволяет найти решения в дальнейшем. Эта информация дает медиатору полную картину конфликта, а также предоставляет возможность всем сторонам обменяться информацией, чтобы лучше понимать мнения друг друга, а также интересы и цели каждой стороны [Kovach, 2010].

Открытые вопросы часто используются в медиации для начала дискуссии посредством введения новых деталей и общей информации о теме дискуссии. Открытые вопросы служат приглашением, обращенным к сторонам, говорить так, чтобы они могли поделиться тем, что важно и имеет значение для них. Вместе с тем применение данного типа вопросов на более поздних стадиях медиации направлено на то, чтобы побудить стороны предлагать

креативные, новаторские, содержательные, ценные идеи [Conley, O'Barr, 1988]. В результате медиатор и стороны получают ответы, содержащие аргументы, обоснования или объяснения, лежащие в основе позиции определенной стороны, а также основания и причины возникновения определенных требований и просьб. Благодаря открытым вопросам, у медиатора и у сторон появляется понимание всех фактов, событий и хода вещей, связанных с обсуждаемой проблемой. Как говорилось ранее, одним из преимуществ медиации является возможность сторон обсуждать и прорабатывать все варианты решения проблемы, а не только юридические аспекты [Garcia, 2019]. Использование определенных открытых вопросов приводит к тому, что медиатор приходит к пониманию препятствий, которые требуется преодолеть, чтобы стороны смогли осознать глубинные причины конфликта и позицию другой стороны по рассматриваемому вопросу.

Пример (1).

Party 1: So let's say, you know, we're talking about $600,000-750,000 certainly doubled, maybe tripled, you are talking in excess of $1.5 million and then on top of that, of course, attorney's fees are available and I would estimate in a case like this, that's going to be a sizeable sum. And of course, the Cane Company will be paying its own lawyers. So we're willing to be reasonable, but we also believe that this is a significant case. I believe in the case. I will take it all the way. You can check with your colleagues. I am a hard fighter and I think if we can settle it great, if not see you in court.

Mediator: Okay thanks. *I would just ask you, [Party 2], do you have anything you want to add at this point? To let us keep in mind as we go about our conversation today?*

Из примера (1) видно, что вслед за первоначальным заявлением стороны 1 медиатор задает стороне 2 очень общий вопрос, касающийся юридической стороны рассматриваемой ситуации. Он указывает стороне 2 на возможность высказать всё, о чем думают представители той стороны, либо чего хотят до того, как начнется обсуждение юридических вопросов. Медиатор подчеркивает «открытую» возможность для стороны 2, отмечая, что высказывание может касаться всего, что сторона 2 посчитает важным для продолжения беседы, а также их позиции в этой медиации. Подобное использование открытых вопросов медиаторами широко распространено, так как медиаторы стремятся поощрять любые виды высказываний, сделанных сторонами в начале медиации, а затем постепенно переходят к закрытым вопросам и другим специфическим видам вопросов, которые выделяют отдельные аспекты конфликта [Fogler, Baruch, 2012].

Закрытые вопросы, в свою очередь, используются медиатором более прямо и сознательно. Данный тип вопросов направлен на получение однозначного и односложного ответа, обычно «да / нет», а не на развернутый ответ, объяснение или аргументацию. Закрытые вопросы могут быть использованы с целью прояснить то, что было сказано непосредственно до вопроса, либо чтобы сосредоточить внимание на конкретном аспекте беседы. Медиаторы стремятся фокусировать внимание участников на отдельных элементах утверждений и аргументов, сделанных сторонами, выделяя их посредством задаваемых вопросов. Этот метод позволяет сторонам сосредоточить внимание на том, в чем они согласны, а также выявить детали, которые необходимо обсудить. Закрытые вопросы часто используются ближе к концу обсуждения проблемы, поскольку они отвечают за сложный характер медленного формирования согласия или, по крайней мере, отдельных элементов согласия [Garcia, 2019].

Пример (2).

Party 1: That is what it would look like. I want a safe environment for our children. I want to make sure…

Mediator: I understand that, but the physical…I am understanding that there's something in terms of all three children, but what I'm not sure about is are you suggesting that over the summer as was proposed *that you don't want all three children with you?*

Party 1: Yes. We want all three children because I have my grandparents there and there's more things that I can interact with my grandparents when we are in Cancun, it's going to be fantastic.

Mediator: So from June 15 to September 15? Okay so it's less than three months…

Выделенный курсивом вопрос, заданный медиатором, представляет собой закрытый вопрос и задается, чтобы уточнить детали утверждения, сделанного стороной 1. Медиатор стремится выявить и получить подтверждение истинных целей сторон в отношении детей. После того, как сторона 1 предложила свое объяснение и ответила на закрытый вопрос, медиатор задает следующий закрытый вопрос (*So from June 15 to September 15?*), стремясь добиться полного и точного понимания просьбы стороны 1.

ТИПЫ ВОПРОСОВ

Как показывают исследования, вопросы являются наиболее важным лингвистическим приемом, использующимся в речи медиатора [Garcia, 2019]. Согласно К. К. Ковач, вопросы составляют 53 % всех высказываний медиатора [Kovach, 2010]. Тип вопроса зависит от намерения, с которым задавался вопрос, и от полученного ответа, а также оказанного на ход беседы эффекта. В этих целях изучаются интенции медиатора, поскольку то, как был сформулирован и задан вопрос, дает представление о цели вопроса. В целом вопросы используются медиатором для получения информации о юридических аспектах конфликта, отношениях между сторонами, а также задаются с целью содействовать сторонам в поиске возможного решения и преодоления разногласий. Таким образом, можно выделить проясняющие вопросы, вопросы, содержащие предложение, вопросы согласия, вопросы, демонстрирующие беспристрастность медиатора.

Проясняющие вопросы

Цель проясняющих вопросов – получить информацию о деталях требований сторон таким образом, чтобы они стали понятны и медиатору, и противной стороне. Данные вопросы используются исключительно для стимулирования продуктивности обсуждения, для поддержания обмена информацией и фиксации деталей, касающихся обсуждающейся проблемы. Проясняющие вопросы относятся к категории базовых вопросов медиации для получения информации и фактов дела, а также и дополнительной справочной информации. Может сложиться ощущение, что медиатор не оказывает значительного влияния на ход дискуссии, задавая такие вопросы, а скорее накапливает информацию, которой с ним делятся стороны. В этом случае «базовые вопросы» так же, как и «отсутствие влияния на ход дискуссии» относятся к использованию вопросов как формы запроса информации, что отличается от вопросов, которые требуют некоторого речевого акта, связанного с действием. Данному виду вопросов присуще отсутствие в коммуникации основополагающей интенции: направить дискуссию в определенное русло или предложить сторонам предпринять определенные действия. Благодаря проясняющим вопросам медиатор получает детальную информацию о событиях, лежащих в основе разногласий, а также юридических аспектах, необходимых для проведения переговоров.

Применение проясняющих вопросов медиатором характерно для начала разбирательства, когда сторона только начинает свое объяснение событий или заявляет о своих желаниях. Эти вопросы не затрагивают ход дискуссии, а скорее используются для получения базовой информации, утверждения фактов, мнений, позиций и желаний. Стороны имеют тенденцию отвечать на эти вопросы, не задумываясь и не изменяя свою манеру говорить, отвечают прямо, предоставляя информацию, о которой их спрашивают. По мере того как ход дискуссии переходит к обсуждению деталей, вопросы медиатора становятся более целенаправленными, таким образом, проясняющие вопросы можно наблюдать только в начале дискуссии [Kovach, 2010].

Пример (3).

Party 1: This humiliation in class when I supposedly humiliated her when the exams were handed back. In no way did I intend to or did I attempt to humiliate her. [Party 2] is one of the outstanding students in the class. There's no question about it. She failed the examination. I made some reference to the fact as I was distributing the examinations that I expected that she would do better; I expected better of her. I did not intend any type of humiliation, nor did I think she was humiliated in class. It is surprising to me to see her fail an exam.

Party 2: Doesn't that sound like a slap on the hand?

Mediator: One of the things that would be helpful I think [party 2], if we could begin to get some discussion between the two of you because after all, you're going to try and come up with a resolution. *It sounds as if*, [*Party 1*], *you're suggesting that you didn't sense that what you said was meant to be a humiliation?*

Данный пример показывает, как медиатор, суммирует заявление, сделанное стороной 1, старается выяснить, что сторона 1 имела в виду или что подразумевала. Из этого следует, что медиатор внимательно слушает заявления участников, а затем повторяет наиболее важную информацию, чтобы заострить на ней внимание обоих участников. Поскольку медиатор обобщает наиболее важные пункты, используются проясняющие вопросы, которые позволяют убедиться, что подтверждаемая информация точна, верна и отражает чувства сторон.

Вопросы, содержащие предложение

Вопросы с предложениями направлены на то, чтобы подтолкнуть стороны к поиску возможных положений, с которыми они могут согласиться, а также формулированию реалистичных желаний. К данной категории можно отнести вопросы типа: *so what do you want to get out of this mediation* (*что вы ходите получить от этой медиации*), цель

вопроса – выяснить, на чем сосредоточено внимание сторон. Вербализация желаний может помочь сторонам в поиске решений – вместо того, чтобы продолжать обмениваться мнениями без какого-либо движения навстречу друг другу. Подобные вопросы помогают лицам, участвующим в медиации, оказаться на одной волне и правдиво взглянуть на то, как продуктивно разрешить некоторые из проблем. Этот тип вопросов обычно используется после того, как большая часть претензий была обсуждена. Медиаторы имеют тенденцию использовать их для того, чтобы сместить фокус дискуссии от простого обмена информацией и мнениями на то, что можно предпринять для достижения решения. Не зная истинных намерений участников дискуссии, медиатор не сможет определить, в каком направлении осуществлять медиацию. Обладая необходимой информацией, медиатор может найти сходства в позициях сторон, и, следовательно, определить положения, с которыми они смогут согласиться, для того чтобы выработать совместное решение [Garcia, 2019].

Пример (4).

Lawyer Party 2 [Mediator], I'm sorry, that's insulting, that offer. That's absurd.

Mediator: *What do you think would help them see that they have more exposure here than that offer suggests?*

В приведенном выше отрывке медиатор спрашивает сторону об их предложениях в отношении дальнейших действий. Это не только позволяет медиатору получить некоторое представление о том, к чему склоняется сторона или чего она желает, но и дает медиатору какое-то представление о том, что сторона не приемлет в текущем предложении. Из этого следует, что вопросы, содержащие предложения, применяются после обсуждения большей части претензий, с целью стимулировать стороны обдумать или переосмыслить свои требования к другой стороне. Ответы на эти вопросы могут быть использованы в дальнейшем как отправная точка для обсуждения того, на что стороны готовы согласиться. Посредством подобных вопросов медиатор направляет медиацию от обмена информацией к поиску компромисса.

Вопросы согласия

Как следует из названия, данный вид вопросов направлен на стимулирование дискуссии в направлении обсуждения положений, по которым стороны готовы прийти к согласию и, таким образом, закрепить достигнутый успех. Если представить медиацию как линию с началом и концом, эти вопросы создают на этой линии точки завершения действий, целью которых является продвижение медиации вперед. После обсуждения отдельного элемента претензии, если обе стороны согласны с возможным ее решением, медиатор задает вопрос «согласия», чтобы зафиксировать согласие сторон и указать на то, что эта позиция в дальнейшем обсуждаться не будет [Garcia, 2019].

Важность вопросов согласия обусловлена тем, что они позволяют планировать, что еще необходимо включить в обсуждение. Более того, подобные вопросы не только способствуют продуктивному движению медиации, но позволяют медиатору сохранять нейтралитет, так как на совместных заседаниях вопросы обращены в равной мере к обеим сторонам. Если одну сторону спрашивают о ее согласии, а другую сторону не включают в этот вопрос (посредством взгляда, направления речи, называя имя одной из сторон), тогда медиатор рискует быть обвиненным в предвзятости.

Таким образом, вопросы согласия используются для указания на поворотный момент, часто связанный с темой переговоров. За этими вопросами обычно следует предложение обсудить другой, возможно не связанный с предыдущим, вопрос аргументации. Ближе к концу медиации вопросы согласия становятся все более частыми. Чем плодотворнее медиация, тем больше вопросов согласия задается для того, чтобы убедиться, что стороны имеют одинаковое видение и понимание ситуации.

Пример (5).

Mediator: Okay. It seems as if there are some places that I could take back to the table if you would agree to let me do that. Basically what I hear you saying is that you're not going to deal with changing the grade at this point?

Party 1: No.

Mediator: That exam was fair as far as you're concerned. You would be willing to express an apology for any humiliation you may have caused if that's how she felt. The repayment *of the $75; you want the money but you don't care if we could spread it out over time that would be okay?*

Пример (5) демонстрирует, как, используя вопросы согласия, медиатор стремится получить от стороны 1 подтверждение ее позиции, что, в свою очередь, позволит медиатору сделать вывод о том, есть ли возможность прийти к соглашению между сторонами. Помимо этого, медиатор указывает стороне 1 на более практичные варианты решения проблемы, а именно и согласие получить выплату через какое-то время, а не сразу.

Вопросы, демонстрирующие беспристрастность медиатора

Медиаторы не только используют вопросы для получения информации или подтверждения деталей, по которым достигнуто согласие, но и для того, чтобы заявить о своей беспристрастности в отношении сторон, а также продемонстрировать, что стороны находятся на одном уровне с медиатором. По форме и содержанию вопросы данного типа могут в значительной степени отличаться в зависимости от ситуации и того, как развивается конкретная медиация. Некоторые могут быть такими простыми, как: *And how do you feel about what Bob said?* (*Как вы относитесь к тому, что сказал Боб?*) для того, чтобы позволить обеим сторонам выразить свое мнение по определенному вопросу, который только что был представлен или считается очень важным. Некоторые вопросы могут быть более «глубокими» и призваны помочь сторонам сосредоточиться на предлагаемом варианте решения: *And what is your view about the proposed solution?* (*Что вы думаете по поводу предлагаемого решения?*). Цель подобных вопросов – продемонстрировать сторонам, что они в равной мере включены в процесс обсуждения, таким образом медиаторы стремятся указать на свой нейтралитет, свою равноудаленность путем включения обеих сторон в обсуждение, в отличие от ситуации, когда только одна сторона участвует в обсуждении [Garcia, 2019].

Пример (6).

Mediator: – okay well let me ask you the same question as I asked [Party 1]. If, what are you looking for from this mediation?

Пример (6) иллюстрирует применение данного типа вопросов медиатором с целью обеспечить строгое соблюдение принципа беспристрастности. Медиатор дает обеим сторонам одинаковую возможность обсудить определенный вопрос и тем самым демонстрирует не только свою беспристрастность, но также подчеркивает равные возможности и баланс равных полномочий сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что применение вопросов является одним из наиболее эффективных приемов медиации, который позволяет медиатору вносить изменения в речевые стратегии по мере развития дискуссии, с целью стимулировать продуктивное обсуждение конфликта и поиск взаимоприемлемого решения. Выбор типа вопроса зависит от задач, стоящих перед медиатором. Для получения информации в начале дискуссии возможно использование открытых вопросов. Закрытые вопросы встречаются ближе к завершению дискуссии, поскольку они позволяют сосредоточить внимание сторон на конкретных деталях возможного решения проблемы. Открытые и закрытые вопросы, в свою очередь, могут быть подразделены на проясняющие вопросы, вопросы, содержащие предложение, вопросы согласия, вопросы, демонстрирующие беспристрастность медиатора.

Таким образом, изучение методов использования медиаторами различных видов вопросов позволяет лучше понять процесс медиации, сделать его более доступным для понимания и, следовательно, активнее внедрять его в повседневную жизнь, а также применять элементы медиации в процессе обучения профессиональному иностранному языку студентов юридических специальностей и профессиональных юристов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д. Медиация – переговоры в ситуации конфликта. СПб.: Роза мира, 2010.
2. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 48–54. DOI: 10.34670/AR.2020.28.82.008
3. Шамликашвили Ц. А. Эффективность медиации во внешнеторговых спорах. М.: Внешнеторговое право, 2011.
4. Куликова Л. В., Прохорова О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56): в 2 ч. Ч. 2. С. 100–104.
5. Garcia A. How Mediation Works: Resolving Conflict Through Talk. Cambridge Core – Sociology: General Interest – Cambridge University Press, 2019. URL: https://doi.org/10.1017/9781139162548
6. Kovach K. K. Mediation: Principles and Practice. St. Paul: West Group, 2010.
7. Conley J., O'Barr W. Fundamentals of Jurisprudence: An Ethnography of Judicial Decision Making in Informal Courts // North Carolina Law Review. 1988. Vol. 66 (3). P. 467–507.
8. Fogler P. J., Baruch R. A. Mediation and Social Justice: Risks and Opportunities // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2012. Vol. 27 (1). P. 1–51.

REFERENCES

1. Allakhverdova, O. V., Karpenko, A. D. (2010). Mediatzya – peregovory v situatzii konflikta = Mediation is negotiation in a conflict situation. St.-Petersburg: Rosa Mira. (In Russ.)
2. Novikov, A. V., Slabkaya, D. N. (2021). Mediation procedure. Functions, types and stages of mediation. Issues of Russian and international law, 11(1A), 48–54. DOI: 10.34670/AR.2020.28.82.008
3. Shamlikashvili, Tz.A. (2011). Effektivnost' mediatzii vo vneshnetorgovyh sporakh = Effectiveness of Mediation in Foreign Trade disputes. Moscow: Vneshnetorgovoe pravo. (In Russ.)
4. Kulikova, L.V., Prokhorova, O. A. (2016). Research approaches to the mediation discourse through the prism of interdisciplinarity. Philology. Theory & Practice, 2(56), 100–104. (In Russ.)
5. Garcia, A. (2019). How Mediation Works: Resolving Conflict Through Talk. Cambridge Core – Sociology: General Interest – Cambridge University Press. URL: https://doi.org/10.1017/9781139162548
6. Kovach, K. K. (2010). Mediation: Principles and Practice. St. Paul: West Group.
7. Conley, J., O'Barr ,W. (1988). Fundamentals of Jurisprudence: An Ethnography of Judicial Decision Making in Informal Courts. North Carolina Law Review, 1988, 66 (3), 467–507.
8. Fogler, P. J., Baruch, R. A. (2012). Mediation and Social Justice: Risks and Opportunities. Ohio State Journal on Dispute Resolution, 27(1), 1–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ускова Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uskova Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’33
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_126

Функционирование межъязыкой интерференции в переводе

М. Н. Федулова[1], **Е. В. Черных**[2]

[1,2]*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*
[1]*mfedulova@mail.ru*
[2]*alzom.elizabeth@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос межъязыковой интерференции как способа перевода, а также особенности проявления и функционирования данного явления в различных видах перевода. Приводятся примеры проявления намеренной межъязыковой интерференции в художественном и юридическом переводе. Кроме того, дается оценка целесообразности и возможностей использования изучаемого явления в указанных видах перевода.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, контакт языков, специальный перевод, художественный перевод, терминологическая эквивалентность

Для цитирования: Федулова М. Н., Черных Е. В. Функционирование межъязыковой интерференции в переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 126–131. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_126

Original article

Functioning of Crosslanguage Interference in Translation

Maria N. Fedulova[1], **Elizaveta V. Chernykh**[2]

[1,2]*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia*
[1]*mfedulova@mail.ru*
[2]*alzom.elizabeth@yandex.ru*

Abstract. This article examines crosslanguage interference as a method of translation, as well as the peculiarities of the usage and functioning of this phenomenon in different types of translation. The authors explore examples of intentional crosslanguage interference in the fiction and legal translation. In addition, the authors evaluate the usefulness and possibilities of using the studied phenomenon in these types of translation.

Keywords: crosslanguage interference, language contact, special translation, fiction translation, terminological equivalence

For citation: Fedulova, M. N., Chernykh, E. V. (2023). Functioning of Crosslanguage Interference in Translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 126–131. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_126

ВВЕДЕНИЕ

В ходе своей профессиональной деятельности переводчик сталкивается с различными вызовами и трудностями, непосредственно влияющими на результат его работы и носящими системный характер, поскольку перевод хоть и может быть разделен на различные этапы и операции, тем не менее, представляет собой комплексный процесс, представляющий собой одновременно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, вид языкового посредничества, межъязыковую трансформацию и сложный вид речевой деятельности [Ильяшова, 2014]. Указанные сущностные характеристики позволяют рассматривать перевод с различных сторон, а также конкретизировать обозначенные вызовы и трудности и способы их преодоления.

Отдельное внимание нам бы хотелось обратить на особую сторону перевода, отмеченную в 60-х годах XX века французским переводоведом Ж. Мунэном, писавшим, что «перевод – это языковой контакт и одновременно явление билингвизма» [Мунэн, 1978, с. 37]. Понимание перевода как контакта языков позволяет рассматривать данный вид человеческой деятельности в свете непосредственно связанного с многоязычием явления – межъязыковой интерференции.

Ряд ученых-лингвистов, например, В. Ю. Розенцвейг, А. Е. Карлинский и другие, понимают межъязыковую интерференцию с негативной стороны, в основном как нарушение билингвом норм соотнесения контактирующих языков, а доктор филологических наук и один из выдающихся ученых, трудящихся в стенах Военного университета МО РФ, Н. В. Иванов и вовсе высказывается о межъязыковой интерференции как о явлении, чуждом переводу.

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что межъязыковая интерференция, под которой мы понимаем процесс взаимодействия языков в сознании переводчика, а также результат данного процесса, выражающийся в намеренных или ненамеренных искажениях норм и узуса языка перевода, является неотъемлемой составляющей перевода, так как контактирующие языки неизбежно проникают один в другой и оказывают взаимное влияние. Непосредственно в переводе межъязыковая интерференция может проявляться в виде таких явлений, как заимствования, калькирование, буквальный перевод, перенос грамматических и стилистических особенностей оригинала и др.

Вместе с тем в отличие от «обычного» билингва переводчик способен контролировать данный процесс и его результаты, поэтому в случае, если в переводе наблюдаются элементы межъязыковой интерференции, можно судить о том, что:

1) переводчик неосознанно допустил проникновение элементов одного языка в другой, совершив ошибку и исказив смысл, либо

2) переводчик осознанно сохранил элементы оригинального текста в тексте перевода с целью сохранения их коммуникативной и функциональной равнозначности.

Про переводческие ошибки и способы их преодоления написано немало научных трудов, поэтому далее нам бы хотелось сконцентрировать внимание на втором случае, когда межъязыковая интерференция может использоваться намеренно как способ перевода, а также на то, каким образом это проявляется в тексте перевода и с какой целью применяется.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Осознание роли и особенностей функционирования межъязыковой интерференции неотъемлемо связано с самой природой перевода, который, несмотря на свою комплексность и единство, подразделяется на виды, каждый из которых требует к себе особого подхода и соблюдения определенных правил и требований для достижения качественного и адекватного результата. Говоря о видах перевода, мы пользуемся классификацией, предложенной выдающимся лингвистом Л. Л. Нелюбиным, согласно которой выделяется художественный, т. е. «функционирующий в сфере художественной литературы» [Нелюбин, 2003, с. 246], и специальный перевод, обслуживающий «определенные отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой» [там же, с. 208].

Как же может быть оправдана межъязыковая интерференция в художественном переводе, с одной стороны, задачей которого является сохранение эстетики и образности оригинала, а с другой – донесение до конечного пользователя смысла переводимого произведения? Говоря о способах осуществления перевода художественных произведений, нельзя не упомянуть о двух основных переводческих стратегиях, описанных в середине XX века американским теоретиком перевода Л. Венути: доместикации и форенизации. Доместикация подразумевает приближение текста оригинала к языку и культуре языка перевода, то есть лингвокультурное сближение автора и читателя, в то время как форенизация ориентирована на сохранении колорита и особенностей оригинала, подразумевая нарушения норм языка перевода

в угоду авторскому замыслу и заложенным образам [Venuti, 1995].

Стратегия форенизации является наглядным примером использования межъязыковой интерференции в художественном переводе. За счет различных переводческих приемов, например калькирования, сохранения стилистической и синтаксической особенности оригинала, переноса понятий и других переводчик подчеркивает языковые и культурные особенности оригинального текста, при этом приближая читателя к культуре оригинала [Шелестюк, Гриценко, 2016].

Несмотря на то, что форенизация выглядит как наиболее «дружелюбная» к языку оригинальных произведений стратегия перевода, известно немало примеров слишком дословного следования исходнику в переводе, что может привести скорее к разрушению общей атмосферы повествования, нежели чем к погружению в слог и замысел автора.

В качестве иллюстрации можно привести перевод «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена от А. А. Грузберга, который в стремлении сохранения авторской задумки чрезмерно ушел в буквализм и подстрочный перевод. В качестве примера можно рассмотреть следующую фразу: *Do not bandy words in your insolence with the Mouth of Sauron!*. В ней прослеживается намеренная авторская инверсия, а понятие «Mouth of Sauron» является именем одного из персонажей. В переводе А. А. Грузберга она была интерпретирована следующим образом: «Не перекидывайся словами в своем высокомерии с ртом Саурона!» [Толкин, 2011]. В переводе мы можем наблюдать сохранение синтаксических особенностей оригинала и чрезмерно буквальную трактовку имени собственного, в результате чего возникает не только грамматическая и стилистическая межъязыковая интерференция, но и косвенная межъязыковая интерференеция, при которой переводной текст «отторгает» читателя в силу своей иноязычности и «чужеродности».

Вместе с тем существует немало примеров, когда форенизация, в особенности отдельных элементов текста, положительным образом влияет на перевод и позволяет целевой аудитории глубже проникнуться авторским замыслом.

В частности, как было рассмотрено в статье «Стратегии локализации ономастической лексики художественных произведений на русский язык (на примере видеоигр)» [Черных, 2023], форенизация может выступать наиболее обоснованным способом передачи художественных антропонимов и топонимов, поскольку они существуют и функционируют в рамках определенной созданной автором реальности и могут нести смыслы, в том числе неподлежащие переводу.

Так, в игре Death Stranding[1] от японской компании Kojima Productions все имена действующих лиц являются говорящими и непосредственно связанными с их характерами и судьбами. Например, в игре присутствуют персонажи Fragile и Die-Hardman, имена которых были переданы на русский язык при помощи транслитерации – Фреджайл и Дайхардмен.

Имя Фреджайл отсылает к английскому слову *fragile* (*хрупкий*) и к его французскому аналогу, отличающегося только произношением ([frœʤaɪl] в английском языке и [fʁa.ʒil] во французском). Данный антропоним представляет собой не просто красивую игру слов, он также является отражением основной темы и мотивации персонажа, а именно преодоление собственной слабости и уязвимости ради общего блага, о чем героиня и говорит по ходу повествования: *I am Fragile. But not that fragile* (*Мое имя Фреджайл, но я не хрупкая*)[2].

Что касается второго из упомянутых действующих лиц – Дайхардмена, то его имя представляет собой не просто отражение характера персонажа и двойную игру слов, но также и отсылку к популярной культуре. Понятие «die-hard» может быть интерпретировано в данном контексте двумя способами: в значении «to cling to life»[3] («цепляться за жизнь», «сражаться до последнего»), а также как «*stubbornly resistant to change or unwaveringly loyal even in spite of inevitable defeat, failure, etc.*»[4] (*упорно противостоять переменам или быть непоколебимо верным даже перед лицом неизбежного поражения, неудачи* и т. д.[5]). Оба варианта перевода понятия подходят для описания характера и образа персонажа. В прошлом он служил в Силах специального назначения Армии США, где и получил данное прозвище, поскольку умудрялся выживать в любых экстремальных ситуациях. В дальнейшем он присоединился к корпорации Bridges и инициативе UCA, непоколебимую верность которым он сохранял на протяжении всего повествования, несмотря на то, что знал об их негуманных экспериментах, а также на то, что ему впоследствии стали известны истинные мотивы главы организации, связанные с вымиранием человечества как вида. Кроме того, настоящее имя персонажа – Джон МакКлейн, что отсылает к антагонисту

[1]Мы относим видеоигры к виду интерактивных аудиовизуальных художественных произведений.

[2]Перевод взят из официальной локализации игры на русский язык.

[3]Die-hard // Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/die-hard

[4]Там же.

[5]Зд. и далее перевод наш. – *М. Ф., Е. Ч.*

серии кинофильмов «Крепкий орешек» («Die Hard» в оригинале).

Использование межъязыковой интерференции в форме транслитерации в переводе имен рассмотренных персонажей не нарушает грамматику и стилистику языка перевода, но сохраняет заложенный автором контекст, образность и характеристику персонажей, что позволяет конечному пользователю более глубоко проникнуться разворачиваемым повествованием и судьбами героев. Несмотря на то, что в данном случае транслитерация представляется единственно верным решением перевода, необходимо отметить, что для тех, кто не знает английского языка, данные имена могут оказаться лишенным своей образности, вследствие чего присутствует необходимость переводческого комментария.

Принятие отдельных решений в художественном переводе зависит от ответственности переводчика. Л. Л. Нелюбин отмечает, что хороший переводчик должен тянуться к автору. На наш взгляд, основной задачей переводчика является сохранение баланса между авторской эстетикой и возможностями ее восприятия целевой аудиторией, между сохранением оригинальных авторских задумок и «сглаживанием» исходного текста в угоду читателю. Поэтому в рамках художественного перевода межъязыковая интерференция является оправданной и целесообразной в тех случаях, когда она позволяет наиболее полно раскрыть и передать авторский замысел и созданные автором образы и смыслы без нарушения грамматических и стилистических норм языка перевода.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Что касается специального перевода, то здесь ситуация складывается немного иным образом. Как известно, специальный перевод охватывает различные предметные отрасли и сферы общения, в частности, научную, военную, юридическую, дипломатическую и др. По мнению Л. Л. Нелюбина, даже повседневное общение относится к данному виду перевода. Названия обозначенных сфер общения и перевода указывают на области их функционирования, а также определяют особенности и трудности, с которыми приходится сталкиваться переводчику.

Как известно, глобальной целью перевода является создание на языке перевода равноценного текста, «причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [Комиссаров, 1990, с. 45]. Одним из способов достижения указанной равноценности в специальном переводе выступает межъязыковая интерференция, которая позволяет сохранять структуру и содержание оригинала, а также передавать различия в построении общественных отношений и специфику функционирования отдельных отраслей общественной жизни.

Так, в области юридического перевода переводчику важно понимать, что он не просто должен создать равноценный текст на языке перевода, но также и сохранить его юридическую силу, что в значительной степени осложняется различиями правовых систем и юридических формулировок в разных странах, а также наличием терминологических лакун и разницей в построении структуры документов. Существуют различные способы перевода юридических терминов: дескриптивный перевод, заимствование термина, семантическая калька, пословный перевод [Кондратьев, 2019]. С онтологической точки зрения они представляют собой проявления межъязыковой интерференции, поскольку подразумевают перенос особенностей оригинала в текст перевода. Без дополнительных пояснений возможно появление затруднений в понимании переведенных подобным образом терминов, однако такой подход позволяет сохранить как структурную, так и содержательную эквивалентность понятия.

Например, термины «solicitor» и «barrister» могут быть переведены как юрист или адвокат, однако объемы понятий в русском и английском языке не совпадают, поскольку «solicitor» предоставляет широкий спектр юридических услуг, в том числе ведение дел клиентов в суде, а «barrister» – это юридический консультант, готовящий документы для суда и выступающий перед судом [там же, с. 261]. В силу указанных различий единственным адекватным способом передачи понятий является их прямое заимствование (т. е. один из видов межъязыковой интерференции) в русский язык. Кроме того, оба понятия уже нашли свое отражение в орфографическом академическом ресурсе «АКАДЕМОС» Российской академии наук, а также в Большой Российской энциклопедии.

Для разрешения возможной двусмысленности в трактовании терминов и понятий в большинстве международных документов, юрисдикция которых охватывает множество государств с различными правовыми системами, зачастую существует отдельная глава, посвященная терминологии, а также используется особый понятийно-категориальный аппарат, функционирующий только в рамках определенного договора и имеющий одинаковую юридическую силу на всех языках, на которых составлен документ. Например,

в «Договоре по открытому небу» Статья II называется «Определения» и включает в себя все рабочие понятия Договора, часть из которых может иметь исключительно «локальное» использование и либо отсутствовать в общепринятом языке, либо иметь другое значение.

Пункт 5 указанной Статьи гласит:

> Термин 'наблюдательный полет' означает полет самолета наблюдения, проводимый наблюдающей стороной над территорией наблюдаемой стороны, как это предусмотрено в плане полета, с пункта въезда или аэродрома открытого неба до пункта выезда или аэродрома открытого неба.
>
> – The term "observation flight" means the flight of the observation aircraft conducted by an observing Party over the territory of an observed Party, as provided in the flight plan, from the point of entry or Open Skies airfield to the point of exit or Open Skies airfield[1].

Понятие «observation flight» на английском языке обозначает полет, в ходе которого происходит оценка уполномоченным лицом определенных показателей погоды – влажности, скорости и направления ветра, турбулентности и других факторов окружающей среды[2]. Однако в рамках Договора оно приобретает новое значение, которое структурно и семантически отражается на всех языках договора (ср.: *фр.* Vol d'observation, *нем.* Beobachtungsflug, *ит.* volo d'osservazione, *исп.* vuelo de observación). Кроме того, можно отметить, что структура построения вышеуказанных предложений на обоих языках полностью совпадает, что с лингвистической точки зрения является отражением грамматической межъязыковой интерференции, при которой структура предложения и порядок слова в одном языке следуют структуре и порядку в другом с целью сохранения правового значения.

Можно сказать, что задачей юридического перевода является по сути не трансформация текста с одного языка на другой, а именно – создание языкового варианта текста, сохраняющего структуру и юридическую силу оригинала. В рамках такого подхода межъязыковая интерференция выступает в роли инструмента сохранения адекватности и эквивалентности текстов, даже если это приводит к нарушению правил грамматики и стилистики языка перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нами были рассмотрены возможности использования межъязыковой интерференции как способа перевода в рамках художественного и юридического перевода. Несмотря на то, что нами не были охвачены другие аспекты специального перевода, например, военный или научный, мы можем сделать следующие выводы касательно рассмотренного материала. В художественном переводе межъязыковая интерференция в большинстве случаев выступает в роли отрицательного явления, которое может приводить к нарушению художественной эстетики оригинала на языке перевода. Вместе с тем в отдельных случаях, например, при переводе имен собственных или авторских понятий использование калькирования или буквализма позволяет сохранить авторский замысел и передать заложенные им смыслы без дополнительной языковой или культурной адаптации, которая может не в полной мере передать художественный контекст.

В юридическом переводе роль межъязыковой интерференции значительно расширяется, так как переводные документы обязаны передавать не только смысл исходного текста, но и сохранять его юридическую силу. Различия в правовых системах и юридических формулировках подталкивают переводчика к заимствованию или калькированию понятий и сохранению структуры отдельных предложений и всего текста документа. В этой связи межъязыковая интерференция выступает логичным способом перевода, однако необходимо понимать, что существующие лакуны могут требовать дополнительных пояснений и комментариев для избежания двусмысленности толкования.

[1] URL: https://www.osce.org/ru/library/14131

[2] Aircraft observation. American Meteorological Society. URL: https://glossary.ametsoc.org/wiki/Aircraft_observation#:~:text=An%20evaluation%20by%20an%20observer,of%20a%20specified%20pressure%20surface

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильяшова Т. И. Перевод как продукт и процесс двуязычной речевой деятельности // Евразийский форум. 2014. №1 (6). С. 84–94.
2. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 36–42.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003.
4. Venuti L. The Translator's Invisibility. London, New York: Routledge, 1995.

5. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №4 (386). С. 202–207.
6. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец / пер. А. А. Грузберга. М.: АСТ, 2011.
7. Черных Е. В. Стратегии локализации ономастической лексики художественных произведений на русский язык (на примере видеоигр) // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 81–89.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
9. Кондратьев П. Б. Проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 260–263.

REFERENCES

1. Il'yashova, T. I. (2014). Perevod kak produkt i protsess dvuyazychnoy rechevoy deyatel'nosti = Translation as product and process of bilingual language activity. Eurasian Forum, 1(6), 84–94. (In Russ.)
2. Mounin, G. (1978). Teoreticheskiye problemy perevoda. Perevod kak yazykovoy kontakt = Theoretical issues of translation. Translation as language contact. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike. Moscow: Vezdunarodnyie otnosheniya, 36–42. (In Russ.)
3. Nelyubin, L. L. (2003). Tolkovyi perevodcheskii slovar = Dictionary of translation terms. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
4. Venuti, L. (1995). The Translator's Invisibility. London, New York: Routledge.
5. Shelestyuk, E. V., Gritsenko, E. D. (2016). Foreignization / domestication in translation and their linguistic evaluation. Bulletin of Chelyabinsk State University, 4 (386), 202–207. (In Russ.)
6. Tolkin Dzh. R. R. (2011). Vlastelin kolec / per. A. A. Gruzberga. M.: AST, 2011. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец = Lord of the Ring. Transl. A. A. Gruzberga. Moscow: AST. (In Russ.))
7. Chernykh, E. V. (2023). Strategies for localization of fiction onomastic vocabulary into Russian (in the context of video games). Military Philological Journal, 1, 81–89. (In Russ.)
8. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (Lingvisticheskiye aspect) = Theory of translation (Linguistic aspects). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.)
9. Kondratev, P. B. (2019). Problems of mismatch of the semantic scope of legal terms and their equivalents in Russian and English languages of law. Baltic Humanitarian Journal, 2(27), 260–263. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федулова Мария Николаевна

доктор филологических наук, доцент
заместитель начальника 33 кафедры (английского языка второго)
Военного университета им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Черных Елизавета Вадимовна

адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedulova Maria Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Deputy Head of the Department of English (as Second Language)
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Chernykh Elizaveta Vadimovna

Postgraduate Student Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	27.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 82.0
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_132

Автор, событие и читатель в креативной деятельности

А. П. Бондарев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале французской литературы от Средневековья до постмодернизма прослеживаются этапы сюжетообразующего взаимодействия креативной интенции автора, смысловой автономии фабулы и участной рецепции читателя. Внимание сосредоточивается на эпизодах, свидетельствующих об исчерпании традиционным дискурсом возможностей вербализовывать непрерывно усложняющуюся картину мира. Принцип мимесиса адресует литературе требования вариатизации нарративных форм, адекватных логической структуре изображаемых событий.

Ключевые слова: автор, событие, читатель, жанр, сказывающееся произведение

Для цитирования: Бондарев А. П. Автор, событие и читатель в креативной деятельности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 132–142. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_132

Original article

Author, Event and Reader in Creative Activity

Alexandre P. Bondarev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru

Abstract. Based on the material of French literature from the Middle Ages to postmodernism, the article traces the stages of the plot-forming interaction of the author's creative intention, the semantic autonomy of the plot and the reader's participatory reception. Attention is focused on episodes that testify to the exhaustion of the traditional discourse's ability to verbalize the ever more complex picture of the world. The principle of mimesis addresses to literature the requirements of variatization of narrative forms that are adequate to the logical structure of the events depicted.

Keywords: author, event, reader, genre, affecting work

For citation: Bondarev, A. P. (2023). Author, Event and Reader in Creative Activity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 132–142. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_132

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ДИАЛОГ АВТОРА, СОБЫТИЯ И ЧИТАТЕЛЯ

Литературное произведение *сказывается в диалоге* трех сюжетообразующих инстанций: объективирующей авторской интенции, субъектности фабульного события и участной активности читателя.

Формообразующим усилиям автора противостоит заряженная мощной смысловой энергией автономия события, стремящегося выразить себя помимо цели художественного задания, а иногда и вопреки ей. Познание внутренней диалектики фабулы – событийной стороны произведения – модифицирует когнитивную модель авторского сознания, которое вносит коррективы в первоначальный замысел.

Процесс самоактуализации сказывающегося произведения отводит читателю-критику роль третейского судьи, занимающего *промежуточное* положение между преднамеренностью автора и непреднамеренностью фабульного события. Перцептивная чуткость автора реагирует на виртуальную читательскую оценку изменением принципа селекции эпизодов мнемонического ряда (in absentia) и их интерпретации на синтагматической оси корреляции (in praesentia).

Произведение, сказавшееся в познавательном, этическом и эстетическом диалоге этих трех формообразующих инстанций, обретает статус аподиктического в той мере, в какой извлекает из исторического континуума «типические обстоятельства», формирующие проект жизнестроительства «типического героя» – символического представителя своего поколения.

СКАЗИТЕЛЬ, ЭПИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И СЛУШАТЕЛИ ПОЭМЫ

Эпос уподобляется В. Шеллингом нераспустившемуся бутону, который раскрывает в исторической перспективе созревающее в нем потенциальное богатство национальной литературы. Метафору Шеллинга поддержал И. В. Гёте. В творческой биографии «Поэзия и правда» он выразил мнение, что каждому народу, претендующему на значительную роль в мировой культуре, надлежит иметь свою эпопею, поскольку факт возникновения эпоса свидетельствует о пробуждении национального самосознания. Единство познавательной, этической и эстетической функций эпической поэмы обеспечивается «эпическим событием» и «эпическим состоянием мира» (Гегель). Это единство консолидируется «принципом подобия», не различающим прошлое и настоящее, причину и следствие, часть и целое, единичное и всеобщее, объект и его свойства [Кассирер, 1998, с. 535]. «Коллективный субъективизм эпоса» и «коллективная эмоциональность сказителя и слушателей поэмы», согласно А. Н. Веселовскому, отождествляют ценностные позиции индивида и рода [Веселовский, 1940, с. 271]. Вещающий от своего имени сказитель речет и от имени солидаризующихся с ним слушателей. В историко-аналитическом исследовании «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе» Эрих Ауэрбах устанавливает, что характерный для эпоса *паратаксис* – простая сочинительная связь – фиксирует на уровне поверхностного синтаксиса самоочевидное тождество временной и логической последовательности событий: «Всё должно происходить так, как происходит, иного ничего не может быть, не требуется никаких объяснений и соединительных звеньев. И это относится, как известно, не только к событиям, но и к воззрениям, и к принципам, на которых основываются поступки действующих лиц» [Ауэрбах, 1976, с. 116]. В статье «Эпос и роман» Михаил Бахтин формулирует суждение, сходное с лексико-синтаксическими наблюдениями Э. Ауэрбаха: «Ни для какой незавершенности, нерешенности, проблематичности нет места в эпическом мире» [Бахтин, 1975, с. 459].

Мифологическая антропология установила, что первобытный коллективизм обусловливался ментальностью архаичного человека, психические рудименты которого переживают своеобразный ренессанс и в наше время. Леви-Брюль охарактеризовал психологический тип коллективного человека прошлого термином «мистическое соучастие» (participation mystique). «Такое состояние подавления индивидуальности, – полемизирует К. Г. Юнг с руссоистским прославлением «естественного состояния», – не есть приобретение новейших времен, а напротив, пережиток той архаической эпохи, когда индивидуальности вообще не существовало» [Юнг, 1995, с. 119].

В самом деле, «Песнь о Роланде», жемчужина «Королевского цикла», в равной степени эстетизирует и патриотизм Роланда, и предательство Ганелона как от века присущие им свойства. Гипотетический интерес слушателей / читателей к генезису консолидирующего патриотизма Роланда и разрушительного баронского высокомерия Ганелона побудил бы сказителя / автора преобразовать эпическую поэму в социально-психологический роман.

ОТ СКАЗИТЕЛЯ К РАССКАЗЧИКУ

Неотвратимое вторжение исторической изменчивости в незыблемость «эпического состояния мира», разрушая платоновско-пифагорейскую «мировую гармонию», разлагало изнутри и консервативную

ментальность. Распад империи Карла Великого, этапы которого отразили поэмы о «Гарене де Монглане» и «Феодального цикла», раскрылся как результат непонимания участниками феодальных войн разрушительных последствий их междоусобиц. Перенос этиологии древнегреческого мифа о Прометее и Эпиметее на поэмы феодального цикла описал бы враждующих баронов как бесславных потомков титана Эпиметея, супруга Пандоры, – «думающего после» – и противопоставил бы им востребованного историей «думающего прежде» Прометея. Познавательная функция литературы откликнулась на этот исторический призыв переходом от мышления a priori к мышлению a posteriori: драматически обострявшиеся внутрифеодальные распри выявляли ограниченность нарративных возможностей эпической ментальности, теряющейся во флуктуирующей сумятице исторических событий.

Новеллистическая проза позднего Средневековья и раннего Возрождения возникла как *ответ* на утрату эпосом аналитического контроля над диссоциацией когнитивно-волевых процессов. Необходимость социальной адаптации некогда самодостаточного эпического героя, отторгнутого коварной историей от коллективной всеобщности и столкнувшегося с проблемностью «условий человеческого существования» (Б. Паскаль), потребовала от него *экспликации* имплицированных в событиях мнемонического ряда причинно-следственных связей. Когнитивная функция рассказчиков и заинтересованная аналитика слушателей, вербализующих в дискуссиях каузальность новеллистических эпизодов ренессансных сборников, подобных «Декамерону» Д. Боккаччо, направляли эволюцию жанров повествовательной прозы от фабульной новеллы к сюжетному рассказу.

Жизненно заинтересованные в получении достоверного знания читатели «Декамерона» (1348–1353) Боккаччо, «Новеллино» (1476) Мазуччо, «Гептамерона» (1558) Наваррской и т. п. выступали единомышленниками рассказчиков и слушателей, внутренне активно участвуя в выявлении причинно-следственных связей между излагаемыми событиями. Разделение труда на эксплицирующих рассказчиков и анализирующих слушателей засвидетельствовало востребованность когнитивной функции художественной литературы.

ОТ НОВЕЛЛЫ К РОМАНУ

Распад эпоса обозначает начало процесса эпохальной смены культурной парадигмы: поэтика эпического *состояния* мира уступала место поэтике исторического *становления*. Рассказчик «личностного романа», «романа от первого лица» (Ich Roman; Le roman à la première personne), рождается в труде самопознания героя плутовского романа, ищущего путь от неприемлемого состояния «нет» к искомому состоянию «да». В отличие от всегда совпадавшего с самим собой эпического героя, протагонист романа Нового времени, вовлеченный в конфликт между желаемым и действительным, борется за отвоевание у враждебного мира толики свободы выбора.

Изображение выявляемой аналитическим трудом автора и читателя логики претворения биографической хронологии героя в закономерность его судьбы выходит за пределы когнитивных возможностей *паратаксиса* и передоверяет нарративные функции *синтаксису*: эпическая фабула трансформируется в романный сюжет. Изображенный автор Алькофрибас Назье (Alcofribas Nasier – анаграмма имени Франсуа Рабле) адресует аналитическому разуму читателей призыв «извлекать квинтэссенцию» смысла из мутного потока представляющихся созерцанию бессвязных явлений. Поэтика испанских плутовских (novela picaresca), французских городских (romans bourgeois) и европейских авантюрно-бытовых романов (adventures novels) формируется в ответ на вопрос о способах объективации уже не мифолого-архетипического, но историко-типологического конфликта. Подобно тому, как рассказчик рождается в расширяющемся сознании героя, автор вырастает из эволюционирующего сознания рассказчика. В труде эмансипации от ограниченного ближайшими базовыми потребностями новеллистического героя романному сознанию автора приходит на помощь время, этот, по выражению А. Н. Веселовского, «великий упроститель». Когнитивная, этическая и эстетическая функции времени, устанавливая *хронотопическую* дистанцию с удаляющимся в «эпическое прошлое» событием, развивает познавательный потенциал «литературы человеческого документа» – дневников, писем, портретов, путевых заметок, судовых журналов, мемуаров и исповедей – до масштаба романных эпопей Нового времени, перерабатывающих временную последовательность биографических эпизодов в интеллигибельную закономерность исторической тенденции. *Оппозиция* эпоса и романа трансформируется в *коррелятивную* пару – единство аналогии и противопоставления.

Расширяющий сознание познавательный потенциал временной дистанции прославил Оракул Божественной Бутылки, адресовавший Пантагрюэлю и его спутникам поучительное напутствие: «Когда наши философы <…> отдадутся тщательным изысканиям и исследованиям, они поймут, сколь истинным был ответ мудреца Фалеса

египетскому царю Амазису, когда на вопрос его: "что на свете разумнее всего?" – он ответил: "время"; ибо только время открывало до сих пор, и будет открывать людям все скрытые вещи… Поэтому люди непременно поймут, что все знания, накопленные у них и у их предшественников, составляют ничтожнейшую часть того, что есть и чего они не знают» (*Ф. Рабле, Гаргантюа и Пантагрюэль*).

Хронотопическая дистанция определяет романному автору *промежуточное* положение между всеведущим эпическим сказителем и блуждающим в лабиринте социально-психологических опосредований героем. Генетически нарратор еще тесно связан с героем, однако интеллигибельно уже дистанцируется от него, эволюционируя к романной эпопее толстовского типа. Эмансипация авторского кругозора от кругозора героя-рассказчика, вовлеченного в перипетии борьбы за физическое и социальное выживание, переселяет его в большое историческое время. Расширяющееся авторское сознание направляет эволюцию французской повествовательной прозы от ренессансных новеллистических сборников и барочных романов Оноре д'Юрфе, Мадлены де Скюдери и Готье де Ла Кальпренеда к авантюрно-бытовым романам Шарля Сореля, Поля Скаррона и Антуана Фюретьера, а от них – к панорамным романам Мари Мадлен де Лафайет, фабульные события которых объективируются объясняющим их культурно-историческим контекстом.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РЕДУКЦИОНИЗМ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНДИЦИОНАЛИЗМ

Завязавшийся на рубеже XVII–XVIII вв. «Спор о древних и новых» обозначил очередной этап литературной эволюции, откликающейся на непрерывное усложнение условий человеческого существования. Полемика спорщиков конкретизировала *идею человека*, оформляющуюся по мере воздействия на него культурно-исторической среды. Накапливая и оттачивая аргументы pro и contra, участники дискуссии обнаруживали себя в средоточии *вневременного архетипического конфликта* между природной мифологией и социальной историей – мифологизирующим *редукционизмом* и историзирующим *кондиционализмом*.

Этиология жанрово-мифологического редукционизма (лат. *reduction – возвращение назад*) объясняла неизвестное известным, сводя исторические события к архетипическим прототипам.

Кондиционализм (лат. *conditio – условие*) призывал рассматривать череду исторических событий как процесс усложнения их причинно-следственных связей, раскрывающихся по мере умножения способов познания – религиозного, мифологического, исторического, художественного, опытного, научного и т. п.

Длящийся и по сей день Спор усматривает в каждом событии *момент* реверсивного перехода от природной мифологии к социальной истории и обратно. Гротескная (парадоксальная) структура события проецируется в двух противоположных направлениях – проспективном и ретроспективном. Историческая проспекция призывала эволюционистов видеть в прогрессе поступательное развитие, а историческая ретроспекция не уставала напоминать о неотменяемой биогенетической природе естественного человека, искажаемой нормативными требованиями культуры.

Дени Дидро, выступивший в провоцирующем диалоге «Парадокс об актере» (1773) как эволюционист, поставил акцент на воспитательной роли искусственной цивилизации. Жанр «Парадокса» предоставил ему возможность противопоставить природному человеку общественного. Последний, подобно профессиональному актеру, вживается в отведенную ему социальную роль и, культивируя в себе «искусственные страсти» («passions artificielles», Dubos), усмиряет спонтанность неконтролируемых душевных процессов [Дидро, 1980, с. 559].

Если «мир – театр, в котором женщины, мужчины, все актеры» (Шекспир, «Как вам это понравится»), а историческое событие – спектакль, то человеку-актеру, приучающемуся перевоспитывать себя в интересах общественного целого, рекомендуется целенаправленно вживаться в предлагаемые ему социальные роли и профессионально исполнять их.

Полемизировавшие с эволюционистами инволюционисты черпали противоположные, но не менее убедительные аргументы в антисоциальной педагогике Жана-Жака Руссо. Отвечая на предложенный Дижонской Академией вопрос «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» (1750) Руссо ввел в «Спор о древних и новых» *этический компонент*. Выявленная Руссо антигуманная сторона технического прогресса давала его единомышленникам основание призывать угнетаемого *механической регуляцией* индивида к возвращению в опрометчиво покинутое им лоно «органической регуляции», поощряющей его спонтанный рост, аналогичный росту павшего в землю зерна.

Согласно Руссо, прогресс, неоспоримый в научной, технической, производственной, культурной и бытовой сферах, признавался повинным в нравственной деградации мировых цивилизаций. Искусства, гирляндами цветов обвивающие цепи рабства, лишь камуфлируют деградацию естественного человека. Прославление «естественного

закона», идеализированной интерпретацией которого Руссо был во многом обязан трактату «Естественная история» (“Histoire naturelle”, 1749–1789) Жоржа-Луи Леклерка де Бюффона, усиливало эмоциональный акцент критики египетской, греческой, римской и византийской цивилизаций, распавшихся в результате погубившей их изнеженности.

АВТОР, СОБЫТИЕ И ЧИТАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Восприятие истории как амбивалентного – эволюционного и инволюционного – креативного проекта дифференцирует и релятивизирует когнитивное сознание литературы XVIII в.

Выработанное «Спором о древних и новых» одностороннее отношение к истории как неуклонной эволюции вызвало к жизни жанр «воспитательного романа» (Entwicklung roman; Le roman pédagogique).

Инволюционный взгляд на историю породил «роман антивоспитания» (roman antipédagogique), герой которого, либертен и гедонист, обосновывает свое право на счастье аргументами, накапливаемыми эмпирической философией.

Амбивалентная концепция истории проецировалась на амбивалентную модель когниции: постигая законы ньютоновского мира, «благородный Разум», с одной стороны, освобождал сознание от «предрассудков» – ошибочных предварительных суждений – а с другой, снимал с просвещенного либертена моральные запреты. Материалистическая философия Бэкона, Гоббса, Локка, Гольбаха, Кондильяка, Ламетри и др. обогащала тезаурус (систему понятий) гедониста доводами, опровергавшими логику нормативной этики.

И действительно, когнитивная мораль романа «Тереза-философ» (1748), приписываемого маркизу Буайе д’Аржану, призывала читателей не принимать всерьез религиозные догматы, сметаемые чувственными порывами.

Напротив, жанр воспитательного романа поэтизировал героя, совершавшего аналитический выбор «истинного счастья» (Д. Локк), обесценивавшего преходящие вожделения по мере соотнесения их со смысловым целым всей целесообразно устрояемой жизни. Понимание диалектики части и целого способствовало успешному жизнестроительству героини романа Мариво «Жизнь Марианны, или Приключения графини де ***». Наделенная даром перспективного мышления, она всякий раз принимает трудное, но единственно верное решение: отказываясь от сиюминутной выгоды, она завоевывает уважение окружающих, необходимое ей для осуществления социального проекта своей судьбы. Разумность ее эгоизма проявляется в том, что во всех, даже представляющихся безвыходными, ситуациях она выбирает личностное достоинство.

Этический компонент просветительского романа направляет его на поиски таких «типических обстоятельств», которые ставят героя перед *выбором* между правильно и ложно понятым интересом. Принимать решение, отдающее предпочтение главному и отказывающееся от второстепенного, по силам далеко не каждому герою-человеку. Вот почему авторы романных стилизаций писем, мемуаров и исповедей адресовывали читателям «Предуведомления», содержавшие анализ и оценку совершенных героями проступков. Устами «знатного человека», маркиза де Рокенкура, Антуан Прево разъяснял читателям неотвратимость печальной судьбы, постигшей героев «Истории кавалера де Грие и Манон Леско».

ОТ ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ К СПОНТАННОСТИ

Дискредитирующее миметический потенциал художественной литературы противоречие между *правдой жизни* и *правдой морали* ставило перед авторами задачу выявления познавательно, этически и эстетически убедительной *непреднамеренности* самой жизни, обесценивавшей авторскую тенденциозность. Судьба героя, понимаемая как результирующая конфликта между «принуждениями чувства и принуждениями разума» (Ф. Шиллер, «Письма об эстетическом воспитании человека»), побуждала читателей вникать в автономную логику событий, обособляя ее от разъясняющего авторского посредничества. Так оно и происходило. По прошествии времени Анатоль Франс не без иронии указал на несовпадение объективного смысла фабульной ситуации романа Антуана Прево с ее нравственной оценкой: «Создав как нельзя более легко это чудо искусства, Прево написал две страницы назидательного содержания, чтобы предпослать их роману. <…> Не спорю, вы правы. Но эти прекрасные мысли пришли вам на ум, дорогой аббат, лишь после того, как была написана книга» [Франс, 1960, с. 360–361].

Параллелизм двух сюжетных линий романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» свел в эпистолярном диалоге агиографию (жанр житийной литературы) и роман антивоспитания: впечатлительность, чуткость и живая восприимчивость виконта де Вальмона спровоцировали его нравственный кризис и побудили отказаться от либертинажа, тогда как эмоциональная и мировоззренческая

ригидность маркизы де Мертёй обернулись справедливым наказанием ее порока. Стилизованное «Предисловие редактора» констатирует, что жизненная достоверность романа объективнее, а, следовательно, истиннее любого высказываемого на его счет оценочного суждения. Парируя возможные читательские упреки в безнравственности запечатленной в письмах истории, Редактор замечает: «От всего сердца признаю, что, быть может, все эти упреки вполне обоснованы. Думаю, также, что смог бы на них возразить, не выходя даже за допустимые для Предисловия рамки. Но для того, чтобы необходимо было отвечать решительно на все, нужно, чтобы само Провидение не способно было ответить решительно ни на что, а если бы я так считал, то уничтожил бы и Предисловие, и Книгу» [Лакло, 1965, с. 13].

Понятие «Провидения» наделяется в контексте Предисловия статусом латентной закономерности, ненавязчиво проявившейся в двух судьбах героев.

Возрастающий интерес к революционной роли непредсказуемости, инвертирующей умозрительные проекты, побуждал обращаться к алеаторическим событиям, иллюстрирующим эвристический потенциал сюжетной вариативности. Такова когнитивная эстетика романа Лоуренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767), пародирующая прожектерский монологизм Вальтера Шенди. Роман Дени Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» (1765–1780), написанный под впечатлением от «Тристрама Шенди», последовательно дезавуирует прогнозы читателей. Вызывающе пародируются: вводящая героев традиционная экспозиция – их портретные характеристики, мотивы предпринятого путешествия, теологическое обоснование фатализма Жака, опровергаемого авантюрной случайностью набегающих на него событий, прием «ступенчатого построения», фиксирующий этапы эволюции мировоззрения героев, коррелятивная функция параллельных эпизодов, анагноризис и призванный вызывать вздох облегчения катарсис: «Как они встретились? – Случайно, как все люди. – Как их звали? – А вам какое дело? – Откуда они пришли? – Из соседнего селения. – Куда они направлялись?» (*Дидро Д. Жак-фаталист и его хозяин*). Этот вопрос рассказчик высокомерно оставляет без ответа.

Алеаторический поворот сюжета вставной новеллы – «Истории мадам де ла Помере» – включает в многовекторную композицию мотив любви как спонтанного чувства, обесценившего опосредованные консервативным сознанием сословные предрассудки. Мадам де ла Помере, смертельно оскорбленная предательством маркиза Дезарси, коварно женит его на падшей женщине с намерением навлечь на бывшего любовника позор общественного презрения. Однако алеаторическая развязка развенчивает преднамеренность завязки, перенаправляя действие в неожиданное для участников любовного треугольника русло: маркиз всем сердцем *полюбил* навязанную ему обманом жену, и супруги обрели, на зависть мадам де ла Помере, недоступное близоруким интриганам счастье взаимности.

АВТОР, СОБЫТИЕ И ЧИТАТЕЛЬ РОМАНТИЗМА

Французская революция 1789–1794 годов явила миру парадоксальный – разрушительный и созидательный – потенциал большой истории: сметая королевские династии, сословную иерархию и государственные институты, она пробуждала во «внутреннем человеке» Мартина Лютера («О свободе христианина») *«абсолютного человека»* Готлиба Фихте. «Разбейте ту хижину из праха земного, в которой он живет! – призывал Фихте в речи «О достоинстве человека». – По своему существованию он, безусловно, независим от всего, что вне его; он есть только через себя самого [Фихте, 1995, с. 476]. Безмерно расширившийся кругозор романтиков позволил им распознать в человеке не *средство* приумножения «всеобщего блага», но *цель* самому себе. Эмоциональный порыв микрокосма личности к макрокосму мирового духа обесценил кропотливый труд социальной адаптации. В трактате «О Германии» мадам де Сталь противопоставила этическому утилитаризму К. А. Гельвеция эстетическую «целесообразность без цели» И. Канта и «наивную поэзию» Ф. Шиллера. Ранний романтизм избрал своим героем гения-творца, снявшего в творческом возвышении над обыденностью дилемму личного и общественного. Вдохновение увлекает гения за пределы социально *заданного* и завораживает творчески *неведомым*. Креативный потенциал автора реализуется в творениях его героя. Характеризуя созданный Новалисом и Тиком жанр «романа о художнике», Жан Поль отмечал, что его авторы «в качестве изображаемого героя любят выбирать для себя поэта или живописца, или какого-нибудь другого художника, поскольку в его широкой, обнимающей все образы и картины художественной душе и в его художественных просторах они по всем правилам искусства могут запечатлеть и свое сердце, и всякое свое убеждение, и чувство, – поэтому они скорее согласятся явить нам поэта, чем поэму» [Жан Поль, 1981, с. 66].

Биографические штудии привели Сент-Бёва к выводу, что исповедующийся герой – alter ego

самого автора – снимает покров тайны и с судьбы своего поколения. Классическим примером отождествления автора, героя и читателя стал роман Гёте «Страдания юного Вертера». В книге мемуаров «Поэзия и правда» Гёте поделился своим пониманием исторической причины этого взаимного узнавания: «Действие моей книжечки было велико, можно сказать, даже огромно – главным образом потому, что она пришлась ко времени. Как клочка тлеющего трута достаточно, чтобы взорвать большую мину, так и здесь взрыв, происшедший в читательской среде, был столь велик потому, что юный мир сам уже подкопался под свои устои, потрясение же было таким большим потому, что у каждого скопился избыток взрывчатого материала – преувеличенных требований, неудовлетворенных страстей и воображаемых страданий» [Гёте, 1976, с. 498].

Аналитическая психология установила причину взаимообусловленности индивидуального и всеобщего: «Ведь часто случается так, – свидетельствует К. Г. Юнг, – что в сущности личная и якобы субъективная проблема вдруг разрастается и становится всеобщим, захватывающим все общество вопросом; случается это тогда, когда личная проблема сталкивается с внешними событиями, психология которых слагается из тех же элементов, что и личный конфликт» [Юнг, 1995, с. 169]. Типический характер автора, избывающего в «личностном романе» свою социально-психологическую проблему, персонифицирует и типические обстоятельства, формирующие судьбы его современников.

АВТОР, СОБЫТИЕ И ЧИТАТЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В сравнении с однонаправленным линейным сюжетом гетевского «Вертера» ассоциативные отступления рассказчика романизированной поэмы Байрона «Дон Жуан» открывали перед читателем новые тематические горизонты. Формально регрессируя к ренессансным новеллам, автономные эпизоды-отступления композиционно упорядочиваются не темами дня, а интерактивностью персонажей, увлекаемых половодьем большой истории. Панорамный роман классического реализма бальзаковского типа умаляет героя «личностного романа» до части, а историческое событие расширяет до целого, упорядочивающего взаимодействие частей – фигурантов «эпоса нового времени». Протагонистом утверждает себя Время, формирующее характеры и обстоятельства.

Такова темпоральная поэтика Стендаля, который в романе «Пармская обитель» даровал свободу порождающей события телеологии межличностных отношений. В диалоге фабулы и сюжета поступки целеустремленных героев материализуют дух эпохи, которая, в свою очередь, завораживает их социально-мифологическими симулякрами. Сюжетообразующая логика темпоральности направляла читательский интерес на последние годы наполеоновской империи, битву при Ватерлоо, монархический консерватизм Пармского двора Рануция Эрнеста IV, премьер министра графа Моска и его ревнивую одержимость графиней Пьетранера, самоотверженный патриотизм карбонария Феранта Пала, навсегда пленившую Фабрицио сказочно прекрасную Клелию Конти и на множество других обстоятельств, приведших импульсивного по своему характеру героя к неожиданной для него, автора и читателей должности архиепископа Пармского. Романные «отступления» мотивируются не свободными ассоциациями повествователя байроновского «Дон Жуана», а флуктуацией автономных событий, корреляция которых обосновала закономерность перехода от наполеоновской империи, раскинувшейся к 1812 году от Москвы до Лиссабона, к эпохе реставраций европейских монархий.

Непрерывно самообновляющийся роман классического реализма предоставляет свой хронотоп разнообразию социальных типов, упорядочиваемых коллективным субъективизмом эпоса Нового времени: «Персонажи <…> живут лишь при условии, если они представляют собой великий образ современности», – резюмирует «историк нравов» Оноре де Бальзак [Бальзак, 1935, с. 52].

Способность автора обусловить судьбу героя судьбой его поколения, а роман – эпосом, реанимирует «эпическое состояние мира», но уже не на мифологической, а на социально-исторической основе. Таков маршрут, пролагаемый литературной эволюцией от Стендаля к Бальзаку, Диккенсу, Золя, Льву Толстому и Достоевскому.

ПОЭТИКА ИСТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА НАТУРАЛИЗМА

Желая быть более последовательными реалистами, чем Стендаль, Бальзак и даже Флобер, Эмиль Золя и его единомышленники – писатели Меданской группы – усматривали свое назначение в том, чтобы окончательно освободить романный дискурс от авторских разъяснений и перепоручить читателю извлечение обобщающего смысла из временной последовательности событий. Золя призывал писателей натуралистов отказаться от романтической позы толкователей Истории

и переквалифицироваться в ученых экспериментаторов, уподобляющих творческий замысел научной гипотезе, а художественное *воплощение* – ее лабораторной верификации. В программной статье «Экспериментальный роман» (1880), опираясь на исследование Клода Бернара «Введение к изучению экспериментальной медицины», Золя ограничил пределы компетенции романиста поисками ответа на вопрос не *почему*, а *как* [Zola, 1971, с. 86].

Между тем результаты литературных экспериментов засвидетельствовали факт переселения на страницы произведений тех лишенных нравственных ориентиров алчных обывателей Второй империи, какими они проявляли себя в «реальной действительности». Действуя в интересах самосохранения искусства, классический статус которого традиционно поддерживался триединством истины (гносеологии), добра (этики) и красоты (эстетики), Золя и его единомышленники спонтанно «регрессировали» к романтическому субъективизму, облекающемуся волею эпохи в одежды символизма: «Реалист, если он художник, – теоретизировал Ги де Мопассан в предисловии к роману «Пьер и Жан» (1888), – будет стремиться не к тому, чтобы показать нам пошлую фотографию жизни, но чтобы дать изображение более полное, более захватывающее, более убедительное, чем сама действительность» [Мопассан, 1934, с.133].

В литературу возвращается художественная объективация, выражающая композиционными и вербальными средствами ценностную позицию художника. Логика творческой эволюции самого Золя побуждала его прибегать к «принципу символизации».

АВТОРСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПСИХОАНАЛИТИКА

Изгоняемая натурализмом авторская субъективность парадоксально возвращалась в литературу в обличье лирической просодии. В программном стихотворении «Искусство поэзии» (1878) Поль Верлен призывал претворить плотскую тяжеловесность натурализма в бесплотную музыкальность символизма:

За музыкою только дело.
Итак, не размеряй пути.
Почти бесплотность предпочти
Всему, что слишком плоть и тело.
Перевод Б. Пастернака

Для Артура Шопенгауэра музыка – витальная «манифестация воли»: «Музыка, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей (как полагал Платон. – *А. Б.*), а *отпечаток самой воли*; <…> вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств: ведь последние говорят только о тени, она же – о существе» [Шопенгауэр, 1998, с. 467].

Музыкальный нарратив разворачивается не в архитектоническом *пространстве* изобразительных искусств, а во временной «длительности» бергсонианской интуиции (La durée). В работе «Опыт о непосредственных данных сознания» Анри Бергсон выводил *интуицию* из «чистой длительности», спонтанно ассоциирующей в темпоральном континууме дискретные содержания сознания. Порождающая модернистский дискурс логика свободных ассоциаций передоверяет читателю-аналитику труд интерпретации символов, на языке которых бессознательное «конструирует» свою виртуальную реальность. В работе «Психоз и его содержание» К. Г. Юнг поддержал гипотезу Бергсона о связи между либидозной энергией и «витальным порывом», с одной стороны, и между конструирующей гносеологией и когнитивной интуицией – с другой: «Я вполне осознаю, что как либидо соответствует “élan vital” Бергсона, так и конструктивный метод перекликается с его интуитивным методом» [Юнг, 2000, с. 60].

Сюрреализм – французская разновидность европейского модернизма – применил на практике теоретические положения Бергсона. Радикальнее в онтологических выводах, чем «припоминание» (ressouvenance) М. Пруста и поток сознания (stream of consciousness) Д. Джойса и В. Вульф, сюрреализм настаивал на эвристическом преимуществе сновидческих ассоциаций в отличие от диссипативной аналитики бодрствующего разума: «Судя по всему, – теоретизирует Андре Бретон, – сон, в границах, в которых он протекает (считается, что протекает), обладает непрерывностью и несет следы внутренней упорядоченности» [Бретон, 1986, с. 46].

В эссе «Против Сент-Бева» (изд. 1954) Пруст противопоставил малому биографическому времени автора его вневременное «Я», спонтанно аккумулирующее общечеловеческую мудрость коллективного бессознательного [Пруст, 1999, с. 31].

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ СНОВИДЧЕСКОЙ ИСТИНЫ «БЫТИЯ В СЕБЕ»

Литература экзистенциализма обосновывает свой аполлонический статус полемикой с дионисийской невротизацией жизни. Бессознательному «бытию в себе» (L’Etre en soi) «рационалистический романтизм» Ж. П. Сартра противопоставляет

сознательное «бытие для себя» (L'Etre pour soi). «Пока вы не живете своей жизнью (сознательно. – *А. Б.*), она ничего собой не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл» [Сартр, 1990, с. 342].

«Сущность», эмансипирующаяся от «существования» ("L'existence précède l'essence"), реагирует тошнотой на безотчетное «бытие в себе». На Рокантена, героя романа «Тошнота» (1938), накатывают приступы отвращения к «тесту» дорефлективной «длительности». Вспышка сознания, осветившая бесформенное истечение «магмы» существования, символизирует мгновение озарения, снизошедшего на Рокантена на скамье городского сада. В трактате «Бытие и Ничто» ("L'Etre et le Néant") Сартр утверждает, что «предшествующее сущности существование» преодолевается сознательным выбором, совершаемом в результате комплексного анализа «ситуации» (La théorie des situations). *Гносеологический* постулат закономерности сознания и бытия, *этический* априоризм категорического императива и *эстетическая* форма, в которую художественное сознание перерабатывает чувственное восприятие – слои «лака», камуфлирующие непристойную «наготу» бытия кантианской «вещи в себе». Картезианское сознание (L'Etre pour soi) Сартра отвергло безотчетность интуитивной длительности А. Бергсона и сновидческой синтагматики А. Бретона.

В рассказе Сартра «Стена» (1939) роль триггера, заставившего испанского анархиста Пабло Иббиета отречься от презумпции познаваемости мира, предрассудков боевого братства, морального долга и личностного достоинства, взяла на себя случайность, засвидетельствовавшая тотальное всевластие абсурда. «Заброшенность» и «отчаяние» – тиранствующие посланцы абсурда – *обрекают* Пабло Иббиета на противодействующий им «выбор самого себя».

ПОСТМОДЕРНИЗМ

Постмодернизм подверг радикальной критике *экзистенциальный персонализм*, направив читательское внимание на события, иллюстрирующие случаи «эпистемологического разрыва» (Ю. Кристева) и «когнитивного диссонанса» (Л. Фестингер).

В январском номере журнала «Encounter» за 1961 г. Айрис Мердок, посвятившая в юности Ж.-П. Сартру философско-антропологическую диссертацию, по прошествии времени констатировала: «Мы отнюдь не изолированные, свободно выбирающие себя монархи, возносящиеся над собственными переживаниями, но блуждающие в ночи существа, погруженные в реальность, природу которой мы постоянно и упорно стремимся преобразовать с помощью фантазии» [Frederick, 1972, с. 339]. В контексте ее высказывания слово «фантазия» полемически противопоставляется как экзистенциальному персонализму, так и анонимной всеобщности «молчаливого большинства» (Ж. Бодрийяр), вербализующейся посредством «нулевого градуса письма» (Р. Барт). Когнитивный диссонанс и эпистемологический разрыв аннулируют авторские усилия, направленные на поиск неслучайного события и на семантико-синтаксическую экспликацию его развертывания. Отдающийся «жизненному порыву» автор утрачивает трансгредиентность по отношению к объекту высказывания. М. М. Бахтин так сформулировал дилемму витального способа авторского присутствия в мире: «Изнутри себя самое жизнь не может породить эстетически значимой формы, не выходя за свои пределы, не перестав быть самою собой» [Бахтин, 1979, с. 63]. Литературная практика постмодернизма подтвердила, что автор-человек, лишившийся хронотопической дистанции по отношению к конфликту характеров и обстоятельств, порождает произведения, втягивающие читателя в электромагнитное поле иррационализма.

Катастрофические последствия утраты трансгредиентности признал перед погружением в «темную ночь» безумия безмерно настрадавшийся Адриан Леверкюн, герой романа Томаса Манна «Доктор Фаустус», трагический тангейзер XX века: «Поистине, в том, что искусство завязло, отяжелело и само глумится над собой, что все стало так непосильно и горемычный человек не знает, куда ж ему податься, – в том, други и братья, виною время» (*Манн Т. Доктор Фаустус*).

Ответом на вызов не упрощающей, а усложняющей картину мира постмодернистской онтологии стала инверсия функций автора и читателя: «фантазирующий» авторский агностицизм трансформировал читателя в критика, поручив ему труд «деструкции» (М. Хайдеггер) и «деконструкции» (Ж. Деррида). Безосновность (Ungründung) автора, лишающая его устойчивого *промежуточного положения* между событием и читателем, превращает литературное произведение в объект читательской диагностики. «Рождение Читателя приходится оплачивать смертью Автора», – констатирует Р. Барт [Барт, 1989, с. 391]. Читатель-психоаналитик «деконструирует»

постмодернистский текст, устанавливая философско-антропологическую этиологию авторской «бездомности» (Hauslosigkeit). Реверсивные отношения, в которых автор и событие объектно пассивны, а читатель субъектно активен, порождают дискурс романов А. Мердок, Д. Фаулза, Н. Саррот, С. Беккета, М. Турнье, М. Уэльбека, М. Фриша, Т. Стоппарда, И. Макьюэна, П. Акройда, Дона Делилло и др.

Постмодернистская наррация спонтанно адресуется более дифференцированному, в сравнении с авторским, читательскому сознанию. Эксплицируя генезис случайного выбора фабульного события и перипетии его сбивчивого сюжетного развертывания, Читатель берет на себя функцию Автора, конструирующего собственную версию исходного текста.

СКАЗЫВАЮЩЕЕСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Гипертекст, образуемый совокупностью произведений национальной литературы, подобен двуликому Янусу, обращенному и к абсолютному эпическому прошлому, и к абсолютному романному будущему. Всегда предварительные, никогда не окончательные итоги познавательного интереса к литературному произведению как гротеску, в котором прошлое еще узнаваемо, а будущее уже наметилось, проясняют структуру диалога между автором, событием и читателем. Активное читательское понимание исследует как обусловленные «проблемой автора» (М. Бахтин) способы художественной объективации, так и провоцирующую их автономную субъектность фабульного события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Избранное. М.: Гардарика, 1998. С. 440–710.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Ленинград: Художественная литература, 1940.
3. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман: О методологии исследования романа // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 447–483.
5. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб. ; М.: Ювента : Прогресс-Универс, 1995.
6. Дидро Дени. Парадокс об актере // Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1980. С. 538–590.
7. Франс Анатоль. Приключения аббата Прево / Соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1960. С. 380–402.
8. Лакло Ш. де. Опасные связи. М. ; Л.: Наука, 1965.
9. Фихте И. Г. О достоинстве человека / Сочинения: Работы 1792–1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 474–477.
10. Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. Программа первая. О поэзии вообще. М.: Искусство, 1981.
11. Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда. Соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1976.
12. Бальзак Оноре де. Предисловие к «человеческой комедии» // Литературные манифесты французских реалистов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. С. 49–63.
13. Zola É. Du roman: L'expression personnelle // Le roman expérimental. P.: Garner-Flammarion, 1971. P. 58–97.
14. Мопассан Ги де. Предисловие к роману «Пьер и Жан» // Литературные манифесты французских реалистов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 127–141.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Литература, 1998. С. 49–704.
16. Юнг К. Г. Психоз и его содержание // Работы по психиатрии. СПб.: Академический проект, 2000 : Литмир. Электронная библиотека. С. 60. URL: https://www.litmir.me/br/?b=77593&p=1.
17. Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 40–73.
18. Пруст М. Против Сент-Бева: Статьи и эссе. М.: ЧеРо, 1999. С. 25–106.
19. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
20. Frederick R. Karl. A reader's guide to the Contemporary English Novel. London, 1972.
21. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
22. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.

REFERENCES

1. Cassirer, E. (1998). Opyt o cheloveke. Vvedeniye v filosofiyu podrostkov kul'tury Izbrannoye = Experience about a person. Introduction to the philosophy of human culture. Selected works (pp. 440–710). Moscow: Gardarika. (In Russ.)
2. Veselovskiy, A. N. (1940). Istoricheskaya poetika = Historical poetics. Leningrad: Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)
3. Auerbakh, E. (1976). Mimesis. Izobrazheniye v zapadnoyevropeyskoy literature = Image of reality in Western European literature. Moscow: Progress. (In Russ.)

4. Bakhtin, M. M. (1975). Epos i roman: O metodologii issledovaniya romana = Epos and the novel: On the methodology of the study of the novel (pp. 447–483). Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
5. Jung, K. G. (1995). Psikhologicheskiye tipy = Psychological types. St. Petersburg: Juventa ; Moscow: Progress-Univers. (In Russ.)
6. Diderot, D. (1980). Paradoks ob aktere = Paradox about the actor (pp. 538–590). Estetika i literaturnaya kritika. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
7. Frans, A. (1960). Priklyucheniya abbata Prevo = The Adventures of Abbé Prevost (pp. 380–402). Soch.: V 8 t. T. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
8. Laclo, Sh. de. (1965). Opasnyye svyazi = Dangerous ties. Moscow: Leningrad: Nauka. (In French)
9. Fichte, I. G. (1995). O dostoinstve cheloveka = On the dignity of man (pp. 474–477). Raboty 1792–1801 gg. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
10. Jean Paul. (1981). Prigotovitel'naya shkola estetiki. Programma pervaya. O poezii voobshche = Preparatory School of Aesthetics. Program one. about poetry in general. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
11. Goethe, I.V. (1976). Iz moyey zhizni. Poeziya i pravda. = From my life. Poetry and truth. Soch. V. 10 t. T. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
12. Balzac, Honore de. (1935). Predisloviye k «chelovecheskoy komedii» = Preface to the "human comedy" (pp. 49–63). Literaturnyye manifesty frantsuzskikh realistov. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade. (In Russ.)
13. Zola, É. (1971). Du roman : L'expression personnelle = From the novel: Personal expression (pp. 58–97). Paris: Garner-Flammarion. (In French)
14. Maupassant, Guy de. (1934). Predisloviye k romanu «P'yer i Zhan» = Preface to the novel «Pierre and Jean» (pp. 127–141). Literaturnyye manifesty frantsuzskikh realistov. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade. (In Russ.)
15. Schopenhauer, A. (1998). Mir kak volya i predstavleniye = World as will and representation (pp. 49–704). Minsk: Literatura. (In Russ.)
16. Jung, K. G. (2000). Psikhoz i yego soderzhaniye / Raboty po psikhiatrii = Psychosis and its contents. Works on psychiatry. St. Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo «Akademicheskiy proyekt», Litmir. https://www.litmir.me/br/?b=77593&p=1 (In Russ.)
17. Breton, A. (1986). Manifest syurrealizma = Manifesto of Surrealism (pp. 40–73). Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnyye vystupleniya masterov zapadnoyevropeyskoy literatury XX veka. Moscow: Progress. (In Russ.)
18. Prust, M. (1999). Protiv Sent-Beva: Stat'i i esse = Against Sainte-Bev: Articles and Essays (pp. 25–106). Moscow: CheRo. (In Russ.)
19. Sartr, Z. P. (1990). Ekzistentsializm – eto gumanizm = Existentialism is humanism (pp. 319–344). Sumerki bogov. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
20. Frederick, R. Karl. (1972). A reader's guide to the Contemporary English Novel. London.
21. Bakhtin, M. M. (1979). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti = Author and hero in aesthetic activity. Estetika slovesnogo tvorchestva (pp. 7–180). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
22. Bart, R. (1989). Smert' avtora. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika = Death of the Author. Selected Works: Semiotics. Poetics (pp. 384–391). Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

Мистическое в йенском романтизме: постановка проблемы в отечественном и зарубежном литературоведении

И. Б. Чернявский[1], Е. В. Сомова[2]

[1]*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*ibrodiaga@mail.ru*
[2]*shalot1@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен мистического умонастроения в раннем немецком романтизме как литературоведческая проблема, сталкивающаяся с рядом терминологических и методологических трудностей. Анализируется этимология, определения и ключевые характеристики мистики, являющейся особой формой целостного познания и сакрализованного переживания. Выявляется своеобразие мистического в йенском романтизме и дается краткий обзор отечественных и зарубежных исследований, в которых поднимается и интерпретируется проблема романтической мистики.

Ключевые слова: йенский романтизм, мистика, мистическое чувство, романтическая эстетика, отечественная германистика, немецкое литературоведение

Для цитирования: Чернявский И. Б., Сомова Е. В. Мистическое в йенском романтизме: постановка проблемы в отечественном и зарубежном литературоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 143–149. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

Original article

Mysticism of Jena Romanticism: the Problem Statement in Russian And Foreign Literary Studies

Ivan B. Chernyavskiy[1], Elena V. Somova[2]

[1]*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*ibrodiaga@mail.ru*
[2]*shalot1@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the phenomenon of mystical mindset in early German romanticism as a literary studies problem that faces a number of terminological and methodological difficulties. The article analyzes the etymology, definitions and key characteristics of mysticism, which is a special form of holistic cognition and sacralized experience. It reveals the specificity of mystical in Jena romanticism and provides a brief overview of Russian and foreign researches, which touch upon the problem of romantic mysticism and interpret it.

Keywords: Jena romanticism, mysticism, mystical feeling, romantic aesthetics, Russian German studies, German literary studies

For citation: Chernyavskiy, I. B., Somova, E. V. (2023). Mysticism of Jena romanticism: the problem statement in russian and foreign literary studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 143–149. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха романтизма объединила многие знаковые тенденции и явления европейской культуры второй половины XVIII в., включая интерес к чувству в сентиментализме, идею автономии искусства и свободы творчества штюрмеров («Sturm und Drang»), переосмысление мифологии и истории под влиянием К. Ф. Морица (Karl Philipp Moritz, 1756–1793) и И. Гердера (Johann Gottfried Herder, 1744–1803), а также эстетические открытия И. Канта (Immanuel Kant, 1724–1804), который писал об искусстве как той единственной области, что объединяет умозрительное и эмпирическое, духовное и природное, благодаря деятельности гения. Так возникает тенденция к сакрализации самого художественного акта, который воспринимается как воплощение в посюсторонней действительности с помощью той или иной знаковой системы высшего и запредельного. Из этих предпосылок складывается романтическая парадигма, в основе которой лежит мистико-эстетическое мироощущение.

Несмотря на то, что изучение йенского романтизма через проблемное поле мистики представляется перспективным, подобное исследование сталкивается с рядом проблем. Во-первых, сама дефиниция мистики в современной гуманитаристике осложнена полисемантичностью и некорректным словоупотреблением. Во-вторых, йенский романтизм характеризуется синкретичностью, стремлением объединить искусство, философию, мифологию, религию и науку в некоем едином, органически целостном проекте. Мистика романтизма имеет по преимуществу эстетический характер, что отличает ее от похожих феноменов в религии и эзотерике. Однако это же обстоятельство указывает на стремление романтизма выйти за пределы какой-то одной узкой области, что ведет к определенным методологическим и терминологическим сложностям. Исходя из этого, для изучения мистики йенского романтизма необходимо прояснить смысл термина «мистика» и показать, как этот феномен воспринимался и интерпретировался разными исследователями.

МИСТИКА: ЭТИМОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ

Слово «мистика» восходит к древнегреческим словам μυστικός и μυστικά, которые могут быть довольно условно переведены как «таинственный» и «таинство», эти же слова непосредственно связаны с лексемой μυστήρια («мистерия»), образованной от μύστης («посвященный в таинство»). Эти слова являются дериватами глагола μύω, означающего «закрываюсь, закрывать глаза и рот». Этимология слова указывает, что в мистике заложены семы тайны, инициации и закрытия. Последнее, вероятно, связано с эзотерическим характером древнегреческих мистерий, во время которых посвященному открывалось некое тайное знание, не подлежащее разглашению. При этом передавалось оно через проживание мифа в синкретическом представлении-ритуале, что указывает на чувственный, вневербальный характер мистического откровения.

Современные определения мистики страдают от зависимости от той или иной религиозной или философской парадигмы, накладывающей определенный отпечаток на дефиницию. Так, например, толковые словари нередко сводят мистику к религиозному идеализму или вере в сверхъестественное, тогда как это соответствует только части явлений, охватываемых мистикой, и фактически отождествляет мистику с иными феноменами, лишая ее самостоятельного поля. Путаницу также вносит адаптация разных языковых традиций, создающая ситуацию неразличимости этимологически родственных понятий. Для русской языковой картины мира Д. В. Сурков, пытаясь определить сущность мистики и мистицизма, предлагает такое разделение: «Если мистика – это область запредельного, то мистицизм — это умонастроения и учения, исходящие из того, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом, каковой усматривается в мистике… Мистика – это область, в которой содержится некое универсальное знание о чем либо, а мистицизм – это учение и методология, при помощи которой человек может получить это знание» [Сурков, 2012, с. 131–132]. При том, что такое разграничение представляется оправданным, в нем заметно влияние теорий, исходящих из крайней степени иррационализма мистики. Проблема недоступности разуму высшей реальности не заботит мистицизм, который посвящен целиком и полностью рефлексии над мистикой как особом способе познания истинной природы бытия (и контакта с трансцендентным). Для осмысления полученного опыта могут применяться как туманные аллегорические образы, так и интеллектуальные философские конструкции.

Мистика как феномен имеет непосредственное отношение к ментальным процессам, поэтому ее характер в самом общем виде может быть рассмотрен через призму психологии. С таким подходом исследовал мистику У. Джеймс, предложивший два основных и два вторичных качества, характеризующих этот феномен. К базовым качествам мистики он относит невыразимость (Ineffability)

и интуитивность (Noetic quality) [James, 1985]. Первое указывает на принципиальную невозможность выразить мистическое переживание дескриптивно, так как оно в большей степени имеет отношение к чувственной сфере. Примечательно, что в качестве близких по характеру явлений У. Джеймс приводит музыку и любовь, которые не могут быть переданы без купюр вербальными средствами. Второе указывает на познавательный характер мистики, пускай и сопряженный с чувственным опытом, в чем он похож на озарение.

Собственно, пассивность (Passivity) и кратковременность (Transiency) У. Джеймс относит к второстепенным качествам мистики. Во время мистического переживания субъект теряет контроль над собой, находясь во власти высших сил, но само это экстатическое переживание длится очень непродолжительно время. Эти свойства почти полностью совпадают с художественной инспирацией, особенно в ее интерпретации йенскими романтиками. Мистика в ее сущностном ментальном аспекте может рассматриваться как феномен, существующий не только в рамках религии, но и в любой деятельности человека, затрагивающей все уровни его сознания и имеющей отношение к парарациональному постижению и восприятию наиболее значимого, высшего. Исходя из этого, может быть предложена следующая дефиниция: Мистика – европоцентричное понятие, характеризующее невыразимое знание, как правило, сакрального характера, получаемое сверхчувственным способом целостно и непосредственно в результате особого рода переживаний.

МИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Йенский романтизм исходит из скрытого присутствия в посюстороннем мире духовных феноменов, уводящих к бесконечному и трансцендентному. Познать их возможно только особым способом в результате сильнейших чувственных потрясений, связанных, как правило, с искусством, любовью и природой. В этом романтическое умонастроение носит отчетливо мистический характер. Поскольку мистика определяется невыразимостью, существенным становится способ опосредования мистического переживания, т. е. передачи духовного откровения в той или иной знаковой системе. Само же это откровение не всегда обязано относиться к сфере трансцендентальной – это может быть понимание скрытой природы имманентных феноменов. На этом основании искусство как раз и становится той областью, что позволяет не только наилучшим образом «выразить невыразимое» с помощью многозначных символов и иносказательности, но и попытаться создать само мистическое переживание в силу одновременного воздействия на интеллект и чувства. В этом проявляется сущность сакрализации искусства в романтизме, так как оно наделяется способностью выражать с помощью знаков и тропов явления высшего порядка. А художник, в свою очередь, сближается с духовидцем, медиатором земного и небесного, способным распознать божественное и запечатлеть его в своем творчестве. Эта идея в романтической эстетике доходит до парадигмального переосмысления мимесиса. Искусство в романтизме не столько подражает природе, изображая конкретные вещи и феномены, сколько выражает их идеальные первообразы. Так Ф. Шеллингом формулируется идея присутствия бесконечного в конечном, являющаяся основополагающей для йенского романтизма.

МИСТИКА ЙЕНСКОГО РОМАНТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Монография В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) стала первым фундаментальным трудом на русском языке по немецкому романтизму. В. М. Жирмунский выделяет в качестве смыслового ядра йенского романтизма «живое чувство присутствия бесконечного в конечном» [Жирмунский, 1996, с. 8]. Из этой идеи развиваются наиболее существенные аспекты романтического мистического чувства, те проявления универсума, в которых мистика в полной мере реализуется. В. М. Жирмунский относит к ним природу, искусство и художника (носителя мистического чувства), любовь, этику, историю, выраженную в концепциях Золотого века и Царства Божия, а также мифологию как поэтическую форму живой, настоящей религии. Раскрытие этих сфер в творчестве Новалиса, Л. Тика, Ф. Шлегеля, В. Г. Вакенродера и других романтиков йенского круга составляет заметную часть монографии ученого. В. М. Жирмунский утверждает, что в литературном творчестве романтиков не только на уровне идей и концепций обнаруживается репрезентации мистики, но также и в жанровой системе, стилистике, «поэтике настроений», музыкальности, системе тропов.

После революции отечественная германистика была сильно скованна идеологическими запретами, не позволявшими должным образом изучать мистическую составляющую немецкого романтизма. Немногочисленные исследования вплоть до 60-х годов XX века были, как правило, обзорными и оценочными, критиковавшими романтическое

движение с позиций теории классовой борьбы. Исключением этого периода являются статьи Н. Я. Берковского, легшие в основу значительного труда «Романтизм в Германии» (1973). И хотя исследователь не пишет напрямую о мистической природе йенского романтизма, им указаны два явления, типологически сближающиеся с мистикой, первое оценивается скорее положительно, а второе – отрицательно. Первое определено как поэзия движения жизни: «Тайно и непрестанно льющаяся жизнь – и в этом первооснова эстетики романтиков… Они любят само течение жизни уподоблять стиху. Оно, собственно, уже есть стих по-своему, поэзия неписанная, не записанная, и станет поэзией по всем правилам, едва мы того пожелаем» [Берковский, 2001, с. 19–20]. Жизнь и поэзия – взаимозаменяемые явления, одно может быть выведено из другого, что указывает на восприятие действительности как мистически организованной гармонии, а поэзии как средства в эту гармонию проникнуть. Негативно Н. Я. Берковский оценивает влияние Ф. Шлейермахера (Friedrich Schleiermacher, 1768–1834) на ранних немецких романтиков, что, как считает исследователь, способствовало их тяге к обскурантизму.

С конца 80-х в отечественном литературоведении начинается новый этап исследования немецкого романтизма, ознаменованный выходом множества значимых научных трудов, сформировавших образ немецкого романтизма в современной отечественной гуманитаристике. Одна из первых таких работ принадлежит А. В. Михайлову, который в книге «Эстетика немецких романтиков» (1987) пишет об универсалистской идее живого организма, развивающегося диалектически, как основе раннего немецкого романтизма. Обращая внимание на натурфилософскую романтическую базу, исследователь указывает, что она формируется из лирического видения живого, к которому прибавляется осторожно названное «традиционное, символическое знание» [Михайлов, 1987, с. 34], под которым понимается философско-мистическая традиция. Д. Л. Чавчанидзе в диссертации «Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение» (1995) также обращается к проблеме соотношения духовных паттернов романтического мироощущения с предшествующей традицией, показывая восприятие творческой деятельности как мистического процесса, который в романтизме доходит, как считает исследовательница, до ухода в запредельное и игнорирования реальности. Ближе к мистической феноменологии искусства в романтизме подходит А. Б. Ботникова, которая пишет о романтической тяге к запечатлению сверхчувственного с помощью существующей знаковой системы, что ведет к такой интерпретации искусства: «Поэзия воспринималась как иероглиф всего сущего, его зашифрованный знак, а поэт как хранитель знания, недоступного для обычных смертных» [Ботникова, 2003, с. 22]. Эта идея схожим образом звучит в фундаментальном труде Ф. П. Федорова «Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика» (2004): «Слово в романтической литературе является образом универсума; устремленное к смысловой неисчерпаемости, оно трансформируется в символ; и как в любом символе, в нем осуществляется прорыв из конечного в бесконечное» [Федоров, 2004, с. 33]. Таким образом, исследователи обращают внимание на специфику художественного языка в творчестве немецких романтиков, который, согласно их эстетическим позициям, наделяется мистико-магическими качествами, так как способен выражать смысловое ядро мироздания и жизни, а через символическую неисчерпаемость вести, но никогда не доводить, к трансцендентному.

К гносеологической проблеме мистики йенского романтизма приближается А. В. Карельский, размышляющий о соотношении чувства и разума в романтической культуре. И хотя исследователь пишет о «культе чувства» в романтизме, он же указывает, что в романтической парадигме слишком много философии и рефлексии, чтобы речь шла исключительно об аффектах и эмоциональном излиянии. А. В. Карельский указывает, что «обдуманное чувство» немецких романтиков специфическим образом объединяет чувственное и рациональное при примате первого и инструментальности второго. Примечательно, что сам исследователь указывает, что подобного рода размышления наталкиваются на ряд противоречий, требующих дальнейшей научной рефлексии [Карельский, 2007, с. 133]. Это подводит к идее необходимости термина, который, не будучи помещенным исключительно в оппозицию разум – чувство, указал бы на специфику романтического мировосприятия, в котором эти базовые ментальные способности пребывают в особом синтезе.

В настоящее время последним масштабным исследованием немецкого романтизма, охватывающим как его эстетико-литературные основы, так и культурный контекст и творчество его персоналий, является монография А. Е. Махова «Реальность романтизма» (2017). Во второй части книги исследователь пишет о трансмузыкальном характере раннего немецкого романтизма, в котором музыка выступает организующим принципом универсума, растворенным в других искусствах и философии. Музыка для йенских романтиков является столь

возвышенным искусством в силу того, что выступает наиболее эфемерным искусством, в котором чувственно-духовное содержание оформляется в материально выраженном звуке. По этой причине музыка интерпретируется как наиболее чистое пограничное явление между небесным и земным.

МИСТИКА ЙЕНСКОГО РОМАНТИЗМА В ЗАРУБЕЖНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В одну историческую эпоху с В. М. Жирмунским жил и работал О. Вальцель, чей труд «Немецкий романтизм» («Deutsche Romantik», 1918) стал впоследствии классическим, так как обозначил идейно-эстетические, временные и литературно-биографические контуры немецкого романтизма. Мистическое не является центральной проблемой его исследования, но выступает в качестве одного из структурных компонентов йенского романтизма. О. Вальцель в духе философии Ф. Шеллинга связывает романтическую мистику с идеей присутствия бесконечного в конечном. Ученым формулируется концепция романтического гения как посредника имманентного и трансцендентного, указывается на сакрализацию любви, наряду с искусством, а также на восприятие йенскими романтиками христианства и неоплатонизма. Несколько позже выходит даже более масштабный по своему охвату труд Г. Штефански «Сущность немецкого романтизма» («Das Wesen der deutschen Romantik», 1923), в котором исследователь подходит к изучению романтизма скорее с психолого-философских позиций, выдвигая в качестве центрального понятия – Denkform (форма мышления). Для раннего немецкого романтизма, пишет исследователь, характерны разные формы иррационализма, определяющие художественный характер произведений тех или иных авторов. Так, например, творчество В. Г. Вакенродера названо магическим, творчество Новалиса – мистическим, а творчество Л. Тика (Ludwig Tieck, 1773–1853) – смешанным. Кроме того, исследователь считает, что иррационализм ранних немецких романтиков носит исключительно эстетический характер.

В этом с ним полемизирует Ф. Штрих, считающий, что романтизм, воплощающий дионисийское начало в философии Ф. Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900), характеризуется постоянной динамикой и непрекращающимся движением к бесконечности (Unendlichkeit). Ф. Штрих считает, что весь немецкий романтизм в своих духовных исканиях распадается на два крупных направления: в первом воплощается христианский дух (Новалис), а во втором – подлинно дионисийский дух, направленный к бездне посюстороннего мира (Гёльдерлин). «Христианский романтизм» Ф. Штрихом характеризуется как тяготеющий к мистике, характер которой определяется через одиночество субъекта, который обнаруживает связь с универсумом и Богом. Отсюда проистекает интерпретация страстного томления (Sehnsucht) как тоски по Богу и непрекращающемуся поиску утраченного рая.

Среди значительных немецкоязычных исследователей первой половины XX века также выделяется П. Клукхон, интерпретирующий романтизм через призму национальной культуры. Мистический компонент эстетики йенского романтизма исследуется в контексте творчества Новалиса. П. Клукхон в полемике с Ф. Штрихом указывает на универсализм и новизну религиозного чувства Новалиса, которое не укладывается в христианскую парадигму. Само же проникновение мистики в художественную реальность его произведений обосновывается личным опытом, связанным со смертью невесты Софи фон Кюн (Sophie von Kühn, 1782–1797), спровоцировавшей мистическое переживание, ставшее импульсом зрелого творчества.

В 60–70-х годах в зарубежной германистике активизируется интерес к немецкому романтизму. Выходят исследования, посвященные разным аспектам йенского романтизма: жанровому, историко-биографическому, компаративистскому. В этот период вновь разворачивается спор о христианском или сугубо эстетическом характере религиозности и мистики йенских романтиков. Первую позицию отстаивает Э. Бенц, предположивший, что генезис романтической философии коренится в христианском мистицизме, особенно в трудах М. Экхарта (Meister Eckhart, ок. 1260–1328), Я. Бёме (Jakob Böhme, 1575–1624) и Э. Сведенборга (Emanuel Swedenborg, 1688–1772). Второй позиции придерживается М. Тальманн, считающая, что романтизм – это, прежде всего, художественное направление, чья мистическая направленность внерелигиозна: «Романтики, как Эмили Тэст говорила о своем муже (Валери́), “мистики без Бога”. Речь идет о мистике поэтической, о направленном внутрь процессе, который с помощью слова и рисунка стремится выйти наружу» [Thalmann, 1970, с. 25]. Представляется, что применительно к йенскому романтизму обе позиции справедливы: при самобытном, внедогматическом и эстетическом характере мистики йенского романтизма, сами романтики опирались на богатую философско-мистическую традицию и рефлексировали на религиозные темы.

Изучение немецкого романтизма в современном зарубежном литературоведении

характеризуется многовекторностью и разнообразием подходов. Разные исследователи рассматривают экстралитературные аспекты йенского романтизма, такие, например, как естественно-научные изыскания, повлиявшие на романтическую эстетику и художественную практику. Признавая синтетичность романтического мировосприятия, Ф. К. Байзер изучает философию и эстетику немецкого романтизма с позиции отношения к разным формам рациональности и приходит к выводу, что оппозиция между Просвещением и романтизмом выстраивается не на основании противопоставления рационализма иррационализму, а посредством противостояния двух моделей разума: механистической и холистической. Ф. К. Байзер пишет о художественном опыте романтиков как скорее гиперрациональном, признающим возможности познания, но желающим подняться еще выше.

Рецепция платонизма, неоплатонизма и древних мистерий в немецком романтизме также является предметом изучения Д. фон Петерсдорфа в диссертации «Речь мистерий. К самопониманию интеллектуала-романтика» («Mysterienrede. Zum Selbstverständnis romantischer Intellektueller», 1996), методологически близкой постструктурализму. Исследователь сравнивает мистериальный и философский дискурсы эллинской цивилизации с романтической культурой, приходя к выводу, что знаковая система мистерий была воспринята романтиками в их философии и творчестве, оказав влияние на формирование их идентичности. Д. фон Петерсдорф пишет, что мистериальная составляющая романтизма не только связана с мифологической образностью, но также выражает инициативные практики, приобщающие к сакральным тайнам, но выражает их дискурсивно. Поэтому в романтическом проекте новой мифологии ученый усматривает парадигмальную революцию в коммуникативно-теоретической и знаково-изобразительной областях. Иллюстративность и вербальная ясность позднего Просвещения как принципы мышления сменяются невыразимостью и чувственностью мистерии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство исследователей, вне зависимости от их критической оценки, сходятся в том, что мистика является структурообразующим элементом йенского романтизма, влияющим как на его философско-эстетическую теорию, так и на художественную практику. В зависимости от методологии и подхода ученого отличаются интерпретации этого феномена. Кто-то рассматривает мистику как религиозно-поэтическое чувство, кто-то в аспекте философии познания, кто-то как признак реакции и обскурантизма, кто-то как знаковую систему, а кто-то как развитие и выражение той или иной религиозной или философско-мистической традиции. Мистика йенского романтизма, хотя она, так или иначе, затрагивалась на всем протяжении литературоведения XX века, остается актуальной проблемой, интерес к которой не утихает.

Все многообразие представленных подходов к проблеме мистики йенского романтизма не может быть легко сведено к единому, стройному основанию, объясняющему мистическую природу романтизма полно и всеохватно. Вероятно, одним из наиболее ярких, декларативных примеров подобной попытки запечатлен самим романтиком, поэтом швабской школы Л. Уландом (Ludwig Uhland, 1787–1862): «Это мистическое проявление нашего глубочайшего духа в образе, это вторжение мирового духа, это очеловечение божественного, одним словом: это предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом и есть романтическое» [Уланд, 1980, с. 160].

Опираясь на эту формулировку и представленные научные работы по терминологии мистики и немецкому романтизму, предлагается следующая дефиниция романтической мистики: сверхчувственное эстетическое постижение субъектом через свой дух бесконечной природы конечных явлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сурков Д. В. Различие понятий «Мистика», «Мистицизм» и «Мистический опыт» // ОНВ. 2012. № 5 (112). С. 131–134.
2. James W. The Varieties of Religious Experience. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1985.
3. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор, 1996.
4. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. М.: Азбука-классика, 2001.
5. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 7–43.
6. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.
7. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика. М.: МИК, 2004.

8. Карельский А. В. Немецкий Орфей. М.: Изд-во РГГУ, 2007.
9. Thalmann M. Romantiker als Poetologen. Heidelberg: Stiehm, 1970.
10. Уланд Л. О романтическом // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Издательство Московского университета, 1980. С. 159–162.

REFERENCES

1. Surkov, D. V. (2012). Razlichie ponyatij «Mistika», «Misticizm» i «Misticheskij opyt» = The difference between the concepts of «Mystique», «Mysticism» and «Mystical experience». ONV, 5(112), 131–134. (In Russ.)
2. James, W. (1985). The Varieties of Religious Experience. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
3. Zhirmunskij, V. M. (1996). Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika = German romanticism and modern mysticism. St. Petersburg: Aksioma, Novator.
4. Berkovskij, N. Ya. (2001). Romantizm v Germanii = Romanticism in Germany. Moscow: Azbuka-klassika. (In Russ.)
5. Mihajlov, A. V. (1987). Esteticheskie idei nemeckogo romantizma = Aesthetic ideas of German romanticism. Estetika nemeckih romantikov (pp. 7–43). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Botnikova, A. B. (2003). Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form = German romanticism: the dialogue of art forms. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
7. Fedorov, F. P. (2004). Hudozhestvennyj mir nemeckogo romantizma: struktura i semantika = The art world of German romanticism: structure and semantics. Moscow: MIK. (In Russ.)
8. Karel'skij, A. V. (2007). Nemeckij Orfej = German Orpheus. Mosocow: Izd-vo RGGU. (In Russ.)
9. Thalmann, M. (1970). Romantiker als Poetologen = Romantics as poetologists. Heidelberg: Stiehm.
10. Uland, L. (1980). O romanticheskom = About the romantic. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov (pp. 159–162). Moscow: Moscow State Ubiversity. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернявский Иван Борисович

аспирант кафедры всемирной литературы
института филологии
Московского педагогического государственного института

Сомова Елена Викторовна

доктор филологических наук
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernyavskiy Ivan Borisovich

Postgraduate Student, Department of World Literature
Institute of Philology
Moscow Pedagogical State University

Somova Elena Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.07.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.07.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_150

Репрезентация повседневной культуры российских мусульман в социальных сетях

И. А. Купцова[1], **Г. Ф. Зиннятуллина**[2]

[1, 2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
[1]*ia.kupcova@mpgu.su*
[2]*Gul-basharova@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен результат контент-анализа репрезентации культуры повседневности российских мусульман в социальной сети ВКонтакте. Предложено авторское определение культуры повседневности российских мусульман, рассмотрены ее основные компоненты, нашедшие отражение в цифровом пространстве: религиозная культура, коммуникативная культура, гастрономическая культура, мода и одежда, красота и здоровье мусульман.

Ключевые слова: повседневная культура, культура повседневности мусульман, мусульманская культура, социальные сети, ВКонтакте, российские мусульмане

Для цитирования: Купцова И. А., Зиннятуллина Г. Ф. Репрезентация повседневной культуры российских мусульман в социальных сетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 150–155. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_150

Original article

Representation of Everyday Culture of Russian Muslims in Social Networks

Irina A. Kuptsova[1], **Gulshat F. Zinnyatullina**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*
[1]*ia.kupcova@mpgu.su*
[2]*Gul-basharova@yandex.ru*

Abstract. The article presents the result of a content analysis of the representation of the culture of everyday life of Russian Muslims in the social network VKontakte. The author's definition of the culture of everyday life of Russian Muslims is presented, its main components reflected in the digital space are considered: religious culture, communicative culture, gastronomic culture, fashion and clothing, beauty and health of Muslims.

Keywords: everyday culture, everyday culture of muslims, muslim culture, social networks, VKontakte, Russian Muslims

For citation: Kuptsova, I. A., Zinnyatullina, G. F. (2023). Representation of Everyday Culture of Russian Muslims in Social Networks. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 150–155. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_150

ВВЕДЕНИЕ

Для России феномен мусульманской культуры имеет особое значение, обусловленное спецификой российской цивилизации, культурно-историческими этапами ее развития и перспективами социокультурной динамики в условиях многонационального и поликонфессионального устройства государства. Межкультурное взаимодействие – это неотъемлемая составляющая и одна из ведущих характеристик современного этапа развития отечественной культуры. При этом оно разворачивается на нескольких уровнях: от официального политического до обыденной практики и повседневной культуры. Последняя выступает наиболее массовой формой проявления особенностей мусульманской культуры и взаимодействия ее носителей друг с другом и представителями других культур. По мнению авторитетных исследователей «Повседневные культурные практики XXI века сущностно изменили и стремительно продолжают менять действующий миропорядок» [Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2018, с. 520]. Актуальным средством коммуникации выступают социальные сети, которые продолжают стремительно развиваться вместе с изменением роли и значения Интенета в жизни человека. Нередко значительная часть жизни человека проходит в виртуальном пространстве, взаимодействие с другими людьми опосредовано техническими устройствами и компьютерными программами. Цифровизация проявляется не только на специализированном уровне (например, в профессиональной деятельности), но является органичной частью культуры повседневности, формируя человека как пользователя и более или менее активного участника процесса формирования контента, способного выстраивать взаимодействие в виртуальном пространстве. Возникает вопрос о соответствии представленных в сети повседневных практик их реальному воплощению. Являются ли страницы в социальных сетях лишь отражением реальной жизни или они создают особый мир, дополнительную цифровую среду, в которой развивается культура повседневности. Насколько само обращение к цифровым ресурсам является неотъемлемой частью культуры повседневности? Особый интерес в этой связи представляет проявление повседневности различных культур, обладающих этнокультурными характеристиками, особенностями проявления многообразных культурных миров в Интернете и, в частности, в социальных сетях. Одной из наиболее распространенных в России социальных сетей является ВКонтакте, на примере которой будет рассмотрена заявленная проблематика.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И СТРУКТУРА

Изучение культуры повседневности происходит в контексте разных научных дисциплин и мировоззренческих представлений. Традиционным подходом является изучение культуры повседневности отдельного исторического периода, конкретной страны или региона; значительный пласт представляют собой исследования роли отдельных предметов или элементов культуры повседневности; особое внимание уделяется влиянию религиозной культуры на повседневность, как в различные исторические периоды, так и в условиях современности [Зиннятуллина, 2020, с. 103]. Проблематика культуры повседневности неразрывно связана с исследованием этнокультурной идентичности, которая трактуется российским культурологом И. В. Малыгиной как «… сложный социально-психологический феномен, подразумевающий осознание общности индивида с тем или иным этносоциальным образованием на основе разделяемой культуры (включая конфессиональную…)» [Малыгина, 2018, с. 66]. В повседневных практиках наиболее ярко проявляется идентичность личности, ее принадлежность к тому или иному культурному миру. Культура повседневности определяется как «понятие, используемое для обозначения способа организации жизнедеятельности человека на основе накопленного опыта в конкретной культурной системе (временной, территориальной, социально-групповой и т. д.), выраженного: в устоявшихся/традиционных для данного общества представлениях, ценностных ориентациях, смыслах, символах; в закрепленных в привычных/заученных/ «автоматических» паттернах общения, моделях поведения; в регулярном использовании определенного набора предметов, востребованных в условиях образа жизни человека, принадлежащего к определенной культуре» [Быстрицкая, 2019, с. 472].

Повседневна культура российских мусульман – это практики жизни и деятельности жителей России, разворачивающиеся на обыденном уровне культуры, характер и содержание которых в большей или меньшей степени определены ценностно-смысловым комплексом, нормами, традициями и обычаями ислама.

Важными составляющими культуры повседневности выступают: системы коммуникаций (вербальных и невербальных), практики жизнеобеспечения (культура здоровья, питание, рекреация), место проживания (от ландшафта до личного жилья), материальные предметы и вещи (мебель,

посуда, украшения, одежда), обычаи, традиции, ритуалы (праздники, игры, развлечения) и т. д.

Неотъемлемой частью современных повседневных практик является цифровое пространство, предоставляющее разнообразные возможности для получения информации, межличностной коммуникации, проведения досуга, совершения покупок и получения различных услуг. Для характеристики этого феномена используется термин «медиакультура», который трактуется российским культурологом Н. Б. Кирилловой, как «…совокупность информационно-коммуникационных средств, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру производства и передачи информации, а также культуру ее восприятия; медиакультура может выступать и показателем уровня развития личности, способной "читать", анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т. д.» [Кириллова, 2008, с. 18]. Исследователь подчеркивает, что «…развитие медиакультуры – процесс исторически обусловленный, закономерный с точки зрения эволюции человеческой цивилизации» [Кириллова, 2014, с. 15].

При этом отметим, что неотъемлемой чертой повседневной культуры современного человека выступает процесс активного использования возможностей Интернета и, особенно, социальных сетей. Остановимся более подробно на анализе отражения культуры повседневности мусульман в социальных сетях на примере социальной сети ВКонтакте, проведя контент-анализ содержания материалов открытых групп.

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАН И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Ядром мусульманской культуры выступает ее ценностно-смысловой комплекс, который формирует личность и определяет особенности повседневной жизни человека. К значимому осмыслению ценностей пришел российский философ и культуролог М. С. Каган, который разработал философскую теорию ценности в контексте культуры и используемый в рамках этой теории ценностно-культурный подход. Ценность в жизни человека и общества выполняет двойственную роль – «она проявляется и в отношениях субъекта к объекту и в межсубъектных отношениях» [Каган, 2007, с. 189].

Прежде всего это отражается в религиозной культуре, которой посвящены многочисленные группы в социальных сетях, что подтверждает значимость и распространенность данной культуры среди пользователей. Члены этих виртуальных сообществ обсуждают вопросы веры, толкования религиозных текстов (размышления над смыслами аятов Священного Корана), значительное внимание уделяют обрядовой стороне ислама, духовным практикам, а также обращаются к наследию духовных лидеров прошлого и настоящего. Так, группа «Ислам», насчитывающая 476 тыс. подписчиков, приглашает на прямые трансляции обсуждений актуальных религиозных вопросов, духовных проблем. Например, обсуждаются правила соблюдения Рамадана, его благотворного влияния на духовное состояние и физическую форму человека. Многочисленные публикации посвящены формированию духовно-нравственного мира мусульманина через обращение к текстам Корана, а также высказываниям духовных лидеров. Администраторы группы размещают публикации с такими текстами, которые сопровождаются соответствующей визуализацией: «Пророк сказал: «Если мусульманин накормит голодного мусульманина, то Аллах накормит его райскими плодами» (Абу Давуд, Ат-Тирмизи)»; «Пророк сказал: «Если мусульманин оденет мусульманина, лишенного одежды, то Аллах оденет его в зеленый райские одежды» (Абу Давуд, Ат-Тирмизи); также частыми публикациями являются просьбы о помощи тяжелобольным мусульманам, их детям. Эти материалы позволяют говорить о доминирующих моральных, этических и духовных ценностях, которые транслируются посредством социальной сети. Обращает на себя внимание довольно низкая «обратная связь» на публикации, которая выражается не только в комментариях, но и в использовании «сердечек» как знаков поддержки и одобрения публикации, выражения своих позитивных чувств (при показателе просмотров в 16 тыс., всего 1137 «сердечек» или выражения одобрения, при шести тысячах просмотров публикации – 456 одобрений, при 61 тыс. просмотров – 2211 «сердечек» и т. д.). Предположим, что это отражение традиций довольно сдержанного выражения эмоций в религиозной культуре мусульман.

Группа «Ислам в моем сердце», объединяющая более 33 тыс. участников, публикует моральные наставления, объясняет правила поведения по законам Корана, соблюдения заповедей. Обращает на себя внимание диалогичный характер взаимодействия в рассматриваемых группах и объединениях, стремление участников выяснить особенности и тонкости религиозных обрядов и ритуалов,

обращение к авторитетным лидерам за разъяснением вопросов веры. Многочисленные религиозные сообщества в социальной сети возглавляют имамы, которые используют цифровое пространство для взаимодействия с уммой, расширяя его возможности. Представляется, что подобные группы могут стать предметом самостоятельного исследования выражения религиозности средствами современных медиа.

Обратимся к анализу репрезентации повседневной культуры мусульман в социальных сетях, выделив такие ее составляющие, как системы коммуникаций, культуру здоровья, питание, способы рекреации, а также одежду.

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МУСУЛЬМАН В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Уровни повседневной культуры простираются от бытового до профессионального и включают многомерные феномены. Одним из таких выступает процесс коммуникации, как межкультурной, так и межличностной. Коммуникативное взаимодействие предполагает обмен информацией на разных уровнях, что находит отражение и в социальных сетях. Большое количество групп посвящено информированию о мире ислама и сообществах мусульман. Так, группа Ислам-News, насчитывающая более 26 тыс. участников, позиционирует себя как площадка для новостей, аналитической и просветительской информации об исламе. Традиционными материалами для нее являются зарубежные и российские новости мира ислама (деятельность мечетей, паломничество), результаты различных исследований и опросов. Например, приводятся данные о прямой зависимости числа курильщиков и исповедовании ислама: указывается, что самыми некурящими регионами России признаны республики, где ислам является преобладающей религией – Чечня, Ингушетия и Дагестан.

Группа «Ислам сегодня / Хузур», объединяющая около 270 тыс. участников, популяризирует знания об исламе, правильном соблюдении правил поста, халяльных продуктах и многих других вопросах, которые интересуют мусульман ежедневно.

Группа «Мусульмане и Ислам», в которой более 92 тыс. участников, в качестве своего кредо представляют емкое выражение «Об Исламе. Достоверно». Несмотря на название, это преимущественно направленный на коммуникацию ресурс, толкующий нормы ислама и варианты их реализации в повседневной жизни. Например, объясняются правила поведения в обществе, где люди говорят на разных языках (приводится прямой запрет на использование незнакомого человеку языка в его присутствии).

Еще одним вариантом коммуникации в социальных сетях выступает объединение людей по религиозному и гендерному признаку. В группе «Дневник мусульманки», насчитывающей более 494 тыс. подписчиков, основными темами выступают: правила соблюдения Рамадана, духовно-нравственные наставления, различные марафоны по сбору средств нуждающимся, в том числе, с привлечением известных мусульман. Обсуждаются темы, наиболее значимые в жизни женщины: семья, взаимоотношения с мужем и детьми; все вопросы рассматриваются сквозь призму веры.

Обращает на себя внимание активное использование видеоматериалов для раскрытия содержания вопросов повседневной жизни мусульман. Большое количество постов отражает нравственные устои традиционной мусульманской культуры. При этом приводятся доводы в пользу этих традиций и моральных установок с опорой на текст Корана и мнения духовных лидеров.

Отдельный интерес представляют группы в ВКонтакте, объединяющие для общения и взаимодействия мусульман разных городов, регионов и отдельных локальных пространств. Например, «Мусульмане Мурманска», «Мусульмане Кемерова», «Мусульмане Карелии», «Мусульмане Казани», «Мусульмане Краснодара», «Мусульмане Челябинска», «Мусульмане Костромы», «Мусульмане Тулы и не только» и многие другие. Обращает на себя внимание, что эти группы существуют как в городах с доминирующим мусульманским населением, так и в традиционных местах проживания представителей других религиозных систем (православия). Эти группы отражают события в мусульманском мире преимущественно на уровне локального пространства, в масштабе отдельного города или региона. Например, там размещаются объявления о предстоящих местных мероприятиях, представляются обзоры прошедших событий.

Определенный интерес представляют сообщества, созданные по типу досок объявлений, где размещаются различные предложения и запросы. Так, в сообществе «Объявления для мусульман», объединяющем 22 тыс. участников, можно выделить следующие группы объявлений и направлений коммуникации участников: аренда жилья, предложения вакансий и поиск работы, предложения продажи разнообразных товаров, связанных с мусульманской культурой (мусульманская одежда, масляные духи, пищевые добавки и др.).

В группе «Мусульмане в Москве, объявления, работа, жилье» название говорит само за себя. Здесь сдается и снимается жилье, находятся компаньоны для совместной аренды недвижимости, встречаются работодатели и соискатели, продаются и покупаются различные товары и услуги.

Еще одной важной составляющей повседневной культуры мусульман являются вопросы здоровья и питания, которые широко представлены в социальных сетях. Они традиционно рассматриваются и в представленных ранее группах, и объединяют интересующихся какими-то конкретными вопросами. Значительное число пользователей подписывается на группы, посвященные вопросам питания, кулинарии и гастрономии. Так, на запрос «Халяль» ВКонтакте поисковик выдает около 1100 сообществ. В основном они представляют местных производителей или продавцов халяльной продукции, во многом являясь виртуальной витриной товаров. Отдельную категорию составляют кафе и рестораны, осуществляющие свою деятельность по законам ислама и акцентирующие внимание на своей кухне, использующей продукты со знаком Халяль. Прослеживается широкая география таких предложений и их представленность, как в мегаполисах, так и в малых городах.

Проявлением культуры повседневности выступают вопросы одежды и моды. На запрос «Мусульманская одежда» поисковик социальной сети ВКонтакте выдает более 1150 сообществ, объединенных темой стиля, моды, мужской и женской мусульманской одежды. Рассмотрим одно из сообществ. «Мусульманская одежда для девушек» объединяет более 17 тыс. пользователей и активно предлагает (продает) различную одежду для мусульманок. От традиционных закрытых платьев, создающих классический образ – до современных предложений одежды, разнообразной по форме, цвету и моделям.

Сообщество «ХИДЖАБ STYLE. Мусульманская одежда», 11 тыс. подписчиков, предлагает к продаже мусульманскую одежду, косметику, биологические добавки и прочее. Активно используются видеоматериалы для лучшей демонстрации одежды на моделях.

Еще одним отражением культуры повседневности мусульман выступает тема красоты и здоровья. И здесь, по аналогии с уже рассмотренными сообществами, мы отметим группы по интересам, которые объединены стремлением заботы о своем здоровье и здоровье своих близких, отражающие представления о красоте и способах ее достижения. Прежде всего это многочисленные сообщества, которые формируются вокруг конкретных медицинских учреждений, позиционирующих себя как мусульманские медицинские центры. Отдельное внимание привлекают правила, на которые опираются в своей работе мусульманские салоны красоты, позиционирующие себя именно таким образом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные варианты отражения повседневной культуры мусульман в социальных сетях, на примере сети ВКонтакте, позволяют сделать выводы:

- сообщества в социальных сетях во многом являются своеобразной «копией» реальной жизни и проявлений культуры повседневности;
- используются новые возможности онлайн-коммуникаций для привлечения большего числа участников, которые зачастую рассматриваются как потребители конкретных товаров и услуг;
- проведенный контент-анализ позволяет провести классификацию сообществ, среди которых выделим: 1) сообщества сугубо религиозной направленности; 2) сообщества, опирающиеся на нормы Корана, популяризирующие ценностно-смысловые основания ислама, проводящие просветительскую работу; 3) сообщества, отражающие элементы культуры повседневности на ее бытовом уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.
2. Зиннятуллина Г. Ф. Культура повседневности мусульман: вариативность практик в условиях российского мегаполиса // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 1–1. С. 102–108.
3. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018.
4. Быстрицкая Е.В. Повседневности культура // Прикладная культурология. Энциклопедия / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М.: Согласие, 2019. С. 472–481.
5. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика. М.: Академ. проект, 2008.
6. Кириллова Н. Б. Медиакультура и основы менеджмента. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014.
7. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 2007.

REFERENCES

1. Astafieva, O. N., Nikonorova, E. V., Shlykova, O. V. (2018). Kultura v cifrovoy civilizacii: noviy etap osmisleniya strategii budushego dlya ustoychivogo razvitiya= Culture in digital civilization: a new stage in understanding the strategy of the future for sustainable development. Observatory of Culture, 15(5), 516–531. (In Russ.)
2. Zinnyatullina, G. F. (2020). Muslim everyday culture: variability of practices in the Russian metropolis. Culture and Civilization, 10(1–1), 102–108. (In Russ.)
3. Malygina, I. V. (2018). Identichnost` v filosofskoy, socialnoy i kulturnoy antropologii = Identity in philosophical, social and cultural anthropology. Moscow: Soglasiye. (240). (In Russ.)
4. Bystritskaya, E. V. (2019). Povsednevnosty kultura = Everyday culture. Prikladnaya kulturologiya. Applied Culturology (pp. 472–481). Encyclopedia. Moscow: Soglasiye. (In Russ.)
5. Kirillova, N. B. (2008). Mediakultura: teoriya, istoriya, praktika. Media culture: theory, history, practice. Moscow: Akadem. projekt. (In Russ.)
6. Kirillova, N. B. (2014). Mediakultura i osnovi menedjmenta = Media culture and basics of management. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
7. Kagan, M. S. (2007). Filosofskaya teoriya cennostey = Philosophical theory of values. St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Купцова Ирина Александровна

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета
заведующая кафедрой медиаобразования
Московского педагогического государственного университета
эксперт НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации» РАНХиГС

Зиннятуллина Гульшат Фяритовна

старший преподаватель
кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
соискатель кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuptsova Irina Alexandrovna

Doctor of Culturology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of World Culture
Moscow State Linguistic University
Head of Media Education Department, Moscow Pedagogical State University

Zinnyatullina Gulshat Fyaritovna

Senior Lecturer
at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Political Studies
Institute of International Relations and Social-Political Studies
an applicant of the Department of World Culture
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.07.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.07.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

Символическое «страдание» артефактов. Статья 2

А. А. Смирнова[1], **И. В. Леонов**[2], **И. В. Кириллов**[3]

[1,2,3]*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия*
[1]*allasmir@mail.ru*
[2]*ivaleon@mail.ru*
[3]*os84@yandex.ru*

Аннотация. Текст является завершением двухчастной статьи, которая посвящена изучению символических «страданий» артефактов. В настоящей публикации уделено внимания перипетиям, которые «переживают» культовые сооружения, памятники советской эпохи и иные объекты. Разбираются конкретные ситуации «страданий» во взаимодействии с культурным контекстом. Делается вывод о сложности и междисциплинарном характере изучаемой проблематики и ее перспективности в плане научного изучения.

Ключевые слова: культурное наследие, архитектоника культурного наследия, переходность, «тектонический сдвиг» культуры, артефакт, памятник, символическое «страдание»

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Символическое «страдание» артефактов. Статья 2 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 156–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

Original article

Symbolic “Suffering” of Artifacts. Article 2

Alla A. Smirnova[1], **Ivan V. Leonov**[2], **Igor V. Kirillov**[3]

[1,2,3]*Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia*
[1]*allasmir@mail.ru*
[2]*ivaleon@mail.ru*
[3]*os84@yandex.ru*

Abstract. The text is the conclusion of a two-part article devoted to the study of symbolic “suffering” of artifacts. In this publication, attention is paid to the vicissitudes that “survive” religious buildings, monuments of the Soviet era, as well as other objects. Specific situations of “suffering” are analyzed; their connection with the cultural context is indicated. The conclusion is made about the complexity and interdisciplinary nature of the studied problem and its perspectives in terms of scientific study.

Keywords: cultural heritage, architectonics of cultural heritage, transitivity, “tectonic shift” of culture, artifact, monument, symbolic «suffering»

For citation: Smirnova, A. A., Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2023). Symbolic “suffering” of artifacts. Article 2 // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 156–162. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

ВВЕДЕНИЕ

Мир памятников культуры сложен и многообразен. Драматургия их биографий обширна и противоречива. На протяжении своей жизни памятники могут попадать в различные ситуации, в том числе и претерпевать разного рода «страдания». Пострадать может как форма, так и «смысловая аура» объекта. В ходе изучения феномена символического «страдания» памятников был сделан вывод, что указанные ситуации неизменно проявляются на протяжении истории, – обретая при этом в зависимости от контекста различные конкретно-исторические формы. В первой части статьи была дана общая характеристика изучаемого феномена, приведен ряд примеров символического «страдания» артефактов (преимущественно ярко выраженных).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Продолжая рассмотрение представленной темы, необходимо коснуться антирелигиозной политики, проводимой в первые десятилетия советской власти. Кампания по закрытию культовых сооружений и изъятию церковных ценностей, масштабная (и нередко вульгарная в художественном отношении) атеистическая пропаганда, осуществляемая Союзом воинствующих безбожников и другими институциями, а также иные подобные мероприятия были существенной частью государственной культурной политики обозначенного периода. Антирелигиозная политика отразилась на судьбе многих памятников историко-культурного наследия, а также на музейной деятельности. Примечательно, что многие артефакты, имеющие отношение к религиозному культу, сохранялись и экспонировались, – однако экспонирование зачастую сопровождалось ярко выраженным антирелигиозным контекстом, имевшим пропагандистскую форму [Туминская, 2020]. Начиная с 1940-х годов, после возвращения отечественной культуры ко многим системообразующим аспектам собственной истории, масштабы такого рода деятельности значительно сократились.

Тем не менее даже во времена сокращения масштабов антирелигиозной политики дискуссии относительно того, как сохранять и экспонировать артефакты, связанные с религиозным культом, продолжились. Сам факт музеефикации многих культовых сооружений и присутствия в музейных пространствах предметов культа (включая, например, иконы) воспринимается частью общества неоднозначно. Что уж говорить о размещении в культовых пространствах объектов атеистической пропаганды – укажем, например, на то, что в советском Ленинграде в музеефицированнном Исаакиевском соборе в 1931–1986 годах функционировал маятник Фуко, а в Казанском соборе с 1932 года действовал Музей истории религии и атеизма, включавший «музей инквизиции» откровенно антицерковной направленности. В последние десятилетия на фоне повышения статуса религии в отечественной культуре обозначенные дискуссии получили новый импульс. В рассматриваемой сфере стали проявляться новые практики, которые имеют компромиссный характер – так, Владимирская икона Божьей матери, обладающая статусом экспоната Государственной Третьяковской галереи, с 1999 года находится в Храме-музее святителя Николая в Толмачах (являющегося частью Третьяковской галереи); в Исаакиевском соборе, который продолжает оставаться музеем, регулярно проходят церковные службы. Представляется, что указанные практики способствуют снятию противоречий и достижению согласия между представителями различных общественных групп.

Среди относительно «мягких» практик выделяется практика драпировки и маскировки памятников историко-культурного наследия. Данная практика – в первую очередь вследствие радикальных социокультурных преобразований, связанных с революцией 1917 года и распадом Советского Союза в 1991 году – в последнее столетие получила значительное распространение в нашей стране. Архитектонические перестройки культуры ведут к преобразованию ее наследственного материала, что влечет за собой перегруппировку его актуальных, «снятых» и потенциальных составляющих [Кондаков, 2014]. Нередко сакрально-значимые сооружения предшествующих исторических периодов, отражающие ценностно-смысловое ядро прежней культуры, вступают в противоречие с новым обликом культуры; вследствие этого от них избавляются, их перемещают в менее значимые локации, их преобразуют, драпируют (при этом драпировка может выполняться с учетом противоположных природе памятника идеологических установок – так, в советский период некоторые объекты занавешивали красной материей [Готье, 1997] и революционными лозунгами. Имели место и ситуации абсолютно нелепые: например, икону Серафима Саровского из-за портретного сходствА с Карлом Марксом украшали революционной символикой [Пархоменко, 2010] и т. д. В указанном контексте практики маскировки и драпировки являются во многом компромиссными. Тем не менее закрытый, спрятанный, «завуалированный» объект, важный для носителей конкретной культуры, может восприниматься ими как «страдающий». Так, в советском Петрограде-Ленинграде

драпировали и «прятали» памятник Николаю I на Исаакиевской площади, указанный выше памятник Александру III; статую ангела на Александровской колонне в дни больших праздников маскировали брезентом и воздушными шарами. Самый известный случай драпировки значимого объекта в постсоветский период – драпировка мавзолея В. И. Ленина в дни военных парадов на Красной площади, которая неоднозначно воспринимается российскими гражданами и вызывает большие споры.

Помимо драпировки артефактов, возможны и иного рода практики декоративного переоформления памятников, существенно не затрагивающие их архитектонику, но способные повлечь ситуации символического «страдания». Например, в 1920-х годах в дни годовщины Октябрьской революции на Исаакиевском соборе устраивали праздничную иллюминацию; в тот же период колокольню недействующего Страстного монастыря в Москве использовали как информационную и рекламную площадку, на которой размещали политические лозунги, киноафиши, рекламу лотерей и т. п. (это вообще было одной из характерных примет довоенного Советского Союза – «бесчисленные ограды церквей и монастырей предоставляют наилучшие площади для плакатов» [Беньямин, 1996, с. 196]). Подобного рода действия, неорганичные природе данных артефактов, были призваны нивелировать их изначальные ценностно-смысловые аспекты и изменить их статус в культуре.

Достаточно ярким примером также является оснащение Казанского собора советской атрибутикой, имевшее место в 1934 году. Фотографии Казанского собора, сделанные в указанное время, «могут удивить наших современников <…> у собора размещена масштабная экспозиция, посвященная челюскинцам, на фасаде собора размещен большой портрет Сталина, меньшие по размерам портреты героев-полярников, макеты аэропланов и славящие полярников лозунги <…>. Рядом с колоннами Казанского собора были размещены стационарные книжные киоски, в которых продавали, в частности, техническую литературу и учебники для ВТУЗов; киоски также были снабжены агитационными плакатами («Вооружим творческую инициативу масс глубоким знанием техники» и т. д.)» [Леонов, Ройттер, Кириллов, 2020, с. 114]. Приведенный случай ярко иллюстрирует специфическую ситуацию, когда объект, имеющий одну ценностно-смысловую природу, становится транслятором ценностей культуры, выстроенной на иных аксиологических основаниях. Памятник оказывается на пересечении разных ценностно-смысловых сфер, на перекрестке культур. В рассматриваемом примере, в частности, речь идет о декоративном «убранстве», которое противоречило природе храма, однако популяризовало подвиг полярников-челюскинцев, важный не только для советских граждан, но и сохраняющий свою значимость для современной культуры России. Указанная дуальная ситуация усложняет памятник, его биографию и восприятие.

Изучение данной проблематики позволяет высветить еще один ее значимый аспект, который на первый взгляд выглядит парадоксально, однако имеет внутреннюю логику. Некоторые памятники историко-культурного наследия, обладая определенной «гравитацией» и «силой притяжения» общественного внимания, способны сохранять эти качества на протяжении длительных периодов истории в контексте сложных «тектонических сдвигов» культуры, – даже с учетом радикальных перестроек ее аксиосферы. Как следствие, многие значимые для определенных культур артефакты и локации становились своеобразными площадками для популяризации не только ценностно-смысловых установок породивших их культур, но и установок культур, которые пришли им на смену. Показательны размышления известного российского мыслителя-сменовеховца, министра колчаковского правительства Н. В. Устрялова, который, рассуждая о российской революции, писал: «Над Зимним дворцом <…> дерзко развевается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал»». Далее автор, отмечая странность происходящего и «боль для глаза и для уха», ссылаясь на то, что его многое коробит, указывает, что в его душе невольно рождаются вопросы относительно того, красное ли знамя диссонирует с Зимним дворцом, – «…или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?…» [Устрялов, 1922, с. 56]. Данные размышления фиксируют пересечения различных ценностно-смысловых и знаково-символических сфер в пространстве артефактов, которые являются своеобразными маркерами соответствующих культур. Эти размышления хоть и строятся на выявлении противоречий, но в то же время указывают на возможность сохранения значимости тех или иных объектов и локаций в принципиально новых условиях. Примером в данном случае является сохранение статуса многих топосов власти, несмотря на радикальные революционные преобразования.

Рассматриваемый в настоящей статье феномен символических «страданий» артефактов устойчиво проявляется и в наше время. При этом ситуации возникновения символических «страданий» весьма

многообразны. Мир рубежа XX – начала XXI веков. характеризуется сложной динамикой социокультурных преобразований, наличием архитектонических разломов внутри различных культур, межкультурных напластований, «складок», порождающих сломы и трансформации аксиологических эпицентров тех или иных культур. Данное обстоятельство определяет появление множества позиций субъекта относительно сложных мировоззренческих вопросов (включая политико-идеологические, религиозные и др.). Реалии сегодняшнего дня отличаются столкновением различных субъектных позиций, множественностью дискурсивных практик, что весьма усложняет восприятие различных феноменов историко-культурного наследия. Как следствие, многие ситуации символических «страданий», которые возникают в биографиях различных артефактов, «обрастают» всевозможными субъективными оценками, которые зависят от ценностно-смысловых ориентаций воспринимающих сторон.

Переходя к рассмотрению конкретных примеров, укажем на памятник В. И. Ленину, который изначально был установлен в латвийской Елгаве. В начале 1990-х годов памятник был демонтирован и вскоре после этого выкуплен и перевезен в Хернинг (Дания). В новой локации монумент установили на специально созданных креплениях в горизонтальном положении, в «лежачем» виде. С точки зрения создателей композиции «Lenin er dod» («Ленин умер»), она была призвана «символизировать смерть основателя первого в мире социалистического государства, а вместе с ним и его идей» (*Как в Дании «убили Ленина» // Комсомольская правда. 1.11. 2018*[1]). Состояние, в котором оказался памятник В. И. Ленину, у многих зрителей, не погруженных в аксиосферу советской культуры, не вызывает ощущение «страдания». Однако для людей, сопричастных к советскому «авторитетному дискурсу», важнейшими «точками сшивки» которого являлись Ленин, Партия и Коммунизм [Юрчак, 2014], данное отношение к памятнику вождю мирового пролетариата является категорически неприемлемым и грубо разрывающим «символическую ткань» советской культуры.

Помимо нарушения общепринятых норм экспонирования артефактов, еще одним способом причинения символических «страданий» памятникам является их перемещение и помещение в неорганический контекст. В качестве примера приведем известную историю с таллиннским Бронзовым солдатом, который был перемещен в иную, менее статусную локацию в том же городе. Изначально памятник павшим при освобождении Таллина в 1944 году красноармейцам находился в центре города, рядом с церковью Каарли, однако в 2007 году в рамках кампании по «декоммунизации» он был перенесен на находящееся на городской окраине военное кладбище; указанный перенос вызвал большой общественный резонанс в Эстонии и в России. На современной Украине, помимо многочисленных случаев сноса и осквернения монументов дореволюционного и советского периодов, также имеют место и переносы памятников в неорганический для них контекст. Так, в 2022 году горсовет Измаила принял решение о переносе памятника А. В. Суворову из центра города в музей (*В украинском Измаиле перенесут памятник Суворову в музей*[2]); в Черновцах намереваются перенести монументы, посвященные Великой Отечественной войне, и братские могилы генералов и офицеров Красной Армии (*В Черновцах советские памятники перенесут из центра на Одесскую улицу, 2022*[3]) и т. д.

Кроме того, символические «страдания» могут быть причинены артефакту и вследствие нарушения норм поведения, подобающих тому или иному памятнику, со стороны публики или ее отдельных представителей. Памятники, содержа определенные сакральные смысловые аспекты, предполагают соответствующие поведение в их пространствах и рядом с ними. Данное обстоятельство касается как светских артефактов, так и объектов религиозного культа и иных сакрально значимых феноменов. Примеров подобных нарушений можно назвать достаточно много. Так, в последние десятилетия на постсоветском пространстве неоднократно фиксировались нарушения норм поведения в отношении Вечного огня, что является абсолютно недопустимым и вызывает общественное осуждение. Примечательна, например, ситуация Марсова поля в Санкт-Петербурге, на которую указывает И. В. Утехин [Утехин, 2013]. Автор отмечает, что в постперестроечные времена в рамках радикальных социокультурных преобразований существенно изменялся статус различных городских пространств. Поменялся и статус Марсова поля, которое ранее было исключено из пространства обыденности, вокруг которого «царила торжественность». Для некоторых горожан эта локация, очевидно, десакрализовалась, – чем была обусловлена эволюция поведенческих практик [так же]. Помимо этого, И. В. Утехин пишет об иных случаях подобного рода, в частности, об общественном резонансе, вызванном устройством катка на Дворцовой площади в 2007 году.

Весьма распространенным примером воздействий на формы памятников являются практики

[1]URL: https://www.kp.ru/online/news/3283598/

[2]URL: https://lenta.ru/news/2022/10/28/suvorov/

[3]URL: https://ria.ru/20220810/pamyatniki-1808630229.html.

их переодевания, которые можно ранжировать от условно безобидных до крайне неуместных. Например, во многих российских городах значительные памятники облекали в наряды Дедов Морозов: подобным образом наряжали памятник Юрию Долгорукому в Москве, памятник Петру I в Липецке, памятник Ф. Прядунову в Ухте, челябинского богатыря (часть памятника «Сказ об Урале»). На скульптуре С. Есенина, которая стоит на Тверском бульваре в Москве, регулярно появляется галстук; в Воронеже проводилась акция «свитер Высоцкому»; на столичный памятник А. С. Пушкину в 2005 году, в день победы футбольной команды ЦСКА в Кубке УЕФА, был надет фанатский шарф. Подобные практики проявляются и в студенческой среде, особенного в среде выпускников вузов – так, выпускники Сеченовского университета ежегодно обматывают бинтами памятники И. М. Сеченову и Н. И. Пирогову и надевают им на головы медицинские шапочки; студенты МФТИ наряжают памятник Н. Е. Жуковскому; в Благовещенске выпускники филиала Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского наряжали в матросский костюм памятник В. И. Ленину и т. д. В этой связи можно вспомнить также рассуждения М. М. Бахтина про средневековую западноевропейскую праздничную культуру, которой исторически были присущи шутовство, переодевание, непристойные танцы и т. п. [Бахтин, 1990]; заметим, что схожие установки проявлялись и в традиционной русской праздничной культуре – «по народно-православным представлениям, в календаре бывают дни, когда грехи как бы не вменяются» [Панченко, 2000, с. 301].

Приведенные примеры показывают всю неоднозначность и сложность изучаемого феномена. В этом плане показательно, что в ряде случаев переодевание памятников происходило при поддержке или даже по прямой инициативе местных властей (*Долгорукий – Дед Мороз оказался сюрпризом от Юрия Лужкова. 2005*[1]) – а в других случаях власти, напротив, препятствовали подобным практикам (как это было в ситуациях с несостоявшимся переодеванием скульптуры горниста, которая является частью памятника борцам за власть Советов во Владивостоке) (*Дизайнеры предложили переодеть памятник красноармейцу в Снегурочку. 2020*[2]). Прежде всего в рассматриваемом вопросе речь идет о выявлении степени допустимых отклонений поведения в отношении того или иного памятника или группы памятников. Как уже было отмечено выше, отклоняющееся от социальной нормы обращение с различными артефактами может вступать в противоречие с восприятием памятников как сакрально значимых со стороны определенных общественных слоев. Нередко тот, кто допускает в отношении памятников соответствующие девиации, не отдает себе отчета в том, что другие могут воспринимать такое поведение как неприемлемое.

Анализ подобных практик причинения символических «страданий» артефактам, а также спорность многих ситуаций причинения «страданий» памятникам показывают, что в некоторых случаях могут проявляться сразу несколько позиций относительно того, провоцируют ли данные действия «страдания» объекта. Изучаемый феномен усложняется еще и тем, что множественность точек зрения на ту или иную ситуацию «страданий» артефактов дополняется способностью субъекта изменять точку зрения. Плавающие параметры восприятия у субъекта реализуются на фоне смены и корректировки ценностно-смысловых ориентаций, которые человек способен переживать в течение жизни. Необходимо указать, что аксиосфера культуры может быть неоднородной, в ней могут соседствовать и уживаться разные ценностно-смысловые комплексы, взаимодействующие, дополняющие друг друга и конкурирующие между собой. В указанном контексте субъект способен «перемещаться», – что ведет к смене его ценностно-смыслового «облика» и изменению восприятия им тех или иных памятников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, укажем, что проблема символических «страданий» памятников является довольно интересной и перспективной в плане научной разработки. Феномен символических «страданий» устойчиво проявляется в истории мировой культуры, реализуя определенные архетипические основания отношения человека к значимым памятникам. В силу различных историко-культурных обстоятельств указанные артефакты становятся объектами негативного воздействия, имеющего символическую форму. При этом сам факт символического «страдания» памятников невероятно усложняется множественностью субъектных позиций, которые позволяют самым разным образом воспринимать указанные действия, а также трансформацией данных позиций в ходе истории. Анализ рассматриваемого вопроса показывает, что факт причинения символических *страданий*, не затрагивающих существенным образом материальную компоненту памятников, может оставлять значительный след в их «реальности».

[1] URL: https://lenta.ru/news/2005/12/26/statue1/

[2] URL: https://vl.aif.ru/ny/dizaynery_predlozhili_pereodet_pamyatnik_krasnoarmeycu_v_snegurochku

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Туминская О. А. Антирелигиозная пропаганда в Государственном Русском музее // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 1. С. 67–81.
2. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М. ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 533–544.
3. Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.
4. Пархоменко Т. А. Культура без цензуры: Культура России от Рюрика до наших дней. М.: Книжный клуб Книговек, 2010.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
6. Леонов И. В., Ройттер Г., Кириллов И. В. Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XIX–XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3 (37). С. 105–127.
7. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех. 2-е изд. Прага: Типографія Отто Эльснера, 1922. С. 52–71.
8. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
9. Утехин И. В. Место действия: публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 75–98.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990.
11. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000.

REFERENCES

1. Tuminskaya, O. A. (2020). Antireligioznaya propaganda v Gosudarstvennom Russkom muzee = Anti-religious propaganda in the State Russian Museum. Museum. Monument. Heritage, 1, 67–81. (In Russ.)
2. Kondakov, I. V. (2014). Arhitektonika kul'turnogo naslediya = Architectonics of cultural heritage (pp. 533–544). Cultural genesis and cultural heritage / nauch. red. i sost. A. V. Bondarev. Moscow ; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ. (In Russ.)
3. Got'e, Yu. V. (1997). Moi zametki = My notes. Moscow: Terra. (In Russ.)
4. Parhomenko, T. A. (2010). Kul'tura bez cenzury: Kul'tura Rossii ot Ryurika do nashih dnej = Culture without censorship: The Culture of Russia from Rurik to the present day. Moscow: Knizhnyj klub Knigovek. (In Russ.)
5. Ben'yamin, V. (1996). Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoj vosproizvodimosti. Izbrannye esse = A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays. Moscow: Medium. (In Russ.)
6. Leonov, I. V., Rojtter, G., Kirillov, I. V. (2020). Transformation of Forms and «Semantic Aura» of Sacred Places in the Culture of Russia of the 19–21 century Russia: the Case Study of Religious Architecture Monuments. Human. Culture. Education, 3(37), 105–127. (In Russ.)
7. Ustryalov, N. V. (1922). Patriotica (pp. 52–71). Change of milestones. 2nd ed. Praga: Tipografiya Otto El'snera. (In Russ.)
8. Yurchak, A. V. (2014) Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie = It was forever until it was over. The last Soviet generation / predisl. A. Belyaeva; per. s angl. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russ.)
9. Utekhin, I. V. (2013). Mesto dejstviya: publichnost' i ritual v prostranstve postsovetskogo goroda = Place of action: publicity and ritual in the space of a post-Soviet city (pp. 75–98). Strelka: Sbornik 2013 = Strelka: Collection 2013. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
10. Bahtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
11. Panchenko, A. M. (2000). O russkoj istorii i kul'ture = About Russian history and culture. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Алла Александровна
доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Леонов Иван Владимирович
доктор культурологии, доцент
профессор кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кириллов Игорь Викторович
магистрант кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Alla Aleksandrovna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Head of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Leonov Ivan Vladimirovich
Doctor of Culturology, Associate Professor
Professor at the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Kirillov Igor Viktorovich
a Master's student
of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию	07.07.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.07.2023	approved after reviewing
принята к публикации	13.07.2023	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 10 (878)

Ответственные редакторы выпуска
доктор филологических наук, доцент Л. В. Моисеенко,
кандидат филологических наук, доцент А. В. Анищенко

Редактор М. М. Сингал
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 11.04.2023
Усл. печ. л. 20,4. Формат 60x90/8
Заказ № 74/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 10 (878)

Executive editors
L. V. Moiseenko, Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
A. V. Anishchenko, PhD (Philology), Associate Professor

Editor M. M. Singal
Layout: G. P. Lopatina
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 11.04.2023
Conventional printed sheets: 20,74. Layout format 60x90/8
Order 74/23

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2023

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки нароов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».